Самсон Гелхвидзе



ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Историко-философский роман

Власть и ответственность...
Величие и его пределы...
Любовь и потеря...
Жизнь и смерть...
Смысл и осознание..

18+

Путь человека
сквозь века, миры и самого себя...

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА -
Историко-философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА - Историко-философский роман / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА» — это не просто художественное повествование о жизни и завоеваниях Александра Македонского. Это глубокое размышление о человеческой природе, цене величия, непреходящей власти времени и неизбежности смерти.Автор показывает Александра не только как выдающегося полководца и правителя, но и как сложную, противоречивую личность, наделённую честолюбием, отвагой, мечтами и внутренними сомнениями. В романе постепенно раскрывается судьба человека, стремившегося выйти за пределы известного ему мира, но столкнувшегося с пределами собственного существования.А также поднимаются вопросы, которые не теряют актуальности на протяжении веков: что остаётся после человека, в чём заключается подлинное величие, можно ли измерить жизнь завоёванными территориями и приобретёнными богатствами? Центральная идея романа ОСОЗНАНИЕ того, что человек не может унести с собой ничего из приобретённого, в этом мире, но способен оставить после себя доброе и духовное наследие.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА -
Историко-философский роман

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Историко-философский роман

ПРОЛОГ

Ребёнок, которому предстояло изменить мир

Пелла. Македония. 356 год до нашей эры.

В ту ночь над Македонией бушевала гроза.

Тяжёлые облака, пришедшие с запада, закрыли звёзды. Ветер гнул деревья в царских садах, срывал с крыш черепицу и заставлял трепетать огни факелов у дворцовых ворот. Где-то далеко перекатывался гром, и казалось, будто сама земля предупреждает людей о приближении чего-то необыкновенного.

Во дворце царя Филиппа II не спали.

Царица Олимпиада рожала.

Филипп находился вдали от Пеллы, занятый военными и государственными делами. Его отсутствие не означало, что он забыл о происходящем. Напротив, весть о рождении наследника могла изменить многое в судьбе Македонии.

Но в ту ночь никто ещё не знал, каким будет этот ребёнок.

Будет ли он похож на отца — человека сурового, властного, умеющего подчинять себе людей и обстоятельства? Или в нём проявится что-то от матери, женщины необыкновенной красоты, гордости и сложного характера, в которой окружающие порой видели больше загадки, чем человеческой сущности?

Наконец за дверью раздался детский крик.

Старшая повитуха вышла в коридор. Её лицо было утомлённым, но счастливым.

— Царица родила сына, — произнесла она.

Слуги переглянулись. Кто-то поспешил к конюшням, чтобы отправить гонца к царю. Другие начали готовить дворец к торжеству.

А в покоях Олимпиады лежал младенец.

Маленький, беспомощный, ещё не знающий ни своего имени, ни своего происхождения, ни той страшной цены, которую однажды придётся заплатить за собственные мечты.

Мать осторожно коснулась его щеки.

— Александр… — прошептала она.

Имя было выбрано не случайно. Оно означало защитника людей.

Олимпиада долго смотрела на сына.

— Ты будешь великим, мой мальчик. Ты не станешь жить в тени своего отца.

Она ещё не знала, насколько далеко заведёт его это желание.

В ту же ночь, согласно древним преданиям, в Эфесе загорелся храм Артемиды — одно из величайших святилищ эллинского мира. Позднее эту историю будут связывать с рождением Александра, придавая ей почти мистическое значение.

Случайность, совпадение или знак богов — каждый решал по-своему.

Но история уже приготовила для этого ребёнка необыкновенную судьбу.

Впереди были дворцовые интриги, наставники и соперники, первые победы, любовь и предательство, верные друзья и завоёванные царства.

Впереди был мир, который ещё не подозревал, что однажды его границы окажутся слишком тесными для амбиций македонского царя. И всё же самое главное в этой истории заключалось не в том, сколько земель он сумеет покорить. А в том, что останется от человека, который однажды решил, что ему принадлежит весь мир.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дворец, в котором рос будущий царь

Пелла просыпалась медленно.

Утреннее солнце поднималось над равниной, золотило крыши дворца, отражалось в мраморных колоннах и освещало просторный внутренний двор, где уже начиналась обычная жизнь царской резиденции. Слуги приносили воду, конюхи выводили лошадей, оружейники проверяли клинки, а посланники из дальних областей ожидали аудиенции.

Македония жила ожиданием новых перемен.

Царь Филипп II постепенно превращал своё государство в одну из сильнейших военных держав Эллады. Он не был похож на тех правителей, которые довольствовались наследственным престолом и почестями. Филипп умел видеть слабости соседей, использовать чужие раздоры и превращать поражения в уроки. Его армия становилась всё более организованной, а македонская фаланга постепенно приобретала славу грозной военной силы.

Но в собственном дворце у него рос сын, которому предстояло однажды превзойти отца.

Александр был ещё ребёнком, однако уже отличался от других мальчиков своего возраста.

Он не любил долго сидеть без дела. Его интересовали лошади, оружие, рассказы о далёких странах и великих героях прошлого. Особенно часто он просил рассказать ему о Геракле и Ахилле.

Однажды, когда ему исполнилось около семи лет, он слушал рассказ старого дворцового наставника о Троянской войне.

— И Ахилл действительно был настолько сильным? — спросил мальчик.

— Сильным, храбрым и быстрым. Но не только этим он прославился. Он предпочёл короткую жизнь, наполненную славой, долгому существованию без имени.

Александр задумался.

— А Гектор?

Старик улыбнулся.

— Гектор был достойным противником. Он защищал родной город и свою семью.

— Значит, он тоже был героем?

— Конечно.

Мальчик нахмурился.

— Тогда почему люди больше говорят об Ахилле?

Наставник не сразу нашёл ответ.

— Потому что историю чаще всего запоминают победители, Александр.

— Но ведь Гектор тоже не был трусом.

— Нет, дитя моё. И иногда проигравшие заслуживают не меньшего уважения, чем победители.

Александр отвернулся к открытому окну. За дворцовыми стенами виднелись холмы, а дальше начиналась дорога, уходившая к далёким македонским землям.

— Когда я вырасту, — произнёс он, — обо мне тоже будут рассказывать.

Старик внимательно посмотрел на мальчика.

— Надеюсь, твои поступки будут достойны рассказов.

— Я сделаю больше, чем Ахилл.

Наставник рассмеялся, но смех его быстро стих, когда он увидел совершенно серьёзное лицо ребёнка.

— А если тебе придётся выбирать между славой и жизнью?

— Зачем выбирать? — удивился Александр. — Разве нельзя получить и то и другое?

Старик покачал головой.

Он уже давно жил на свете и знал, что некоторые вопросы невозможно разрешить одним лишь желанием.

Но Александр этого ещё не понимал.

И, возможно, именно в этом заключалась одна из самых удивительных особенностей его характера: он не воспринимал невозможность как окончательный ответ.

Воспитанием Александра занималась не только дворцовая прислуга и приглашённые наставники. Огромное влияние на него оказывала мать.

Олимпиада была женщиной сложной и властной. Она происходила из царского рода Эпира, обладала сильным характером и не привыкла уступать окружающим. В её отношении к сыну смешивались материнская любовь, честолюбие и убеждённость в его исключительном предназначении.

Она хотела, чтобы Александр никогда не забывал, кто он такой.

— Твой отец, — говорила она, поправляя складки его одежды, — может завоевать множество городов. Но ты должен помнить, что родился не для того, чтобы всю жизнь идти за ним.

— А для чего я родился?

Олимпиада посмотрела на него с улыбкой.

— Чтобы оставить собственное имя в истории.

— А если отец не захочет уступить мне своё место?

Улыбка исчезла с её лица.

— Царство не всегда достаётся тому, кто его больше заслуживает. Иногда его приходится удерживать.

Александр внимательно слушал. Он не понимал всех скрытых смыслов материнских слов, но чувствовал, что отношения между родителями далеко не так просты, как ему хотелось бы.

Филипп и Олимпиада часто спорили. Иногда их ссоры происходили при свидетелях, иногда заканчивались долгим молчанием. Царь был человеком практического склада, привыкшим оценивать людей по их способностям и поступкам. Олимпиада же руководствовалась не только расчётом, но и сильными эмоциями, которые нередко становились причиной конфликтов.

Александр рос между двумя совершенно разными характерами.

От отца он унаследовал энергию, воинственную решительность и способность действовать. От матери — гордость, впечатлительность и стремление видеть в собственной судьбе нечто большее, чем обычное царское наследование.

Но главное ещё предстояло сформировать.

И этим человеком должен был стать Аристотель.

Пока же Александр учился держать оружие, ездить верхом и управлять своим телом. Его учили истории, поэзии, музыке, геометрии и искусству вести беседу. Он мог часами слушать рассказы о Персии, Египте и землях, лежавших далеко за пределами привычного греческого мира.

Однажды во дворец привезли нескольких необычных животных из дальних областей. Среди них был огромный лев, пойманный охотниками. Животное находилось в крепкой клетке и бросалось на решётку, когда кто-нибудь приближался.

Александр долго наблюдал за ним.

— Почему он так злится? — спросил мальчик у сопровождавшего его слуги.

— Потому что хочет свободы, царевич.

— А если открыть клетку?

Слуга испуганно посмотрел на него.

— Тогда он может растерзать каждого, кто окажется рядом.

Александр задумался.

— Значит, он опасен не потому, что злой, а потому, что его лишили свободы?

Слуга не нашёлся с ответом.

В тот день мальчик впервые задумался о том, что сила и жестокость не всегда одно и то же. Иногда даже самое опасное существо оказывается пленником обстоятельств.

Он ещё не знал, что спустя годы ему самому придётся решать, что делать с людьми, которые будут сопротивляться его власти.

А пока его мир ограничивался дворцом, учебными площадками и рассказами о героях.

Но за этими стенами уже формировалась история, которая однажды потребует от него гораздо большего, чем детская отвага.

И первым настоящим испытанием станет встреча с человеком, который сумеет разглядеть в нём не просто наследника македонского престола, а будущего мыслителя, полководца и правителя.

Его звали Аристотель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Человек, который учил задавать вопросы

Македонский дворец готовился к приезду необычного гостя.

Царь Филипп II давно размышлял о том, кому доверить дальнейшее образование сына. Обычных наставников было уже недостаточно. Александр проявлял живой интерес к истории, философии и устройству окружающего мира, но его любознательность нередко превращалась в упрямство. Он задавал вопросы, на которые взрослые не всегда могли ответить, спорил с учителями и не признавал доводов, основанных исключительно на возрасте или положении собеседника.

Филипп понимал: сыну нужен человек, способный не просто передавать знания, но и воспитывать мышление.

Выбор пал на Аристотеля.

Имя философа уже было известно далеко за пределами Македонии. Он родился в Стагире, происходил из семьи, связанной с медициной, учился у Платона в Афинах и успел приобрести репутацию человека необыкновенной учёности. Его интересовали природа, политика, устройство государств, поэзия, логика, животный мир и человеческая душа.

Филипп направил ему приглашение, предложив заняться воспитанием наследника.

Когда Аристотель прибыл в Македонию, Александр уже знал о нём немало.

— Говорят, ты изучал почти всё, что существует на земле, — заявил мальчик при первой встрече.

Философ внимательно посмотрел на будущего ученика.

— Если бы это было так, мне пришлось бы прекратить учиться.

— Значит, ты не знаешь всего?

— Разумеется, нет.

Александр немного разочаровался.

— А почему тогда тебя считают мудрым?

Аристотель улыбнулся.

— Возможно, потому, что я не стыжусь признавать, чего не знаю.

Мальчик задумался.

— Но разве царь может говорить, что чего-то не знает?

— Если царь не знает чего-то, но делает вид, что знает, он становится опаснее любого врага.

Этот ответ Александру понравился не сразу.

Он привык, что взрослые стараются произвести на него впечатление. Аристотель же разговаривал с ним так, словно перед ним находился не наследник престола, а обычный мальчик, которому ещё многое предстоит узнать.

И именно это вызвало его уважение.

Для занятий выбрали Миезу — живописное место неподалёку от Пеллы, где находилось святилище нимф и где можно было заниматься вдали от дворцового шума.

Там Александр встретился с другими юношами из знатных македонских семей. Среди них были будущие военачальники, государственные деятели и люди, которым предстояло сопровождать его в походах. Некоторые впоследствии станут его ближайшими друзьями, другие окажутся соперниками, а отдельные имена будут связаны с трагическими событиями.

Но пока они были просто учениками.

Аристотель не начинал занятия с длинных рассуждений о богах или устройстве государства. Он предпочитал наблюдать за природой, обсуждать поступки исторических персонажей и заставлять молодых людей самостоятельно искать ответы.

Однажды он привёл учеников к небольшому ручью.

Вода стремительно бежала между камнями, огибая выступы и падая с невысокого уступа.

— Посмотрите внимательно, — сказал философ. — Что вы видите?

— Воду, — ответил один из юношей.

— Камни, — добавил другой.

Александр пожал плечами.

— Ручей, который течёт вниз.

Аристотель поднял небольшую ветку и бросил её в воду. Ветка сначала зацепилась за камень, затем повернулась, освободилась и продолжила движение.

— Почему она не остановилась?

— Потому что течение сильнее, — ответил Александр.

— А если бы камень оказался крупнее?

— Тогда ветка осталась бы там.

— Значит, не всякое препятствие можно преодолеть силой?

Александр посмотрел на учителя.

— Иногда можно обойти.

— А если обойти невозможно?

— Тогда нужно найти другой путь.

Аристотель одобрительно кивнул.

— Вот теперь ты начинаешь понимать.

Один из юношей рассмеялся:

— Значит, Александр уже знает, как завоёвывать мир!

— Нет, — спокойно ответил философ. — Он пока только учится понимать, что мир не обязан уступать ему дорогу.

Эти слова вызвали общий смех.

Александр тоже улыбнулся, но запомнил сказанное.

Вечерами занятия продолжались в помещении, где стояли деревянные столы, лежали свитки и хранились записи учителя.

Особенное место среди литературных произведений занимали поэмы Гомера.

Александр любил «Илиаду». Он возвращался к её страницам снова и снова, словно пытался обнаружить в них что-то, чего не замечали остальные. Аристотель даже подготовил для своего ученика особый экземпляр поэмы с собственными комментариями.

Однажды Александр принёс свиток на очередное занятие.

— Учитель, почему Ахилл так дорожил славой?

— Потому что считал её единственным способом победить смерть.

— Но он всё равно умер.

— Да. Однако его имя осталось жить.

— Значит, он победил?

Аристотель не торопился отвечать.

— Это зависит от того, что считать победой.

— Если человек умер, но его помнят тысячи лет, разве это не победа?

— Возможно. Но подумай: достаточно ли одной славы для счастья человека?

Александр некоторое время молчал.

— Я не знаю, — наконец произнёс он. — Но я не хотел бы прожить жизнь так, чтобы обо мне никто не вспомнил.

Философ внимательно посмотрел на ученика.

— Желание оставить след в истории само по себе не дурно. Опасность начинается тогда, когда человек перестаёт различать собственную жизнь и своё имя.

— А разве они не связаны?

— Связаны. Но не одно и то же.

Александр закрыл свиток.

Ему хотелось возразить, но он не нашёл подходящих слов.

Возможно, впервые он почувствовал, что существует нечто, чего нельзя добиться ни оружием, ни властью, ни даже самой сильной волей.

Это было понимание самого себя.

Аристотель учил Александра не только философии. Он знакомил его с естественными науками, рассказывал о строении человеческого тела, животных, растениях, климате и географии. Он объяснял, как устроены государства, почему возникают войны и отчего одни правители сохраняют власть, а другие теряют её.

Александр впитывал знания с необыкновенной жадностью.

Но между ними постепенно обнаруживалось одно существенное различие.

Философ стремился понять мир.

Александр хотел его изменить.

И каждый раз, когда учитель говорил о необходимости осторожности, ученик спрашивал, почему осторожность должна становиться препятствием для великих замыслов.

Однажды Аристотель сказал:

— Человек, который не умеет управлять собой, не должен управлять другими.

— Но разве можно научиться управлять собой, не сталкиваясь с трудностями?

— Можно. Для этого и существует разум.

— А если разум советует ждать, а время требует действовать?

Философ улыбнулся.

— Тогда тебе придётся научиться отличать необходимость от нетерпения.

Александр задумался.

Он ещё не знал, сколько раз в будущем ему придётся делать именно этот выбор.

Но однажды, спустя годы, когда перед ним окажутся армии персидских царей, непокорные города и бескрайние пространства Востока, он вспомнит уроки человека, который учил его не только побеждать, но и задавать вопросы.

И далеко не всегда последует его советам.

В тот вечер, когда ученики уже разошлись, Аристотель задержался в саду.

Александр подошёл к нему.

— Учитель, скажи, ты считаешь меня способным стать великим человеком?

Философ посмотрел на юношу.

— Я считаю тебя способным стать человеком необыкновенных возможностей.

— Но этого недостаточно?

— Нет, Александр. Возможности ещё не являются достижениями. Тебе предстоит доказать, что ты способен использовать их не только ради себя.

— А если я хочу оставить после себя величайшее царство, какое только видел мир?

— Тогда прежде ответь себе на вопрос: для чего оно тебе?

Александр ничего не сказал.

Он посмотрел на дальние холмы, за которыми скрывалось солнце.

В его воображении уже возникали неизвестные страны, огромные города, реки и горы, о которых он читал в книгах. Там, за пределами Македонии, находился мир, который ещё не принадлежал никому из тех, чьи имена он знал.

И впервые его мечта обрела направление.

Он хотел не просто стать царём.

Он хотел выйти за пределы всего, что было известно его современникам.

Аристотель проводил ученика взглядом и тихо произнёс:

— Боюсь, мальчик мой, однажды весь мир окажется для тебя недостаточно большим.

Он ещё не знал, насколько точным окажется это предчувствие.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Буцефал

В тот день в Пеллу прибыл торговец лошадьми из Фессалии.

Он привёл с собой несколько прекрасных животных, предназначенных для царской конюшни. Среди них выделялся огромный вороной жеребец с мощной шеей, широкой грудью и необыкновенно выразительными глазами.

Животное двигалось с такой гордостью, словно понимало, что каждый взгляд окружающих принадлежит ему по праву.

Его звали Буцефал.

Слух о нём распространился по дворцу ещё до того, как торговец успел представить коня царю.

— Говорят, он быстрее ветра, — сообщил один из конюхов.

— Быстрее, возможно, — ответил другой. — Но попробуй только приблизиться к нему с седлом!

Действительно, жеребец оказался необычайно строптивым. Стоило кому-нибудь попытаться взобраться ему на спину, как он начинал вставать на дыбы, бить копытами и сбрасывал седока прежде, чем тот успевал устроиться в седле.

Несколько опытных всадников потерпели неудачу.

Торговец нервничал. Он рассчитывал получить за животное большие деньги, но теперь опасался, что сделка сорвётся.

Наконец о происходящем доложили Филиппу.

Царь вышел во внутренний двор вместе с несколькими приближёнными. Рядом с ним находились военачальники, придворные и молодой Александр.

— Покажите мне этого красавца, — приказал Филипп.

Коня вывели на открытое пространство.

Буцефал вскинул голову, резко ударил копытом по земле и громко заржал.

Филипп внимательно осмотрел животное.

— Хорошая кровь. Крепкие ноги. Прекрасная грудь. Сколько ты за него просишь?

Торговец назвал сумму.

Царь присвистнул.

— За такую цену я мог бы приобрести небольшой отряд всадников.

Придворные засмеялись.

— Но, государь, этот конь стоит своих денег, — поспешно возразил торговец. — Если найдётся человек, способный им управлять.

Филипп кивнул одному из конюхов.

Тот подошёл к жеребцу, попытался взять поводья, но Буцефал резко дёрнул головой и едва не сбил его с ног.

Второй всадник оказался более осторожным. Он сумел приблизиться, однако при попытке вскочить в седло получил такой удар, что отлетел на несколько шагов.

— Довольно! — раздражённо произнёс царь.

Торговец опустил голову.

— Прости, государь. Похоже, я привёз тебе не коня, а дикого зверя.

Вокруг снова раздался смех.

И тут Александр, до этого внимательно наблюдавший за происходящим, неожиданно произнёс:

— Я могу его укротить.

Несколько человек повернулись к нему.

Филипп посмотрел на сына.

— Что ты сказал?

— Я могу сесть на него.

— Ты видел, что произошло с опытными всадниками?

— Видел.

— И всё равно хочешь попробовать?

— Да.

Царь нахмурился.

— Александр, не превращай чужую неудачу в повод для собственной глупости.

Но юноша не отступал.

— Отец, ты собираешься отказаться от прекрасного коня только потому, что никто не сумел понять, почему он не позволяет на себе ездить?

Филипп внимательно посмотрел на сына.

— А ты, стало быть, понял?

— Пока нет. Но хочу разобраться.

Эти слова заставили царя задуматься.

Александр медленно приблизился к жеребцу.

Он не стал сразу протягивать руки и пытаться схватить поводья. Вместо этого остановился на некотором расстоянии и начал наблюдать.

Буцефал беспокойно двигался, мотал головой, поворачивался то в одну, то в другую сторону.

Александр заметил, что животное всякий раз начинало особенно сильно нервничать, когда рядом с ним появлялись люди, отбрасывавшие длинные тени.

Юноша посмотрел на солнце.

Оно находилось позади коня.

Тогда Александр понял, что жеребец пугается собственной тени.

Он попросил конюхов развернуть животное мордой к солнцу.

— Что ты задумал? — спросил Филипп.

— Посмотрим.

Александр осторожно приблизился, взял поводья и некоторое время стоял рядом, позволяя коню привыкнуть к его присутствию.

Буцефал перестал беспокойно крутиться.

Юноша погладил его по шее, затем положил руку на гриву.

— Ну что, красавец? — тихо произнёс он. — Неужели мы так и не договоримся?

Конь фыркнул.

Александр улыбнулся.

Он не пытался подавить животное силой. Напротив, его движения становились всё более спокойными и уверенными.

Наконец юноша поставил ногу в стремя, легко вскочил в седло и выпрямился.

Буцефал вздрогнул.

На мгновение все замерли.

Но Александр удержался.

Жеребец сделал несколько резких движений, затем перешёл на шаг.

Юноша осторожно направил его вперёд.

Сначала они двигались медленно, затем конь ускорился. Через несколько мгновений Буцефал уже нёс всадника по открытому пространству, поднимая копытами пыль.

Александр не пытался остановить его прежде времени.

Он позволил жеребцу почувствовать свободу движения, постепенно управляя его направлением.

Всадник и конь словно наконец нашли общий язык.

Когда они вернулись, дворцовый двор встретил их изумлённым молчанием.

Затем раздались возгласы восхищения.

Торговец не верил собственным глазам.

А Филипп смотрел на сына с выражением, в котором гордость смешивалась с тревогой.

Когда Александр спрыгнул с коня, отец подошёл к нему.

Некоторое время Филипп молчал, затем положил руку сыну на плечо.

— Македония слишком мала для тебя, мальчик мой. Тебе придётся искать царство, достойное твоих способностей.

По преданию, именно такие слова произнёс Филипп после этого случая.

Александр улыбнулся.

— Тогда, отец, мне придётся отправиться очень далеко.

Царь рассмеялся.

— Сначала научись удерживаться в седле.

— Думаю, с этим я уже справился.

Филипп обнял сына.

В тот день Буцефал стал конём Александра.

Но произошло нечто большее.

Юноша получил первый урок, который запомнит на всю жизнь: иногда победа приходит не к тому, кто сильнее, а к тому, кто сумел понять природу того, с кем столкнулся.

Позднее Александр будет вспоминать этот день с особенной теплотой.

Буцефал станет его верным спутником в многочисленных походах, переживёт с ним долгие переходы и великие сражения. Их связь окажется настолько прочной, что имя коня навсегда войдёт в историю рядом с именем его хозяина.

И когда спустя много лет Александр будет пересекать далёкие реки и покорять неизвестные земли, рядом с ним будет тот самый вороной жеребец, которого однажды не смогли оседлать самые опытные всадники Македонии.

Возможно, именно тогда началась их настоящая дружба.

Дружба двух существ, каждое из которых обладало собственным характером и не желало безоговорочно подчиняться чужой воле.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Наследник двух характеров

Вскоре после истории с Буцефалом отношение к Александру при македонском дворе заметно изменилось.

Прежде в нём видели прежде всего царского сына — способного, вспыльчивого и честолюбивого мальчика, которому ещё предстояло доказать своё право на уважение.

Теперь многие начали воспринимать его иначе.

Он уже не просто учился владеть оружием и ездить верхом. Он демонстрировал способность самостоятельно принимать решения, быстро оценивать обстоятельства и действовать там, где другие терялись.

Но за пределами учебных площадок и конюшен существовал другой мир — мир политики, в котором детская смелость могла оказаться совершенно бесполезной.

Филипп всё чаще брал сына с собой на встречи с военачальниками и представителями иностранных государств.

Он хотел, чтобы Александр понимал: царская власть не состоит из одних побед.

За каждой военной кампанией стояли деньги, продовольствие, дипломатические соглашения, человеческие амбиции и бесконечные противоречия между теми, кто стремился управлять страной.

Однажды Александр присутствовал при разговоре отца с несколькими македонскими военачальниками.

Обсуждалась ситуация на южных границах.

Один из командиров предлагал немедленно начать наступление, другой настаивал на необходимости укрепить гарнизоны.

Филипп выслушивал обоих.

Наконец он обратился к сыну:

— А ты что думаешь, Александр?

Присутствующие удивлённо переглянулись.

Юноша не ожидал такого вопроса.

— Я думаю, что первый командир прав в одном, а второй — в другом.

— Объясни.

— Если мы начнём наступление сейчас, то воспользуемся преимуществом. Но если оставим без защиты наши города, противник сможет ударить нам в спину. Значит, нужно сначала обеспечить безопасность границ, а затем наступать.

Один из военачальников усмехнулся.

— Легко рассуждать, когда не приходится отвечать за тысячи солдат.

Александр повернулся к нему.

— А разве от того, что их тысячи, их жизни становятся менее важными?

Военачальник замолчал.

Филипп внимательно посмотрел на сына.

— Хороший ответ. Но запомни: правильное решение ещё нужно суметь осуществить.

В тот вечер Александр долго не мог заснуть.

Он понимал, что отец постепенно вводит его в мир, где каждое решение имеет последствия. И впервые начал осознавать, что однажды ему придётся отвечать не только за собственную судьбу. Но и за судьбы тысяч других людей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В тени великого отца

Филипп II не любил безделья.

Даже в те дни, когда в Пелле не происходило ничего чрезвычайного, царь находил себе занятие. Он мог часами обсуждать устройство армии, принимать послов, изучать донесения разведчиков или беседовать с военачальниками. Его ум постоянно работал, словно он боялся упустить хотя бы одну возможность укрепить своё государство.

Александр наблюдал за отцом с возрастающим интересом.

Филипп был человеком противоречивым. Он мог быть обаятельным собеседником, щедрым покровителем и беспощадным противником. Он умел смеяться, ценил хорошее вино, любил женщин и охоту, но в государственных делах редко позволял чувствам мешать расчёту.

Внешне они с сыном были совершенно разными.

Филипп получил в многочисленных войнах серьёзное ранение и хромал. Его лицо хранило следы прежних испытаний, а тело напоминало о цене, которую он заплатил за укрепление Македонии.

Александр же был молод, подвижен и полон сил. Он обладал природной красотой, которую современники отмечали особенно часто, и необыкновенной энергией.

Но сходство между ними обнаруживалось в другом.

Оба не любили проигрывать.

Оба обладали сильной волей.

И оба считали, что имеют право самостоятельно определять свою судьбу.

Однажды Филипп пригласил сына на военный плац.

Там проходили занятия македонской фаланги. Тысячи воинов отрабатывали движение в строю, поворачивались по командам и учились сохранять порядок даже в условиях, когда противник пытался нарушить их построение.

— Смотри внимательно, — сказал царь. — Армия не может состоять из одних храбрецов. Храбрость без дисциплины превращается в беспорядок.

— Но разве дисциплина не мешает человеку проявлять инициативу? — спросил Александр.

Филипп повернулся к нему.

— Иногда мешает. Но без неё десять тысяч инициативных людей могут проиграть тысяче хорошо организованных воинов.

— А если командир ошибается?

— Тогда его подчинённые должны выполнить приказ?

— Даже если понимают, что он приведёт к поражению?

Филипп усмехнулся.

— Ты задаёшь вопросы, на которые не всегда существует удобный ответ.

— Но ведь от этого они не становятся менее важными.

Царь некоторое время смотрел на сына.

— Именно поэтому командир должен думать прежде, чем отдавать приказ. А солдат должен понимать, что армия не может существовать, если каждый будет воевать по собственному усмотрению.

Александр кивнул.

Он не собирался спорить дальше, но мысленно уже представлял себе армию, в которой полководец не просто отдаёт распоряжения, а сам находится рядом со своими воинами.

Впоследствии именно такой образ командования станет одной из характерных особенностей его походов.

В отношениях Филиппа и Олимпиады тем временем нарастало напряжение.

Царица не забывала о своём положении и не желала мириться с тем, что её влияние при дворе могло уменьшаться. Она внимательно следила за всеми событиями, связанными с наследованием престола.

Филипп, напротив, всё чаще стремился укреплять собственные политические союзы через браки.

В 337 году до нашей эры он женился на Клеопатре, племяннице влиятельного македонского военачальника Аттала. Для Олимпиады это стало серьёзным оскорблением.

Александр оказался между родителями.

На свадебном пиру Аттал, опьянев от вина и собственного положения, произнёс тост за то, чтобы боги даровали Македонии законного наследника.

Слова прозвучали как открытое оскорбление Александра.

Юноша резко поднялся.

— А я, по-твоему, кто? Незаконный?

Аттал попытался ответить, но Александр уже не слушал.

Он бросил кубок в его сторону.

Филипп вскочил со своего места.

— Как ты смеешь устраивать такое на моём празднике?!

Царь попытался приблизиться к сыну, но споткнулся и упал.

В зале наступила неловкая тишина.

Александр посмотрел на отца.

— Вот человек, который собирается пройти из Европы в Азию, а не может даже пройти от одного ложа до другого!

Эти слова оказались жестокими.

Филипп поднялся, и на мгновение показалось, что он бросится на сына. Но окружающие удержали царя.

Александр покинул пир.

В тот вечер он понял, насколько опасным может стать положение наследника, если собственный отец перестанет видеть в нём продолжателя своей власти.

Вскоре Александр вместе с матерью покинул Македонию.

Олимпиада отправилась в Эпир, а сам Александр некоторое время находился вдали от отца.

Это был не просто семейный конфликт.

За ним стоял вопрос о будущем престола.

Филипп обладал властью и армией. Александр имел имя наследника, поддержку части македонской знати и собственное честолюбие. Но ни один из них не мог быть уверен, что другой не станет препятствием на его пути.

И всё же разрыв не оказался окончательным.

Постепенно отношения начали восстанавливаться. Александр вернулся, а Филипп продолжил привлекать его к государственным делам.

Но прежней безмятежности между ними уже не существовало.

В один из вечеров отец и сын встретились в саду.

Филипп сидел на каменной скамье, положив рядом трость. Александр остановился неподалёку.

— Подойди, — сказал царь.

Юноша приблизился.

— Ты считаешь меня плохим отцом?

Александр явно не ожидал такого вопроса.

— Я считаю тебя великим царём.

— Я спросил не об этом.

Наступило молчание.

— Ты хочешь, чтобы я стал похожим на тебя, — наконец произнёс Александр. — Но я не хочу всю жизнь оставаться твоей тенью.

Филипп опустил взгляд.

— А ты думаешь, мне легко видеть, как собственный сын стремится превзойти меня?

— Разве это плохо?

— Нет. Возможно, это самое большое признание, которого отец может ожидать от сына. Но я хочу, чтобы ты понял одну вещь: государство не создаётся за один день. И даже великие победы не гарантируют великого будущего.

Александр присел рядом.

— Я знаю, что ты сделал для Македонии.

— Не уверен, что знаешь всё.

— Тогда расскажи.

Филипп долго смотрел на сына.

— Когда я получил власть, Македония была окружена врагами. У нас не было той армии, которой ты сегодня любуешься. Не было такого влияния, такой силы, таких возможностей. Мне пришлось начинать почти с нуля. Я воевал, договаривался, терпел поражения, терял друзей и снова поднимался. И всё это ради того, чтобы однажды ты получил государство, способное смотреть в будущее без страха.

Александр молчал.

— Я не прошу тебя быть моим продолжением, — продолжил царь. — Но не разрушай того, что создавалось всей моей жизнью только ради того, чтобы доказать собственное превосходство.

Юноша поднял голову.

— Я не собираюсь разрушать Македонию, отец.

— Надеюсь.

Они ещё долго сидели в саду.

Возможно, впервые за долгое время между ними состоялся разговор не царя с наследником, а двух мужчин, каждый из которых по-своему любил Македонию и по-своему представлял её будущее.

Но примирение не означало исчезновения соперничества.

Филипп всё ещё был царём.

Александр всё ещё ждал своего часа.

И история уже приближалась к событию, которое навсегда изменит их отношения.

В 336 году до нашей эры Филипп II готовился к большой экспедиции против Персидской державы. Передовые македонские силы уже находились в Малой Азии. Царь собирался последовать за ними, чтобы начать войну, о которой мечтали многие поколения греков.

Однако осуществить этот замысел ему не было суждено.

В день свадьбы своей дочери Клеопатры, проходившей в Эгах, Филипп был убит одним из собственных телохранителей — Павсанием.

Македония лишилась царя. А Александр — отца. И теперь ему предстояло доказать, что он способен удержать не только коня, не только воинский строй, но и целое государство.

Он был ещё очень молод. Но времени на сомнения ему уже никто не оставлял.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Царь, которому было двадцать лет

Эги, древняя столица македонских царей, готовилась к большому празднику.

Во дворце и на прилегающих площадях собрались представители знатных семейств, военачальники, послы и многочисленные гости. Поводом стала свадьба Клеопатры, дочери Филиппа II и Олимпиады, с Александром Эпирским — братом македонской царицы.

Филипп придавал этому событию особое значение. Брак укреплял политический союз с Эпиром и должен был продемонстрировать могущество македонского царского дома.

Всё происходило с невиданной пышностью.

На улицах звучала музыка, в храмах совершались жертвоприношения, а гости обсуждали предстоящие торжества. Филипп хотел, чтобы праздник стал свидетельством его величия.

Он уже давно готовил поход против Персидской державы. Передовые отряды македонян под командованием Пармениона и Аттала находились в Малой Азии. Оставалось завершить приготовления и самому отправиться вслед за ними.

Александр прекрасно знал об этих планах.

Он понимал, что большая война может стать для него первым настоящим испытанием. Возможно, отец намеревался взять его с собой. Возможно, собирался оставить в Македонии.

Но теперь все эти вопросы казались второстепенными.

Во время праздничной процессии Филипп направился к театру.

Он шёл без тяжёлого вооружения, окружённый придворными и телохранителями. Царь хотел показать, что не боится никого и что его власть настолько прочна, что даже в торжественный день он может находиться среди народа без чрезмерной охраны.

Внезапно из толпы выступил один из телохранителей.

Его звали Павсаний.

Он приблизился к царю и нанёс ему смертельный удар кинжалом.

Филипп упал.

Всё произошло настолько быстро, что окружающие сначала не поняли случившегося. Затем раздались крики, люди бросились в разные стороны, телохранители выхватили оружие.

Павсаний попытался бежать, но вскоре был настигнут и убит.

Царь Македонии был мёртв.

Праздник превратился в хаос.

Весть о смерти Филиппа распространилась по городу с невероятной скоростью. Одни плакали, другие искали спасения, третьи уже начинали думать о том, кто займёт освободившийся престол.

Александр получил известие во дворце.

Он долго не мог произнести ни слова.

Ещё совсем недавно они с отцом разговаривали в саду. Филипп рассказывал ему о трудностях своего правления, о войнах, поражениях и потерянных друзьях.

Теперь этого человека больше не было.

Александр вышел в помещение, где собрались его приближённые.

— Кто это сделал? — спросил он.

Ему рассказали о Павсании, но обстоятельства убийства оставались неясными.

— Его сообщники?

— Не знаем, царевич.

Александр посмотрел на присутствующих.

— Тогда найдите их.

Его голос звучал спокойно, но в этой спокойной интонации уже чувствовалась власть.

Смерть Филиппа стала не только семейной трагедией, но и серьёзным политическим испытанием.

Македония была сильным государством, однако её устойчивость во многом зависела от личности самого царя. Филипп сумел подчинить своей воле множество влиятельных людей, но после его гибели старые противоречия могли вспыхнуть с новой силой.

Некоторые представители знати считали Александра слишком молодым.

Другие поддерживали его, но ожидали доказательств того, что он способен удержать престол.

Существовали и те, кто предпочёл бы увидеть на троне другого претендента.

В такой обстановке промедление могло оказаться смертельно опасным.

Александр действовал быстро.

Он заручился поддержкой влиятельных македонских военачальников, в том числе Антипатра и Пармениона. Собрание македонского войска признало его царём.

Ему было двадцать лет.

В тот момент он получил не просто корону и власть над государством.

На его плечи легла ответственность за армию, которую создал отец, за земли, присоединённые к Македонии, и за будущее огромного политического союза, ещё не успевшего окончательно окрепнуть.

Однажды вечером Александр остался один в покоях.

Перед ним лежали документы, донесения и письма. На столе горела масляная лампа.

Он взял небольшой кубок с вином, но почти сразу поставил его обратно.

В памяти вновь возникло лицо отца.

Филипп мог быть суровым, несправедливым, иногда жестоким. Он не всегда понимал сына, а порой становился его главным соперником.

Но именно он создал ту Македонию, которой теперь предстояло управлять Александру.

Юноша подошёл к окну.

За городскими стенами начиналась ночь.

— Ты хотел, чтобы я стал великим, отец, — тихо произнёс он. — Теперь посмотрим, чего я стою.

Он не знал, что в ближайшие месяцы ему придётся столкнуться с восстаниями, угрозой распада государства и необходимостью доказать соседним народам, что смерть Филиппа не означала ослабления Македонии.

Но отступать он не собирался.

Первые недели правления Александра были временем напряжённой работы.

Он устранял угрозы престолу, укреплял отношения с военачальниками и принимал меры против возможных заговорщиков.

При этом судьба самого убийства Филиппа оставалась предметом споров.

Павсаний был мёртв, а его мотивы и возможные связи с другими людьми до конца не прояснены. Позднейшие античные авторы выдвигали различные версии, в том числе предположения о причастности влиятельных лиц, но достоверно установить всю цепочку обстоятельств невозможно.

Александр понимал, что в такой обстановке любая ошибка может стоить ему власти.

Он не мог позволить себе быть только скорбящим сыном.

Теперь он должен был стать царём.

Вскоре во дворце состоялся разговор, который многое определил в дальнейшей судьбе Македонии.

Перед Александром стояли несколько военачальников. Среди них находились люди, служившие его отцу и прошедшие с ним множество походов.

Один из них произнёс:

— Государь, армия готова служить тебе. Но некоторые города уже обсуждают возможность освободиться от македонского влияния. В Афинах тоже неспокойно.

— А северные племена? — спросил Александр.

— Они ждут удобного момента.

— Значит, они считают, что после смерти моего отца Македония ослабла?

— Именно так.

Александр поднялся.

— Тогда мы должны объяснить им, что ошибаться опасно.

Он подошёл к карте.

— Сначала север. Затем Греция. Никто не должен сомневаться в том, что Македония сохранила свою силу.

Один из военачальников осторожно заметил:

— Ты слишком молод, государь. Тебе следует быть осмотрительным.

Александр повернулся к нему.

— Я молод, но не собираюсь тратить молодость на ожидание, пока мои враги станут сильнее.

В помещении наступила тишина.

Он обвёл присутствующих взглядом.

— Мой отец оставил мне сильное государство. Я намерен сохранить его и сделать ещё сильнее. Но сначала мы должны доказать, что его смерть не изменила ничего в нашей решимости.

Впервые многие увидели перед собой не мальчика, воспитанного при дворе, а человека, готового самостоятельно нести бремя власти.

И хотя впереди его ожидали ошибки, жестокие решения и тяжёлые испытания, в тот момент Александр сумел добиться главного: армия признала в нём своего царя.

Ночью он вышел во двор.

У конюшни стоял Буцефал. Конь поднял голову, услышав знакомые шаги.

Александр подошёл и погладил его по шее.

— Ну что, старый друг? — тихо произнёс он. — Похоже, теперь нам предстоит много путешествовать.

Буцефал фыркнул. Александр улыбнулся.

Впервые после смерти отца его лицо стало немного мягче. Он ещё не знал, куда приведёт его судьба. Но уже понимал, что отныне его жизнь принадлежит не только ему самому. Она принадлежит Македонии. И, возможно, гораздо большему миру, который пока оставался за пределами его власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Царь выходит на дорогу

После смерти Филиппа Македония словно прислушивалась к собственному дыханию. Внешне жизнь продолжалась: на площадях торговали, в кузницах звенели молоты, крестьяне возвращались с полей, а в царском дворце день сменялся ночью, как и прежде. Но за привычными звуками скрывалось напряжение, которое ощущалось даже там, где никто не решался говорить о нём вслух.

Смерть царя изменила слишком многое. Ещё недавно Македония была государством, чья сила держалась на воле одного человека. Филипп умел подчинять себе непокорных, заключать союзы, покупать расположение одних и запугивать других. Он мог быть жестоким, хитрым, невыносимо самоуверенным, но никто не сомневался, что именно он определяет судьбу страны.

Теперь на его месте сидел двадцатилетний сын.

Одни видели в Александре продолжателя отцовского дела, другие — неопытного юношу, чьё царствование может оказаться недолгим. Вельможи присматривались к новому государю, военачальники оценивали его решения, а за пределами Македонии уже находились люди, готовые воспользоваться первой же ошибкой.

Александр понимал это лучше многих. Он знал, что враги не станут ждать, пока он привыкнет к царской власти.

Однажды утром он пригласил к себе Антипатра, одного из наиболее опытных и влиятельных македонских государственных деятелей. Тот служил Филиппу долгие годы, участвовал в государственных делах и знал, насколько непрочными могут быть даже самые внушительные союзы.

Антипатр вошёл без торжественности. Александр стоял у большого стола, на котором были разложены карты и донесения.

— Что говорят нам границы? — спросил царь.

— На севере неспокойно, государь. Некоторые племена считают, что после смерти Филиппа Македония ослабла. В Греции тоже ждут перемен. Афины недовольны нашим влиянием, Фивы помнят прежние поражения, а в других городах есть люди, которые хотели бы вернуть себе прежнюю самостоятельность.

— Иными словами, каждый решил проверить, насколько крепко я держу отцовское наследство.

— Именно так.

Александр провёл пальцем по карте.

— Отец оставил мне не только царство. Он оставил мне незавершённое дело.

Антипатр посмотрел на него внимательно.

— Вы говорите о Персии?

— И о Персии тоже. Но прежде чем вести войско за море, я должен знать, что у меня за спиной нет государства, готового рассыпаться при первом известии о моём поражении.

— Тогда вам придётся действовать быстро.

— Я не собираюсь медлить.

Слова прозвучали спокойно, но Антипатр понял: решение уже принято.

В ближайшие дни Александр начал укреплять свою власть. Он подтвердил полномочия верных отцу военачальников, привлёк на свою сторону тех, чья преданность вызывала сомнения, и дал понять македонской знати, что молодость не означает слабости. При этом он не стремился уничтожить всех, кто когда-либо спорил с Филиппом. Ему нужны были не только покорные люди, но и способные управлять государством, пока сам царь будет находиться вдали от столицы.

Однако главным испытанием оставалась Греция.

Филипп добился там господствующего положения после победы при Херонее. Созданный им Коринфский союз объединял большинство греческих государств под македонским руководством. Формально участники союза сохраняли свои внутренние порядки, но важнейшие решения, касавшиеся общей политики и войны, зависели от македонского царя.

После гибели Филиппа многие решили, что прежние соглашения можно пересмотреть.

Александр не стал ждать, пока недовольство превратится в открытый мятеж. Он собрал войско и двинулся на юг.

Его путь лежал через Фессалию. Там ещё недавно македонское влияние было столь велико, что никто не осмеливался открыто оспаривать решения Филиппа. Теперь же некоторые фессалийские города заговорили о необходимости пересмотреть отношения с новым царём.

Но появление македонской армии быстро изменило настроение.

Александр не стал начинать с угроз. Он напомнил фессалийцам о прежних договорах, о совместных интересах и о том, что Македония не намерена отказываться от своего положения. Однако за его словами стояла сила, которую все могли видеть собственными глазами.

Когда царь въехал в Фессалию, его встретили представители местной знати. Переговоры прошли без кровопролития. Фессалийцы признали его власть и подтвердили прежние обязательства.

Один из македонских воинов, наблюдавший за встречей, позже сказал товарищу:

— Филиппу приходилось долго убеждать этих людей.

— А Александру?

— Ему достаточно было приехать.

Его собеседник усмехнулся:

— Не обольщайся. Иногда за одной такой поездкой стоят годы чужой работы.

И он был прав. Александр пользовался тем, что создал отец, но теперь должен был доказать, что способен сохранить и приумножить это наследство.

Из Фессалии войско направилось к Фермопилам. Узкий проход между горами и морем был известен каждому греку. Здесь когда-то Леонид и его воины остановили персидскую армию, став символом мужества и самопожертвования. Александр знал эту историю и не мог проехать мимо без воспоминаний о людях, чьи имена пережили века.

Он остановился неподалёку от места древней битвы и долго смотрел на склоны гор.

— Здесь погиб Леонид, — сказал один из сопровождавших его военачальников.

— Здесь он не позволил врагу пройти без боя, — ответил Александр.

— И всё же персы прошли.

— Но не смогли заставить его отступить.

Военачальник взглянул на царя.

— Вы часто вспоминаете персов.

— Потому что они ещё не знают, что однажды мы придём к ним.

В этих словах не было ни громкого обещания, ни попытки произвести впечатление. Александр произнёс их так, словно говорил о событии, которое уже существовало в его будущем и лишь ожидало своего часа.

Вскоре он прибыл в Коринф, где собрались представители греческих государств. Здесь предстояло решить, признают ли они нового македонского царя главой союза и сохранят ли обязательства, принятые при Филиппе.

Александр появился перед собранием без лишней торжественности. Он был молод, но уже умел держаться так, чтобы его присутствие не требовало дополнительных объяснений. Его взгляд скользил по лицам делегатов, задерживаясь на тех, кто старался не встречаться с ним глазами.

Некоторые из греческих представителей помнили Филиппа лично. Они знали, как тот умел разговаривать, как менял тон, когда считал нужным, и как быстро переходил от дипломатии к военной силе. Теперь перед ними стоял его сын, и никто не мог с уверенностью сказать, насколько похожим окажется его правление.

Один из делегатов заговорил о необходимости соблюдать прежние соглашения. Другой выразил надежду, что новый царь не станет вмешиваться во внутренние дела городов. Были и такие, кто предпочёл молчать, внимательно наблюдая за происходящим.

Александр выслушал их, после чего поднялся.

— Я не пришёл сюда требовать того, чего Македония не получила от вашего собственного согласия, — сказал он. — Но я не позволю превратить смерть моего отца в повод для разрушения мира, который был установлен после многих лет войн. У нас есть общие обязательства. Есть договоры, которые должны соблюдаться. И есть враг за пределами Эллады, чья власть распространяется на земли, которые когда-то были свободными.

Он сделал небольшую паузу, оглядел собравшихся и продолжил:

— Я предлагаю вам не возвращаться к старым распрям, а подумать о будущем. Если мы будем воевать друг с другом, Персия получит то, чего не смогла добиться собственным оружием. Если же мы сумеем действовать вместе, наши силы станут значительно больше.

Он не говорил, что все греки обязаны любить Македонию. Он прекрасно понимал, что этого никогда не будет. Но он требовал признать политическую реальность, сложившуюся после победы Филиппа.

Собрание подтвердило его положение во главе Коринфского союза и полномочия, которые прежде принадлежали его отцу.

Когда заседание завершилось, один из приближённых спросил:

— Вы довольны, государь?

Александр ответил не сразу.

— Я получил то, за чем приехал.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Довольным бывает тот, кто достиг цели. А я пока только сохранил возможность двигаться дальше.

Вечером Александр покинул город и направился к месту, где расположился македонский лагерь. Там уже готовили возвращение на север. Воины разговаривали у костров, проверяли оружие, ухаживали за конями. Среди них были люди, которые помнили Филиппа мальчиком, видели его победы и теперь пытались понять, каким будет новый царь.

Александр остановился возле Буцефала. Конь узнал хозяина, повернул голову и тихо фыркнул.

— Ну что, старый друг, — произнёс Александр, поглаживая его шею, — мы ещё даже не начали.

Он не знал, сколько раз ему придётся возвращаться к этому лагерному огню, сколько друзей останется на чужой земле и сколько решений однажды покажутся ему тяжелее любой битвы. Но теперь он уже понимал: царская власть не даёт человеку права распоряжаться только чужими судьбами. Она заставляет его отвечать за последствия собственных решений, даже если эти последствия становятся понятны лишь спустя годы.

Македония признала нового царя, Греция подтвердила его положение, и путь к большой войне вновь оказался открыт. Однако на северных границах уже собирались силы, которые не собирались мириться с усилением Македонии. Там Александру предстояло встретиться с противником, для которого он пока оставался всего лишь молодым наследником погибшего Филиппа.

И очень скоро они узнают, насколько ошибочным было это представление.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. На северных рубежах

Возвращение Александра в Македонию не принесло ему долгожданного спокойствия. В Коринфе он добился того, ради чего отправлялся на юг: греческие государства признали его положение во главе союза. Но за пределами южных границ Македонии уже сгущались тучи.

С севера приходили тревожные вести. Фракийские племена, жившие за пределами македонских владений, всё чаще нарушали спокойствие приграничных областей. Трибаллы, геты и другие народы не считали себя обязанными признавать власть молодого царя. Некоторые из их вождей полагали, что смерть Филиппа открыла редкую возможность вернуть утраченные земли и заставить Македонию заниматься собственными внутренними проблемами.

Александр внимательно изучал донесения.

— Они ждут, что мы останемся в Пелле, — сказал он Антипатру.

— Возможно, они рассчитывают именно на это. Войско ещё не успело привыкнуть к новому царю. Многие воины оплакивают Филиппа.

— Тем более нельзя давать им время решить, что мы ослабли.

— Северные земли непросты. Там горы, леса, узкие проходы. Местные племена хорошо знают каждую тропу.

— Значит, нам придётся узнать их не хуже.

Антипатр посмотрел на царя с некоторым сомнением.

— Вы намерены идти лично?

Александр поднял глаза.

— А кто должен вести войско вместо меня?

Вопрос был риторическим. Он не собирался начинать своё царствование с безопасного пребывания во дворце, пока другие сражаются за сохранение его власти. Для него предстоящий поход имел значение не только военное, но и личное. Ему предстояло впервые показать македонским воинам, что они могут доверять ему не потому, что он сын Филиппа, а потому, что он способен разделить с ними опасность.

Войско начало готовиться к походу.

На равнинах собирались отряды пехоты и конницы, проверяли оружие, пополняли запасы продовольствия. Старые солдаты, служившие ещё при Филиппе, передавали молодым воинам свои знания о северных дорогах. В лагере всё чаще обсуждали предстоящие сражения.

Однажды вечером Александр прошёл между палатками и остановился возле группы воинов, споривших о том, насколько опасен предстоящий поход.

— Говорят, трибаллы умеют исчезать в лесах, — заметил один из них.

— А ещё говорят, что они нападают внезапно, — добавил другой.

— И что же вы предлагаете? — спросил Александр, неожиданно появившись рядом.

Воины выпрямились.

— Ничего, государь. Просто обсуждаем дорогу.

— Хорошо, что обсуждаете. Только помните: опасность становится ещё больше, когда человек перестаёт думать и начинает бояться. Мы пойдём туда не для того, чтобы доказать свою храбрость. Мы должны защитить наши границы и вернуться домой.

Он произнёс это без громких обещаний. Воины проводили его взглядами, а один из старых македонян тихо сказал товарищу:

— Говорит как царь.

— Посмотрим, как поведёт себя в бою.

— В бою и узнаем.

Весной 335 года до нашей эры Александр выступил на север.

Путь оказался труднее, чем можно было предположить по первым донесениям. Войско двигалось по местности, где равнинные участки сменялись крутыми склонами, а дороги порой сужались настолько, что крупные отряды не могли идти одновременно. Приходилось соблюдать осторожность, внимательно следить за высотами и заранее отправлять разведчиков.

Противник не спешил принимать открытое сражение.

Воины Александра вскоре обнаружили, что некоторые проходы перекрыты повозками, поставленными так, чтобы затруднить движение македонской пехоты. За ними находились фракийские отряды, готовые обрушиться на наступающих с высоты.

Александр остановился, изучая расположение препятствий.

— Они хотят, чтобы мы бросились вперёд и потеряли людей, — заметил Парменион.

— Тогда не станем исполнять их желание.

— Обойти повозки будет трудно.

— Не обязательно обходить. Иногда достаточно заставить противника ошибиться в собственных расчётах.

Александр приказал пехоте выстроиться так, чтобы прикрыть продвижение остальных подразделений. Особое внимание уделили щитоносцам и тем воинам, которым предстояло первыми столкнуться с препятствиями. Когда началось движение, македоняне действовали согласованно: одни удерживали строй, другие расчищали проход, третьи прикрывали товарищей от нападения сверху.

Фракийцы рассчитывали на панику, но вместо неё встретили организованное сопротивление.

Вскоре противник был вынужден оставить первоначальные позиции и отступить.

Это была ещё не решающая победа, однако Александр получил то, что ему было необходимо: возможность продвинуться дальше и заставить северные племена считаться с его войском.

В последующие дни македоняне продолжали движение. Их путь пролегал через земли, где каждый новый перевал мог скрывать засаду. Александр не позволял солдатам терять бдительность. Он требовал от разведчиков точных сведений, от командиров — дисциплины, а от самого себя — постоянного внимания к происходящему.

Однажды ночью, когда войско остановилось у лесистой возвышенности, к царю привели пленного разведчика. Тот оказался молодым фракийцем и поначалу отказывался отвечать на вопросы.

— Ты знаешь, где находятся основные силы твоего вождя? — спросил Александр.

Пленный молчал.

— Я могу приказать подвергнуть тебя наказанию, — продолжил царь. — Но мне гораздо полезнее узнать правду. Твои люди всё равно не смогут бесконечно скрываться за деревьями.

Юноша поднял голову.

— Вы пришли отнять наши земли.

— Я пришёл прекратить нападения на Македонию.

— Для вас это одно и то же.

Александр некоторое время смотрел на него.

— Возможно, для тебя так и есть. Но если твой вождь хочет сражаться, пусть выйдет против меня открыто. Я не собираюсь воевать с каждым селением и каждым человеком, который живёт в этих горах.

Пленный наконец заговорил. Его сведения помогли македонским командирам лучше понять расположение противника.

Александр отпустил его с небольшим отрядом сопровождения, приказав передать вождю предложение прекратить сопротивление и начать переговоры.

Парменион, узнав об этом, выразил сомнение:

— Вы отпускаете человека, который может снова выступить против нас?

— Он может передать мои слова. А если его вождь решит продолжить войну, мы будем знать, что сделали всё возможное, чтобы избежать ненужной крови.

— Не все противники способны оценить подобный поступок.

— Я и не требую от них благодарности.

Поход продолжался. Македонская армия продвигалась к Дунаю, и вскоре ей предстояло столкнуться с племенами, чья военная сила была значительно серьёзнее первоначальных столкновений.

Особую тревогу вызывали трибаллы. Их вождь Сирм собирал силы и готовился остановить Александра. Он рассчитывал использовать преимущества местности и численное превосходство своих воинов.

Но молодой царь уже не собирался отступать.

Однажды утром, поднявшись на возвышенность, Александр увидел вдали широкую реку и бескрайние земли за ней. Ветер трепал его плащ, а рядом стоял Буцефал, нетерпеливо переступавший копытами.

— Вот она, граница известного нам мира, — произнёс один из сопровождавших его воинов.

Александр посмотрел вдаль.

— Нет. Это только граница наших знаний.

Он повернулся к командирам и приказал готовить войско к дальнейшему движению.

Впереди его ожидало первое серьёзное испытание на северных рубежах. За Дунаем находились народы, которые ещё не слышали о его победах и не собирались добровольно склонять головы перед македонским царём. А далеко на юге уже начинали распространяться слухи о том, что Александр увёл свою армию слишком далеко и, возможно, больше не вернётся.

Эти слухи скоро станут опаснее любого северного противника. Потому что, пока Александр будет сражаться у далёкой реки, в самой Греции найдутся люди, решившие, что настал подходящий момент бросить вызов Македонии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. За рекой начинается война

Дунай лежал перед македонским войском широкой водной преградой. Его течение казалось спокойным, но Александр знал, что за противоположным берегом находятся земли, где его появление никто не собирался встречать приветствиями.

На другом берегу уже собирались геты. Их воины наблюдали за македонским лагерем, следили за передвижениями конницы и пехоты, стараясь понять, насколько далеко намерен зайти молодой царь. Они привыкли к внезапным набегам и стремительным отступлениям, но открытое столкновение с хорошо организованной армией представляло для них серьёзную опасность.

Сирм, предводитель трибаллов, также не собирался уступать. Его люди внимательно следили за происходящим, надеясь, что река задержит македонян и даст возможность выиграть время.

Александр созвал военачальников.

— Если мы останемся здесь, они решат, что Дунай остановил нас, — сказал он.

Парменион ответил осторожно:

— Переправа опасна. У противника есть возможность ударить по нашим подразделениям, пока они будут находиться на воде. Мы не знаем, сколько воинов скрывается за берегом.

— Поэтому переправляться всем войском одновременно мы не будем.

Александр указал на участок реки, где течение было несколько спокойнее.

— Подготовить лодки. Собрать всё, что может служить переправой. Пехота должна иметь щиты над головой, а конница — высадиться отдельными подразделениями. Нам необходимо застать противника врасплох.

Воины работали всю ночь. Одни готовили лодки, другие собирали плоты из найденных поблизости материалов. Перед рассветом македонские подразделения начали переправу.

Вода была холодной. Лошади беспокоились, лодки раскачивались на течении, а тяжёлое вооружение мешало некоторым воинам сохранять равновесие. Но постепенно на противоположном берегу собрались первые отряды.

Александр переправился вместе с ними.

Он не хотел, чтобы его воины думали, будто царь наблюдает за опасностью издалека. Когда первые македонские подразделения построились на берегу, он приказал не задерживаться и немедленно двигаться в глубь вражеской территории.

Геты не ожидали такого быстрого появления противника.

Македонская армия наступала организованно. Пехота сохраняла строй, конница прикрывала фланги, а лучники и метатели дротиков мешали неприятелю собраться для решительной атаки. Геты попытались сопротивляться, но вскоре начали отступать.

Александр не стремился уничтожить всех, кто оказался перед ним. Его целью было показать, что македонское войско способно перейти Дунай и нанести удар там, где противник считал себя защищённым.

После непродолжительного столкновения геты оставили своё поселение и отступили в глубь земель. Македоняне захватили оставленные запасы, но царь приказал не задерживаться ради добычи.

— Мы пришли не за чужими амбарами, — сказал он одному из командиров. — Нам нужно, чтобы весть о нашей переправе дошла до всех, кто собирается воевать с Македонией.

Вскоре отступление гетов превратилось в переговоры. Их предводители поняли, что дальнейшее сопротивление может обойтись слишком дорого, и предпочли установить отношения с македонским царём, а не продолжать войну.

Для Александра это была важная победа. Он доказал, что способен действовать далеко от родных границ, преодолевать природные препятствия и заставлять противника менять свои планы.

Однако впереди оставался Сирм.

Вождь трибаллов не спешил признавать поражение. Его люди отступили к укреплённым позициям, надеясь дождаться удобного момента для нового нападения. Македонское войско повернуло в сторону их земель, и вскоре столкновение стало неизбежным.

Сражение оказалось тяжёлым. Трибаллы хорошо знали местность и использовали каждую возможность для внезапного удара. Македоняне отвечали организованными действиями, не позволяя противнику разрушить боевой порядок.

Александр находился среди своих воинов. Он внимательно следил за ходом битвы, направлял подразделения туда, где возникала опасность, и не позволял отдельным отрядам увлекаться преследованием противника.

Постепенно преимущество перешло к македонянам. Трибаллы понесли потери и отступили, а Сирм был вынужден искать путь к соглашению.

Александр добился того, чего хотел: северные племена получили ясный сигнал, что смерть Филиппа не сделала Македонию беззащитной.

Но цена похода была не только в потерях, которые понесли обе стороны. Для Александра он стал первым настоящим уроком самостоятельного командования. Теперь он уже не мог ссылаться на опыт отца или на советы старших военачальников. Решения принимал он сам, и именно ему приходилось отвечать за их последствия.

Однажды вечером, когда лагерь расположился неподалёку от реки, к царю пришёл Парменион.

— Государь, воины устали. Мы прошли большой путь, провели несколько сражений и теперь можем возвращаться.

Александр сидел над картой.

— Я тоже думаю о возвращении.

— Тогда, возможно, стоит отправиться в Македонию без промедления.

— Сначала нужно убедиться, что на севере не осталось сил, способных снова угрожать нашим границам.

Парменион помолчал.

— Вы знаете, что в Греции могут воспользоваться нашим отсутствием?

— Знаю.

— Тогда почему мы всё ещё здесь?

Александр поднял голову.

— Потому что, если мы уйдём слишком рано, противники решат, что могут снова поднять оружие. А если мы закончим дело здесь, они будут знать, что Македония способна наказать тех, кто нарушает мир.

Парменион не стал спорить. Он видел перед собой уже не неопытного юношу, каким мог показаться Александр после смерти отца, а царя, который постепенно приобретал собственный стиль управления войском.

Однако известия с юга становились всё тревожнее.

В греческих городах распространялись слухи о гибели Александра. Кто-то утверждал, что македонская армия потерпела поражение у Дуная, другие говорили, будто царь погиб в бою, а его военачальники не могут договориться о преемнике.

В этих слухах было достаточно правдоподобия, чтобы они начали менять политическую обстановку.

Особенно опасной становилась ситуация в Фивах.

Этот город помнил прежнее могущество и болезненно переживал зависимость от Македонии. Здесь находились влиятельные люди, считавшие, что смерть Филиппа дала возможность вернуть независимость. Некоторые из них рассчитывали на поддержку Афин и других греческих противников македонского господства.

Весть о том, что Александр якобы погиб, стала для них поводом к действию.

Вскоре в Фивах началось восстание. Македонский гарнизон оказался в опасности, а городские власти объявили о намерении избавиться от чужого присутствия.

В Афинах известие встретили с волнением. Одни надеялись, что теперь можно будет восстановить прежнюю самостоятельность, другие опасались, что восстание приведёт к новой большой войне. Единства не было, но настроение в греческом мире менялось с каждым новым слухом.

В северном лагере Александр получил донесение о событиях в Фивах.

Он прочитал его один раз, затем ещё раз, словно надеялся обнаружить в тексте какую-нибудь ошибку.

— Они думают, что я погиб, — произнёс он.

Парменион стоял рядом.

— Фивы подняли оружие. Если восстание распространится, мы можем потерять всё, чего добились после смерти вашего отца.

Александр медленно сложил донесение.

— Значит, нам пора возвращаться.

— Путь будет долгим.

— Мы пройдём его быстрее, чем они успеют понять, что ошиблись.

Он вышел из палатки и направился к месту, где стоял Буцефал. Конь поднял голову, услышав шаги хозяина.

Александр положил ладонь ему на шею.

— Похоже, старый друг, нас снова ждут на юге.

Он ещё не знал, что возвращение к Фивам станет одним из самых тяжёлых эпизодов его царствования. Там ему придётся выбирать между милосердием и устрашением, между сохранением города и демонстрацией силы. И этот выбор навсегда останется в истории как одно из самых противоречивых решений Александра Македонского.

А пока он приказал готовить войско к стремительному маршу.

На этот раз противником была не далёкая армия за рекой. Опасность возникла в самом сердце греческого мира, и времени на раздумья почти не оставалось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Семь дней до судьбы

Весть о восстании в Фивах застала Александра далеко от южных границ Македонии. Но молодой царь не стал созывать долгий военный совет и обсуждать десятки возможных вариантов. Он понимал, что каждый потерянный день может изменить положение не только в одном городе, но и во всей Греции.

Если Фивы добьются успеха, другие государства могут последовать их примеру. Коринфский союз, только что подтвердивший его власть, рискует превратиться в пустую формальность. Афины, Элида и другие города получат возможность открыто выступить против Македонии. Тогда вместо подготовки похода на Восток Александру придётся начинать новую войну за сохранение отцовского наследства.

Он приказал немедленно выступать.

Войско двинулось на юг с такой скоростью, какой от него прежде не требовали. Солдаты шли через горные проходы, преодолевали реки, почти не задерживались на отдых. Запасы пополняли по мере продвижения, а конница получала приказ двигаться впереди основных сил и обеспечивать связь между подразделениями.

Воины понимали, что происходит. Никто уже не сомневался: царь намерен не просто вернуться в Македонию, а заставить восставших ответить за своё решение.

Один из молодых воинов, шедший рядом с ветераном, спросил:

— Как ты думаешь, они действительно поверили, что царь погиб?

— Люди часто верят в то, чего больше всего хотят.

— А если бы Александр погиб?

Старый солдат некоторое время молчал.

— Тогда каждый из нас сейчас думал бы о том, кому присягать и где искать дорогу домой. Но он жив. И лучше бы фиванцам узнать об этом раньше, чем позже.

Войско продолжало движение.

Когда македоняне вошли в Беотию, многие жители окрестных поселений ещё не знали, что произошло. Первые известия о возвращении Александра казались невероятными. Люди, которые несколько дней назад обсуждали его предполагаемую гибель, теперь с тревогой смотрели на дороги.

До Фив оставалось совсем немного.

Александр не стал скрывать своё приближение. Напротив, он хотел, чтобы город узнал о его возвращении прежде, чем его армия появится у стен. Он рассчитывал, что это заставит восставших задуматься и, возможно, позволит избежать кровопролития.

Но в Фивах уже приняли решение.

Городские предводители не желали отступать. Они надеялись, что македонская армия истощена северным походом, а другие греческие государства поддержат их борьбу. Восставшие призывали жителей к сопротивлению, укрепляли стены и готовились к осаде.

Когда Александр подошёл к Фивам, он расположился лагерем неподалёку от городских укреплений. С его появлением слухи о гибели царя окончательно рассеялись.

В городе началось смятение.

Одни требовали продолжать борьбу, другие предлагали немедленно отправить послов к македонскому царю. Многие жители понимали, что война с Македонией может обернуться катастрофой, но уже не могли повлиять на решения людей, захвативших инициативу.

Александр приказал передать фиванцам предложение прекратить восстание и выдать его главных организаторов.

Он не хотел начинать штурм города, если существовала возможность восстановить порядок без массовой гибели людей.

Однако ответ оказался вызывающим. Восставшие потребовали, чтобы Александр выдал им македонских военачальников, и продолжили сопротивление.

В лагере после этого ответа воцарилась тяжёлая тишина.

— Они не понимают, с кем разговаривают, — произнёс один из командиров.

Александр посмотрел на него.

— Нет. Они прекрасно понимают. Именно поэтому и отвечают так.

Парменион подошёл к царю.

— Государь, нам следует действовать осторожно. Город хорошо укреплён. Если штурм затянется, другие греки могут воспользоваться нашим положением.

— Я не собираюсь давать им такую возможность.

— Но штурм будет стоить жизни многим нашим воинам.

Александр опустил глаза на карту.

— Я знаю.

В течение следующих дней македоняне готовились к осаде. Подразделения занимали позиции, изучали укрепления, проверяли подступы к стенам. Войско ожидало приказа.

Но Александр всё ещё надеялся, что фиванцы одумаются.

Среди жителей города были старики, женщины и дети, которые не принимали участия в восстании. Многие помнили, что Македония уже не раз вмешивалась в греческие дела, но не желали новой войны. Они боялись не столько самого Александра, сколько того, что произойдёт, если город будет взят силой.

В одном из домов неподалёку от городской стены пожилой фиванец разговаривал со своим сыном.

— Ты должен уйти, пока ещё можешь, — сказал отец.

— Куда?

— В Афины. К родственникам.

— А ты?

Старик посмотрел в сторону стены.

— Я слишком стар, чтобы начинать жизнь заново.

— Отец, ты думаешь, они войдут в город?

— Если война началась, сынок, никто уже не знает, чем она закончится.

Молодой человек хотел возразить, но не нашёл слов.

Между тем македонский лагерь готовился к решающим действиям. Александр понимал, что каждый день промедления увеличивает риск расширения восстания. Он также знал, что отступление после такого вызова будет воспринято как слабость.

И тогда случилось то, что изменило ход событий.

Один из македонских отрядов начал движение у стен города. В ходе столкновения с защитниками положение быстро обострилось. Подразделения, находившиеся рядом, вступили в бой, и вскоре сражение охватило несколько участков укреплений.

В разных античных свидетельствах последовательность этих событий описывается неодинаково. Одни авторы подчёркивали роль македонян, другие указывали на действия фиванских противников. Но ясно одно: столкновение, которого Александр ещё надеялся избежать, переросло в полномасштабный штурм.

Македонская армия двинулась к стенам.

Защитники сопротивлялись ожесточённо. Фиванцы сражались за свои дома, за независимость города и за память о прежнем величии. Но против них действовала армия, закалённая в походах и подчинённая единому командованию.

Македоняне прорвались внутрь.

Узкие улицы превратились в поле боя. Защитники пытались удержать перекрёстки и подходы к площадям, но постепенно теряли возможность организованного сопротивления. Война перестала быть столкновением двух армий и вошла в дома, дворы и святилища.

Александр находился неподалёку от места сражения и получал донесения о происходящем. Когда ему сообщили, что городские укрепления прорваны и сопротивление распадается, он приказал прекратить беспорядочное преследование и постараться взять под контроль главные улицы.

Но положение уже выходило за пределы того, что можно было полностью контролировать.

Воины, охваченные яростью боя, не всегда слышали приказы. К македонянам присоединились союзные отряды, в том числе фокидяне и другие противники Фив, для которых падение города было не просто военной победой, но и возможностью отомстить за прежние обиды.

Начались грабежи и убийства.

Когда к вечеру сопротивление было сломлено, Александр увидел город, который ещё несколько дней назад мог быть сохранён без такого страшного разрушения.

Он долго молчал.

Парменион подошёл к нему.

— Государь, город пал.

— Я вижу.

— Теперь нужно решить, что делать с пленными и теми, кто остался в городе.

Александр не ответил сразу. Он смотрел на улицы, где среди обломков лежали тела людей, и понимал, что победа уже не может быть названа обычным военным успехом.

— Созвать совет, — наконец произнёс он. — Мы должны решить судьбу Фив.

Вопрос оказался тяжелее самого сражения.

Македонские союзники требовали сурового наказания. Особенно настойчиво выступали те, кто считал Фивы давними врагами и видел в их падении возможность окончательно устранить опасного соперника. Предлагалось разрушить город, продать жителей в рабство и уничтожить всякую возможность нового восстания.

Другие советовали проявить умеренность. Они напоминали, что среди жителей немало тех, кто не участвовал в мятеже, а некоторые семьи открыто выступали против войны.

Александр слушал всех.

Он знал, что Фивы не были обычным городом. Здесь жили потомки людей, чьи имена прославили греческую историю. Здесь родился Пиндар, один из величайших поэтов Эллады.

Здесь находились древние святилища, хранившие память о поколениях, которые давно ушли из жизни.

Но он также понимал, что его решение будут оценивать не только фиванцы. На него смотрели Афины, Спарта и все города, которые ещё могли подумать о восстании.

В итоге было принято решение разрушить Фивы. Большинство жителей продали в рабство, а сам город был уничтожен. По традиции, дом поэта Пиндара и святилища богов были сохранены.

Когда решение стало известно, Александр не выглядел торжествующим.

Он понимал, что добился устрашения всей Греции. Но вместе с тем уничтожил город, который мог бы стать частью его будущего мира.

В тот вечер он вышел из шатра и долго стоял в стороне от лагеря. Впервые за много дней ему не хотелось разговаривать с военачальниками.

Парменион нашёл его неподалёку.

— Вы должны отдохнуть, государь.

— Ты когда-нибудь видел город, который перестал существовать?

— Видел города после войны.

— Это не одно и то же.

Парменион не стал спорить.

— Если бы Фивы остались независимыми, другие города могли бы последовать их примеру, — произнёс он после долгого молчания. — Возможно, ваше решение спасло Македонию от новой войны.

— Возможно, — ответил Александр. — Но это не возвращает погибших и не открывает заново разрушенные дома.

Он повернулся к военачальнику.

— Пусть никто не говорит, что сегодня мы одержали славную победу. Мы победили. Но я не хочу, чтобы люди забыли, какой ценой.

На следующий день Александр приказал отправить послов в другие греческие города и объявить о завершении восстания. Афины, потрясённые судьбой Фив, не решились на открытое выступление. Их отношение к Македонии оставалось сложным, но теперь стало ясно, что молодой царь не намерен терпеть попытки силой разрушить установленный порядок.

Греция снова подчинилась его власти.

Однако весть о падении Фив разошлась далеко за пределы Эллады. Одни говорили о решительности Александра, другие — о его жестокости. Для одних он стал человеком, способным мгновенно подавить мятеж, для других — правителем, который ради сохранения власти не остановился перед уничтожением древнего города.

Сам Александр не мог запретить людям судить его.

Но теперь перед ним открывалась дорога к Востоку. Греческий мир был усмирён, северные границы временно обезопасены, и македонская армия могла готовиться к великому походу против Персидской державы.

Только теперь Александр должен был задать себе вопрос, который однажды станет главным во всей его жизни: если человек способен завоевать мир, сумеет ли он удержать его, не потеряв самого себя?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ТИШИНА ПОСЛЕ БУРИ

После падения Фив в Греции наступила тишина, которую трудно было назвать миром.

Она не была похожа на спокойствие, приходящее после долгого пути, когда люди наконец снимают с плеч тяжёлую поклажу и могут позволить себе думать о доме. Это была настороженная тишина побеждённых, в которой каждое неосторожное слово могло обернуться новой бедой. На площадях продолжали торговать, в мастерских стучали молоты, корабли входили в гавани и покидали их, но за привычной жизнью городов теперь скрывалось нечто новое: люди

научились внимательнее смотреть по сторонам и прежде, чем высказать мысль, оглядываться на тех, кто мог её услышать.

Весть о разрушении Фив разошлась по греческим землям быстрее, чем успели прибыть гонцы Александра. Одни говорили, что молодой царь преподал Элладе урок, которого она не забудет. Другие считали, что Македония перешла черту, за которой даже союзники начинают испытывать не благодарность, а страх. Были и такие, кто вспоминал о прежних спорах между греческими городами и задавался вопросом, не стала ли теперь сама Македония тем властителем, от которого следовало бы искать защиты.

Александр знал об этих разговорах. Он не мог не знать.

Но в отличие от многих своих приближённых, он не считал, что страх способен заменить уважение. Страх заставляет человека повиноваться, однако не всегда убеждает его в правоте того, кому он подчиняется. Между этими двумя состояниями существовала разница, которую молодой царь только начинал постигать.

В первые дни после возвращения из Фив он почти не покидал своих покоев. Не потому, что искал отдыха. Сон приходил к нему редко, а если и приходил, то ненадолго. Перед глазами снова возникали городские стены, улицы, охваченные огнём, лица людей, которые ещё недавно жили обычной жизнью и не думали, что их судьбы так скоро изменятся. Он вспоминал и тех македонских воинов, которые погибли во время штурма, и тех фиванцев, которые сражались до последнего.

Победа оказалась несомненной. Но от этого она не становилась легче.

Однажды утром к нему вошёл Парменион. Старый полководец уже давно привык говорить с царями без лишних церемоний, особенно когда речь шла о делах, от которых зависела судьба государства. Он остановился у стола, на котором лежали карты, донесения и несколько запечатанных писем.

— Ты снова не спал, — заметил он.

— Спал.

— Значит, плохо.

Александр поднял глаза и невольно улыбнулся.

— Ты становишься слишком внимательным к моим привычкам.

— Я слишком долго служу твоей семье, чтобы не замечать очевидного. Твой отец тоже не всегда спал, когда на его плечах лежало слишком много забот. Но он умел скрывать усталость лучше тебя.

— Отец многое умел лучше меня.

— Это не повод пытаться стать им за одну ночь.

Александр отложил письмо.

— Ты пришёл говорить о Фивах?

— О Фивах уже сказано достаточно. Теперь я пришёл говорить о том, что будет после них.

Парменион подошёл к карте и развернул её. На ней были обозначены Македония, Фессалия, центральная и южная части Греции, побережье Малой Азии и земли великой Персидской державы.

— Мы восстановили порядок на севере, — начал он. — Устранили угрозу со стороны фракийских племён и обезопасили границы. На юге подавили восстание, а города, которые ещё недавно сомневались в твоей власти, теперь будут осторожнее. Коринфский союз признаёт тебя своим предводителем. С военной точки зрения положение благоприятное.

— А с политической?

— Политика редко бывает благоприятной настолько, насколько кажется на карте.

Александр посмотрел на него.

— Продолжай.

— Афины не восстали. Но это не означает, что они стали нашими друзьями. Там много людей, которые считают Македонию чужой силой, навязанной греческим городам. Они могут соглашаться с твоими решениями сегодня и искать способ оспорить их завтра. В других полисах положение не лучше. Одни опасаются твоего гнева, другие ждут удобного момента, третьи просто хотят, чтобы их оставили в покое.

— А ты предлагаешь оставить их в покое?

— Я предлагаю не требовать от людей любви только потому, что они не решились поднять против тебя оружие.

Эти слова прозвучали без вызова. Парменион говорил спокойно, словно обсуждал расположение войск перед очередным переходом.

— Ты думаешь, я не понимаю этого? — спросил Александр.

— Думаю, что ты понимаешь многое. Но иногда тебе хочется, чтобы мир отвечал на твои желания быстрее, чем он способен.

Александр встал и подошёл к окну. За ним простирался двор, где уже начиналась обычная утренняя жизнь дворца. Слуги переносили корзины с припасами, конюхи выводили лошадей, несколько молодых воинов упражнялись с копьями. Всё продолжалось так, словно за последние недели ничего не произошло.

— Когда я был мальчиком, — произнёс он, — мне казалось, что достаточно победить врага, и всё становится ясным. Победа отделяет правого от неправого, сильного от слабого, победителя от побеждённого. Теперь я вижу, что после победы начинается другая борьба.

— Какая?

— За то, чтобы люди не захотели снова воевать.

Парменион некоторое время молчал.

— Тогда тебе придётся научиться тому, чему не всегда учатся даже старые цари.

— Чему?

— Не всякую проблему можно решить мечом.

Александр повернулся к нему.

— А ты сам веришь, что меч когда-нибудь перестанет быть необходимым?

— Нет. Но я верю, что человек, который умеет пользоваться мечом, должен знать и тот момент, когда его следует опустить.

Разговор закончился не приказом и не решением. Однако Александр ещё долго смотрел на карту, после того как Парменион покинул комнату. Перед ним лежала Греция, которую он сумел подчинить, но не мог заставить забыть собственные страхи и обиды. И далеко на востоке находилась держава, с которой предстояло столкнуться совсем скоро.

Персия.

Это имя звучало почти как обещание. Огромные территории, древние города, богатства, царские дворцы, дороги, соединявшие далёкие земли. Там находился мир, о котором Александр слышал с детства. Мир, который когда-то бросил вызов греческим городам и оставил в памяти Эллады воспоминания о сожжённых храмах и разрушенных поселениях.

Но теперь этот поход должен был стать не только продолжением старых греко-персидских противостояний. Для Александра он был осуществлением замысла, который вынашивал ещё его отец. Филипп готовил вторжение в Малую Азию, собирал войска, искал союзников и рассчитывал силы. После его смерти замысел не исчез. Напротив, теперь он становился главным направлением царской политики.

Однако прежде чем отправиться на восток, Александр должен был убедиться, что оставляемая им Македония не окажется беззащитной.

В тот же день состоялось совещание военачальников и ближайших советников.

В помещении, где обычно обсуждали военные вопросы, собрались люди, чьи имена впоследствии станут известны далеко за пределами Македонии. Парменион, опытный и осторож-

ный полководец, представлявший старшее поколение армии; Антипатр, на которого Александр собирался возложить управление европейскими владениями; Гефестион, его близкий друг, с которым он прошёл через многие годы юности; Птолемей, внимательный наблюдатель и человек, умевший запоминать не только события, но и характеры людей; Пердикка, уже проявлявший качества решительного военачальника; Клит, чья смелость и прямота не раз отличались от осторожности других приближённых.

Некоторые из них знали Александра ещё мальчиком. Другие увидели в нём царя лишь после смерти Филиппа. Но теперь всем предстояло ответить на один вопрос: насколько далеко Македония способна пойти, не потеряв устойчивости у себя дома?

На столе лежали планы похода, перечни воинских подразделений, сведения о запасах продовольствия и вооружения. Отдельно были представлены данные о финансовых возможностях государства. Война требовала не только храбрости и хорошего командования. Она требовала денег, провианта, коней, оружия, кораблей, переправ, надёжных поставок и людей, способных принимать решения тогда, когда между приказом и его исполнением лежали сотни стадий пути.

— Наши силы готовы к походу, — сказал один из военачальников.

Парменион, внимательно изучивший расчёты, покачал головой.

— Готовность армии и готовность государства — не одно и то же.

— Ты сомневаешься в наших воинах? — спросил Клит.

— Я сомневаюсь в тех, кто считает, что победа зависит только от воинов. Если армия уйдёт на восток, кто будет снабжать её? Кто обеспечит пополнение? Кто удержит союзников от новых беспорядков? Кто будет охранять наши границы?

Антипатр положил ладонь на край стола.

— Именно поэтому я и должен остаться здесь. Македония не может отправить всех своих способных людей за царём. Кто-то должен следить за тем, чтобы в его отсутствие государство продолжало жить.

— Ты готов принять такую ответственность? — спросил Александр.

— Готов, если ты предоставишь мне необходимые полномочия. Но хочу, чтобы ты понимал: управлять Македонией будет не легче, чем вести войну. Возможно, даже труднее.

— Я не собираюсь оставлять тебя без средств.

— И не оставляй без права принимать решения. Если каждый приказ придётся согласовывать с далёким царским лагерем, мы потеряем время, а иногда и целые области.

Александр кивнул. Он понимал, что Антипатр говорит не о почестях, а о реальной ответственности. В его отсутствие кто-то должен был удерживать государство от распада, разрешать споры между влиятельными людьми, следить за настроениями городов и не допускать, чтобы старая знать воспользовалась отъездом царя для укрепления собственных позиций.

— Ты останешься моим представителем в Македонии и Греции, — сказал Александр. — Тебе будут подчиняться гарнизоны, и ты получишь полномочия решать внутренние дела. Но я хочу знать обо всём, что может угрожать государству.

— Тогда оставь мне людей, которым можно доверять.

— Они будут.

Парменион снова обратился к карте.

— Есть ещё один вопрос. Малая Азия. Наши передовые силы уже находятся там, но положение требует осторожности. Персидские сатрапы располагают значительными ресурсами. Они могут выставить войска, привлечь наёмников и попытаться перекрыть нам путь. Мы не должны считать, что противник будет ждать нашего появления.

— Я и не считаю, — ответил Александр. — Но я не намерен отдавать ему инициативу.

— Инициатива хороша, пока у неё есть опора, — заметил Парменион. — Нельзя идти вперёд только потому, что впереди открывается дорога.

Александр подошёл к карте и положил палец на побережье Малой Азии.

— Здесь начинался замысел моего отца. Он хотел вернуть греческим городам Малой Азии свободу и наказать персов за прежние вторжения. Я продолжу его дело.

— Это достойная цель, — сказал Парменион. — Но не забывай, что за пределами побережья находятся не только персидские гарнизоны. Там живут люди, которые не обязательно считают себя нашими врагами.

Александр внимательно посмотрел на старого полководца.

— Ты предлагаешь щадить города?

— Я предлагаю различать тех, кто сопротивляется, и тех, кто просто хочет жить. Если каждый встреченный нами город станет врагом, мы потратим больше сил на удержание завоёванного, чем на продвижение вперёд.

— Значит, ты хочешь, чтобы я завоёвывал не только земли, но и расположение их жителей?

— Я хочу, чтобы ты понимал: земля может быть захвачена за один день. Доверие людей иногда не удаётся приобрести и за целую жизнь.

В комнате наступила тишина.

Александр перевёл взгляд с Пармениона на остальных. Ему не нравилось, когда его стремления пытались ограничить осторожностью, но он уже не был тем мальчиком, который воспринимал каждое возражение как сомнение в собственной смелости. Теперь он знал, что за каждым советом может стоять опыт, купленный годами и человеческими потерями.

— Хорошо, — произнёс он. — Мы не станем уничтожать то, что может стать опорой нашего будущего. Но если кто-то поднимет против нас оружие, мы ответим.

— Это понятно, — сказал Клит. — Главное, чтобы никто не сомневался, что мы способны победить.

— А я хочу, чтобы после победы у нас оставалось нечто большее, чем разрушенные стены, — ответил Александр.

Он произнёс это почти задумчиво, словно сам удивился собственной мысли.

Гефестион, до сих пор молчавший, посмотрел на него с едва заметной улыбкой. Он знал Александра достаточно хорошо, чтобы почувствовать: за внешней решимостью его друга постепенно формировалось нечто новое. Не отказ от прежних стремлений, не утрата честолюбия, но более сложное понимание того, что означает власть.

После совещания Александр отправился к конюшням.

Буцефал стоял в своём стойле, спокойно переступая с ноги на ногу. С годами конь стал тяжелее, его движения уже не были столь стремительными, как прежде, но в нём по-прежнему сохранялась та особенная сила, которая когда-то поразила юного царевича.

Александр вошёл внутрь и протянул руку. Буцефал узнал его, потянулся к ладони и тихо фыркнул.

— Ты помнишь, как впервые увидел меня? — спросил Александр.

Разумеется, конь не мог ответить. Но царь продолжал говорить, словно перед ним находился старый товарищ, которому не нужно было объяснять ни прошлое, ни настоящее.

— Тогда я думал, что достаточно научиться управлять тобой, и ты станешь моим. Но всё оказалось иначе. Ты не стал моим рабом. Ты стал моим спутником.

Он погладил коня по шее.

— Наверное, отец был прав. Македония действительно оказалась для меня слишком мала. Но иногда я думаю, что люди слишком легко говорят о величии, когда ещё не знают его цены.

Буцефал слегка качнул головой.

Александр улыбнулся.

— Не смотри на меня так. Я не собираюсь становиться философом вместо царя.

В этот момент у входа появился Гефестион.

— А я думал, ты уже отправился отдыхать.

— Разве у царей бывает время для отдыха?

— У царей бывает всё, что они сами себе позволяют.

— Значит, мне придётся научиться позволять себе больше.

Гефестион подошёл ближе и остановился рядом с ним.

— Ты изменился после Фив.

Александр не ответил сразу.

— Думаешь?

— Я знаю тебя с детства. Ты всегда стремился вперёд. Но прежде ты говорил о победах так, словно каждая из них должна была доказать что-то лично тебе. Теперь ты чаще спрашиваешь, что останется после них.

— А разве это плохой вопрос?

— Нет. Просто раньше я слышал его от тебя редко.

Александр провёл рукой по гриве Буцефала.

— Когда я смотрю на карту, мне кажется, что мир бесконечен. Стоит перейти одну границу, как появляется следующая. За горами лежат новые земли, за морем — новые города, за пустынями — неизвестные страны. И каждый раз хочется узнать, что находится дальше.

— В этом ты не изменился, — сказал Гефестион.

— Возможно. Но я начинаю понимать, что пройти дальше — ещё не значит понять то, что находится позади.

Гефестион внимательно посмотрел на него.

— Ты думаешь о Фивах?

— И о них тоже. Я могу объяснить, почему мы должны были действовать быстро. Могу рассказать о восстании, о необходимости сохранить союз, о тех, кто погиб бы, если бы мы проявили слабость. Но все эти объяснения не вернут разрушенный город и не вернут тех, кто там жил.

— Ты сделал то, что считал необходимым для Македонии.

— А если однажды я ошибусь, считая необходимым то, что на самом деле нужно только мне?

Гефестион не сразу нашёл ответ.

— Тогда рядом должны быть люди, которые не побоятся сказать тебе об этом.

— Ты сможешь?

— Если потребуется.

Александр повернулся к другу.

— Даже если я разгневаюсь?

— Особенно если ты разгневаешься.

Они оба улыбнулись. В этой короткой улыбке было больше доверия, чем в десятках торжественных клятв.

В последующие недели подготовка к походу стала главным делом македонского двора.

Посланники отправлялись в разные области, собирая сведения о дорогах, переправах и запасах. Военачальники проверяли подразделения, распределяли обязанности и уточняли порядок движения. Кузнецы работали почти без отдыха, оружейники осматривали щиты, копья и доспехи, конюхи отбирали животных, способных выдержать долгий переход. В казначействе подсчитывали средства, которые можно было направить на военные нужды, и обсуждали, какие расходы придётся сократить.

Александр всё чаще посещал военные лагеря. Он не ограничивался парадами и смотром войск. Его интересовали детали: сколько времени требуется пехотинцу, чтобы пройти определённое расстояние в полном снаряжении; как быстро можно восстановить строй после пере-

правы; сколько продовольствия необходимо на день для одной тысячи воинов; какие животные лучше переносят жару и нехватку воды.

Он задавал вопросы, иногда раздражая опытных командиров своей настойчивостью. Но постепенно они привыкали к тому, что молодой царь не желает довольствоваться общими ответами.

Однажды, наблюдая за учениями, он остановился возле группы молодых воинов. Один из них, совсем юный македонец, пытался удерживать тяжёлый щит, но рука его заметно дрожала. Рядом стоял старший солдат, который с явным раздражением объяснял ему, как правильно распределять вес.

— Сколько ему лет? — спросил Александр.

— Семнадцать, царь, — ответил командир.

— Он уже служил?

— Нет. Только недавно прибыл.

Александр посмотрел на юношу.

— Почему ты решил стать воином?

Тот растерялся от неожиданного вопроса.

— Мой отец служил при царе Филиппе. Он погиб в одном из походов. Я хочу быть похожим на него.

— Ты хочешь быть похожим на отца или хочешь понять, почему он пошёл на войну?

Юноша не знал, что ответить.

— Я не думал об этом, царь.

— Тогда подумай. Смелость нужна воину. Но ещё больше ему нужно понимать, ради чего он рискует жизнью. И помни: рядом с тобой будут люди, которые доверят тебе свою жизнь. Ты не вправе забывать об этом.

Александр двинулся дальше, оставив юношу в раздумье.

Командир догнал его.

— Ты слишком много спрашиваешь у солдат, царь. Им нужны приказы, а не философские беседы.

— Приказы помогают им действовать. Но понимание помогает не потерять себя, когда всё вокруг рушится.

Командир промолчал. Возможно, он не вполне понял сказанное, но Александр уже не пытался объяснять каждую свою мысль. Он постепенно убеждался, что одни истины нельзя передать приказом. Человек должен прийти к ним сам.

Однажды вечером к Александру прибыл посланник из Афин.

Его сопровождали два человека, одетые скромно, но державшиеся с достоинством. Они передали письмо от афинских представителей, в котором говорилось о желании сохранить мир и продолжить участие города в делах Коринфского союза.

Александр прочитал письмо и отложил его.

— Они хотят мира, — сказал он.

— Они хотят избежать войны, — уточнил Антипатр.

— Разве это не одно и то же?

— Не всегда. Мир предполагает согласие. Страх предполагает ожидание наказания. Афины пока находятся ближе ко второму.

Александр задумался.

— Что ты предлагаешь?

— Не унижать их без необходимости. Афины слишком значимы для греческого мира. Их флот, торговля, культура и влияние могут принести нам пользу. Но и забывать об их непостоянстве не следует.

— Значит, мы примем их заверения?

— Примем. Но будем помнить, что слова ещё не всегда становятся поступками.

Александр вновь взглянул на письмо.

— Я не хочу, чтобы каждый город видел во мне только угрозу.

— Тогда не заставляй каждый город доказывать тебе свою покорность одинаковым способом.

Эта мысль осталась с ним. Он подписал ответ, в котором подтверждалось сохранение отношений с Афинами и участие города в общих делах союза. Никаких новых требований он предъявлять не стал.

Когда посланники покинули дворец, Александр некоторое время сидел молча.

— Ты поступил разумно, — сказал Антипатр.

— Я поступил осторожно.

— Иногда это одно и то же.

— А иногда осторожность принимают за слабость.

— Пусть принимают. Важно не то, как назовут твоё решение сегодня, а то, к чему оно приведёт завтра.

Александр усмехнулся.

— Ты сегодня говоришь почти как Парменион.

— Возможно, я слишком долго с ним спорил.

Они оба рассмеялись.

К концу года положение Македонии стало устойчивее. Восстание в Греции было подавлено, Коринфский союз восстановил прежние обязательства, северные границы оставались под контролем, а подготовка к восточному походу продвигалась.

Но Александр всё чаще чувствовал, что наступает время, когда ему придётся оставить позади не только привычные места, но и людей, которые составляли его прежнюю жизнь.

Он знал, что поход будет долгим. Никто не мог сказать, сколько лет он продлится и сколько воинов вернётся домой. Впереди находились неизвестные дороги, чужие города, незнакомые народы и армия Персидской державы, которую нельзя было недооценивать.

Однажды ночью он вышел во внутренний двор дворца. Над Македонией стояло ясное небо. Звёзды казались такими близкими, словно до них можно было дотянуться рукой. Александр долго смотрел вверх, вспоминая рассказы Аристотеля о небесных телах, о движении планет и о бесконечности мира.

Когда-то эти рассказы казались ему обещанием. Теперь они становились вопросом.

Сколько ещё неизвестного скрывалось за пределами привычного мира? Сколько земель, народов и городов он никогда не увидит? И что останется от человека, который посвятит жизнь поиску новых границ?

Он вспомнил отца. Филипп мечтал объединить греческие силы и повести их против Персии. Он не успел осуществить этот замысел. Теперь его сын готовился продолжить начатое.

Александр не сомневался в своём решении. Но впервые он думал не только о том, чего хотел достичь, но и о том, какую цену придётся заплатить за достижение цели.

Из глубины двора донёсся негромкий звук. Буцефал переступил в стойле, и конюх окликнул его, пытаясь успокоить.

Александр улыбнулся.

— Скоро, старый друг, — тихо произнёс он. — Скоро мы снова отправимся в путь.

Он ещё не знал, что впереди его ждут победы, которые превзойдут самые смелые ожидания, и испытания, перед которыми окажутся бессильны даже лучшие военачальники. Не знал, что однажды его имя будут произносить на языках, о существовании которых он пока не имел представления. И уж тем более не мог знать, что спустя столетия люди будут спорить о его величии, его ошибках и истинных мотивах.

Но в ту ночь, стоя под бесконечным небом Македонии, он уже начинал понимать одну простую вещь: дорога может вести человека всё дальше и дальше, однако само движение ещё не отвечает на вопрос, ради чего он отправился в путь.

А ответ иногда оказывается гораздо труднее самой дальней дороги.

Пока Александр готовился покинуть Европу, за морем уже происходили события, которые могли изменить весь ход предстоящей кампании. Персидские сатрапы получали сведения о македонских приготовлениях, собирали силы и обсуждали, как встретить вторжение. На побережье Малой Азии находились города, жители которых с надеждой и тревогой ожидали перемен.

Одни мечтали избавиться от персидской власти. Другие опасались, что вместо одного господина получат другого. Третьи предпочитали не вмешиваться в борьбу великих держав, желая лишь сохранить свои дома, торговлю и привычную жизнь.

И именно туда теперь направлялся взгляд Александра.

Он собирался пересечь море, за которым начинался новый мир. Но прежде ему предстояло узнать, что не всякий народ встречает освободителя одинаково и что даже самая благородная цель может потерять свой смысл, если забыть о тех, ради кого она провозглашена.

Впереди лежал Геллеспонт. И за ним — Азия.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПЕРЕПРАВА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

К весне 334 года до нашей эры приготовления к походу достигли той стадии, когда дальнейшее промедление становилось опаснее самого движения вперёд.

В Македонии завершали последние приготовления, проверяли вооружение и распределяли запасы. По дорогам двигались обозы, гружённые зерном, сушёным мясом, оружием и необходимыми припасами. В военных лагерях день начинался ещё до рассвета: трубачи подавали сигналы, командиры проверяли подразделения, конюхи выводили лошадей, а оружейники осматривали снаряжение тех, кому предстояло впервые покинуть родные земли.

Для одних этот поход был продолжением дела Филиппа. Для других — возможностью прославить своё имя. Молодые воины мечтали о добыче и славе, старые надеялись завершить жизнь достойной победой, а некоторые отправлялись на восток лишь потому, что не представляли себе иной судьбы, кроме военной службы.

Александр видел эти лица каждый день. Он понимал, что за каждым именем в списках армии стоит отдельная жизнь, со своими надеждами, страхами и привязанностями. Но теперь он отвечал не только за Македонию. Он отвечал за людей, которые должны были последовать за ним через море.

Перед выступлением царь ещё раз встретился с Антипатром. Разговор происходил в небольшом помещении дворца, где на столе лежали документы о распределении полномочий и управлении областями.

— Я оставляю тебе государство, — сказал Александр.

— Ты оставляешь мне государство, которое будет ждать твоего возвращения, — ответил Антипатр. — Но я не стану обещать тебе, что всё останется таким же, каким ты его покидаешь.

— Я и не жду этого.

— Тогда помни: пока ты будешь сражаться в Азии, здесь будут жить люди, которые не увидят ни твоих побед, ни твоих врагов. Им нужны порядок, справедливый суд, хлеб и безопасность. Не позволяй, чтобы ради далёкой войны они забыли о собственной жизни.

Александр внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь так, словно собираешься учить меня управлению.

— Я говорю так, словно собираюсь управлять страной без тебя. А для этого мне необходимо, чтобы ты понимал, что именно оставляешь.

Царь протянул ему руку.

— Я доверяю тебе.

— Тогда доверься и моему суждению, когда наши мнения не совпадут.

Александр улыбнулся.

— Вот этого я и опасаюсь больше всего.

Антипатр рассмеялся, но в его глазах оставалась серьёзность. Они оба понимали, что расстаются не на несколько недель. Впереди была война, исход которой никто не мог предсказать.

Через несколько дней армия двинулась к побережью.

Дорога к Геллеспонту оказалась долгой, но Александр почти не замечал усталости. Он часто ехал впереди колонн, останавливался возле подразделений, разговаривал с командирами и спрашивал солдат о том, как они переносят переход. Ему хотелось видеть армию не только во время торжественного смотра, когда каждый старался показать себя с лучшей стороны, но и в обычные часы, когда обнаруживаются слабости, усталость и недовольство.

Однажды он заметил пожилого воина, который шёл рядом с обозом, прихрамывая на одну ногу. Его щит был старым, ремни потёрлись, а шлем несколько раз ремонтировали.

— Почему ты не едешь в обозе? — спросил Александр.

— Потому что я ещё способен идти, царь.

— А если завтра не сможешь?

— Тогда, надеюсь, найдётся тот, кто поможет мне подняться.

Александр посмотрел на него внимательнее.

— Ты давно служишь?

— С тех пор, когда твой отец ещё не был царём.

— Значит, ты видел немало сражений.

— Достаточно, чтобы знать: после каждой победы приходится хоронить кого-нибудь из тех, кто вчера шёл рядом.

Эти слова не были произнесены с упрёком. Старик говорил спокойно, без желания поучать молодого царя. Но Александр запомнил их. Он приказал лекарю осмотреть воина и распорядился, чтобы тот получил место в обозе. Старик сначала возразил, однако спорить с царским приказом не стал.

— Ты не обязан доказывать свою храбрость каждым шагом, — сказал ему Александр. — Ты уже доказал её годами службы.

Воин поклонился, но ничего не ответил.

В тот вечер Александр долго вспоминал эту встречу. Он думал о том, что армия состоит не только из молодых людей, мечтающих о славе. В ней были отцы семейств, люди, потерявшие близких, крестьяне, покинувшие поля, ремесленники, которым война обещала заработок, и те, кто просто не знал, куда ещё мог привести его жизненный путь.

Каждый из них шёл за царём, но не каждый понимал его мечту одинаково.

У побережья Геллеспонта армия разделилась для переправы. Корабли уже ожидали войска, и вскоре началась погрузка. На противоположном берегу лежала Азия — огромный материк, о котором в Македонии рассказывали самые разные истории.

Для многих воинов это была первая встреча с большим морем. Они смотрели на воду, на далёкую линию берега, на корабли, покачивавшиеся под ветром, и старались скрыть волнение. Некоторые шутили, другие молчали. Один молодой солдат признался товарищу, что никогда прежде не отплывал дальше ближайшей рыбацкой гавани.

— А если корабль перевернётся? — спросил он.

— Тогда мы узнаем, умеют ли персы плавать, — ответил его сосед.

Оба рассмеялись, но смех быстро стих, когда раздалась команда к посадке.

Александр переправлялся вместе с передовыми отрядами. Когда корабль приблизился к азиатскому берегу, он поднялся на носовую часть судна и некоторое время смотрел на землю, которая постепенно становилась всё ближе.

Он не видел перед собой только будущую добычу или территорию, которую предстояло присоединить к державе. Перед ним лежала земля с древними городами, храмами, дорогами и людьми, чьи имена ему ещё предстояло узнать. Там жили земледельцы и торговцы, воины и жрецы, ремесленники и правители. Для них Македония была далёкой страной, а молодой царь, пересекавший море с армией, — человеком, о котором они пока знали лишь по слухам.

Когда корабль достиг берега, Александр сошёл на землю. Впоследствии этот момент оброс торжественными рассказами и символическими подробностями. Античные авторы передавали, что царь бросил копьё в азиатскую землю, обозначив тем самым начало завоевания. Как бы ни относиться к этому преданию, оно точно передаёт настроение того дня: Александр воспринимал переправу не как обычное перемещение армии, а как вступление в новый этап собственной судьбы.

Он стоял на берегу и смотрел вдаль.

— Азия, — тихо произнёс он.

Рядом находился Гефестион.

— Ты долго ждал этого дня.

— Дольше, чем мог себе представить.

— Теперь он наступил.

— Да. Но теперь я должен доказать, что был готов к нему.

Гефестион посмотрел на корабли, которые продолжали доставлять людей и снаряжение.

— А если окажется, что мы ещё не готовы?

— Тогда придётся учиться быстрее, чем прежде.

Первым важным местом, куда направился Александр после переправы, стала Илион — город, связанный с древними преданиями о Троянской войне.

Здесь прошлое словно оживало в каждом камне. Для греков имена Ахилла, Гектора, Приама и Елены были не просто героями поэтического повествования. Они принадлежали к тому миру, в котором формировались представления о славе, доблести, чести и трагической цене человеческих страстей.

Александр с детства знал «Илиаду». Ему рассказывали о том, как Ахилл выбирал между долгой жизнью без громкой славы и короткой жизнью, которая навсегда останется в памяти потомков. Он не раз возвращался к этому выбору, находя в нём отражение собственных стремлений.

Теперь он оказался на земле, которую считал частью мира своих героев.

В Илионе Александр совершил жертвоприношения Афине и почтил память павших. Согласно античной традиции, он также посетил место, связанное с могилой Ахилла. Здесь он задержался дольше, чем ожидали сопровождавшие его военачальники.

— Ты ведь понимаешь, что Ахилл был человеком своего времени, — сказал Гефестион, стоявший рядом.

— Разумеется.

— И всё же ты сравниваешь себя с ним.

— Я не сравниваю себя с Ахиллом. Я пытаюсь понять, почему его имя пережило столько поколений.

— Потому что о нём сложили песни.

— Песни не спасают имя, если за ним ничего нет.

Гефестион улыбнулся.

— А что должно быть?

Александр задумался.

— Может быть, поступок. Может быть, то, что человек заставил других почувствовать. Или вопрос, который он оставил после себя и на который следующие поколения всё ещё пытаются ответить.

Он посмотрел на древнюю землю.

— Ахилл хотел славы. Но разве только ради славы люди помнят его? Ведь в его истории есть не только победы. Есть дружба, гнев, любовь, утрата, скорбь. Есть человек, который не сумел уберечь того, кто был ему дороже многих побед.

— Ты говоришь о Патрокле.

— Да. Иногда мне кажется, что именно в этой истории больше правды, чем во всех рассказах о сражениях.

Гефестион не ответил. Он знал, что Александр особенно дорожит их дружбой, и потому не стал превращать разговор в спор о древних героях.

Вскоре в лагерь начали поступать сведения о персидских силах.

Власть великого царя Дария III простиралась на огромные пространства. Его держава объединяла множество народов, областей и городов, связанных дорогами, торговлей, системой управления и военной службой. Но огромные размеры империи не означали, что её военные силы всегда действовали как единое целое.

Персидские сатрапы Малой Азии понимали опасность македонского вторжения. Они собирали конницу, пехоту и наёмников, обсуждали возможные направления удара. Среди их военачальников находились опытные люди, знавшие греческую тактику и понимавшие, что армия Александра представляет серьёзную угрозу.

Особое значение имел Мемнон Родосский — талантливый военачальник греческого происхождения, служивший персидскому царю. Он хорошо знал македонян и понимал, что открытое столкновение с ними может оказаться опасным. По преданию, Мемнон предлагал использовать тактику отступления и лишения противника продовольствия, уничтожая запасы и затрудняя снабжение. Однако его предложения не получили полной поддержки персидских сатрапов.

Разногласия между ними сыграли важную роль в подготовке первого крупного столкновения.

Александр пока не знал всех подробностей этих споров, но понимал, что противник не будет слабым и беспомощным. Он приказал разведчикам внимательнее изучать дороги, расположение рек, укреплённых пунктов и возможные места переправ.

На одном из совещаний Парменион разложил перед царём карту.

— Если персы соберут значительные силы, они могут попытаться остановить нас у реки Граник.

— Насколько далеко она отсюда?

— Достаточно близко, чтобы мы не могли позволить себе беспечность.

— Что известно о численности их войск?

— Данные противоречивы. У них много конницы и греческих наёмников. Точного соотношения сил мы пока не знаем.

— Значит, будем исходить из того, что противник способен оказать серьёзное сопротивление.

Парменион кивнул.

— Это разумно.

— А ты советуешь ждать?

— Я советую не торопиться сражаться там, где можно выиграть время и выбрать более выгодное положение.

Александр прошёлся вдоль карты.

— Если мы будем ждать, противник получит возможность укрепиться. Если двинемся вперёд, заставим его отвечать на наши действия.

— Но движение вперёд должно иметь цель, а не становиться привычкой.

— У тебя на всё есть возражение, Парменион.

— Для этого ты и держишь меня рядом.

Царь улыбнулся.

— Возможно.

Однако спор на этом не закончился. Парменион считал необходимым тщательно подготовить переправу через реку и не подвергать армию неоправданному риску. Александр же был склонен действовать решительно, пока противник не успел воспользоваться своим численным превосходством.

Они оба понимали, что предстоящее столкновение станет серьёзной проверкой не только для войск, но и для самого царя.

В лагере Александр всё чаще встречался с людьми, которые были далеки от придворной жизни.

Однажды к нему привели местного жителя, задержанного македонскими разведчиками. Это был мужчина средних лет, одетый в простую одежду. Он говорил по-гречески с заметным акцентом и, как выяснилось, занимался торговлей между прибрежными поселениями.

— Ты служишь персам? — спросил Александр.

— Я служу своему дому, царь.

— Это не ответ.

— У меня есть семья. Я торгую зерном, тканями и маслом. Иногда мои товары покупают персидские чиновники, иногда греческие купцы. Если ты спрашиваешь, с кем я воюю, то я не воюю ни с кем.

— А если тебя заставят выбрать сторону?

Мужчина опустил глаза.

— Тогда я выберу ту сторону, которая позволит моей семье остаться в живых.

Александр некоторое время смотрел на него.

— Ты знаешь, где находятся персидские отряды?

— Знаю, что они собираются в глубине области. Но не знаю их численности.

— Ты мог бы солгать, чтобы спасти себя.

— Мог бы. Но тогда ты всё равно узнаешь правду от другого человека, а моя семья потеряет торговлю и, возможно, жизнь.

— Ты боишься меня?

— Да, царь.

— Почему?

— Потому что ты пришёл сюда с армией.

Ответ был простым и честным. Александр не стал сердиться.

— Тебя отпустят. Никто не должен причинять вред твоей семье. Но если ты знаешь что-либо о дорогах и местных поселениях, передай это нашим людям. За полезные сведения ты получишь плату.

Мужчина поклонился и вышел.

Птолемей, наблюдавший за разговором, подошёл ближе.

— Ты доверяешь ему?

— Нет.

— Тогда зачем отпустил?

— Потому что он не воин и не наш враг только из-за того, что живёт на этой земле. Если мы начнём считать врагами всех, кто не встречает нас с радостью, нам придётся воевать с каждым домом.

— А если он передаст сведения персам?

— Возможно. Но страх не делает человека предателем автоматически. Иногда он просто заставляет его искать способ выжить.

Птолемей задумчиво кивнул.

— Ты начинаешь смотреть на эти земли иначе, чем многие из наших военачальников.

— Я начинаю понимать, что за каждой линией на карте находится чья-то жизнь.

Птолемей посмотрел на карту, лежавшую на столе.

— Тогда тебе придётся помнить об этом, когда начнутся настоящие сражения.

— Я постараюсь.

К концу апреля армия Александра приблизилась к реке Граник.

Персидские военачальники заняли позиции на противоположном берегу. Их конница располагалась вдоль реки, а за ней находились греческие наёмники-пехотинцы. Они рассчитывали встретить македонян на переправе и воспользоваться тем, что переход через реку нарушит боевой порядок наступающих.

Разведчики доложили, что вода местами глубока, течение быстрое, а противоположный берег достаточно крут, чтобы затруднить выход конницы. Парменион считал, что лучше дождаться следующего дня, внимательно изучить местность и начать переправу в более благоприятных условиях.

Александр выслушал его, но не согласился.

— Если мы остановимся перед рекой, персы поймут, что сумели задержать нас. Они получат время для укрепления позиций и сбора дополнительных сил.

— А если мы начнём переправу сейчас, то войдём в бой в невыгодном положении, — возразил Парменион.

— Наши воины умеют сражаться.

— Умение сражаться не отменяет необходимости выбирать правильный момент.

Александр посмотрел на противоположный берег.

— Я не хочу отдавать противнику инициативу.

— А я не хочу отдавать ему наших людей.

В этих словах не было недостатка храбрости. Парменион слишком хорошо знал цену поспешным решениям. Но Александр уже принял решение.

Он приказал готовить войска к переправе.

Утром македонская армия начала движение к реке.

Впереди находились подразделения конницы, за ними следовала пехота. Вода поднималась до груди всадников в некоторых местах, течение сбивало людей с ног, лошади скользили на камнях. Персидские отряды наблюдали за переправой и ждали момента, когда македоняне окажутся в наиболее уязвимом положении.

Затем началось сражение.

Конница обеих сторон столкнулась у берега. Крики людей смешались с ржанием лошадей, звоном оружия и грохотом копыт. Македонские всадники пытались выйти на противоположный берег, но персы встречали их ударами копий и стрелами. В некоторых местах переправа превращалась в тесное столкновение, где трудно было различить отдельные подразделения.

Александр находился в самой гуще боя. Его заметили персидские всадники, и вскоре он оказался под ударом нескольких противников. Один из них нанёс ему удар, который рассёк шлем. Царь продолжал сражаться, но вскоре оказался в опасности. В этот момент Клит, прозванный Чёрным, вмешался и, согласно античному преданию, спас Александру жизнь, отсёкши руку персидскому воину, который готовился нанести следующий удар.

Позднее этот эпизод будут пересказывать как один из самых драматических моментов битвы.

Но тогда, среди шума и крови, никто не думал о будущих рассказах. Люди сражались за собственную жизнь и за тех, кто находился рядом.

Македонская конница постепенно закрепилась на противоположном берегу. За ней начали переправляться пехотные подразделения. Фаланга, оказавшись на твёрдой земле,

смогла развернуться и использовать свою дисциплину и вооружение. Персидские силы начали отступать.

Особенно тяжёлым оказалось положение греческих наёмников, находившихся в глубине персидского построения. Многие из них продолжали сопротивление, хотя исход сражения уже становился очевидным.

К вечеру битва закончилась победой Александра.

Персидская конница понесла большие потери, а значительная часть греческих наёмников была убита или взята в плен. Македоняне захватили лагерь и военные запасы. Дорога в глубь Малой Азии оказалась открыта.

Но для Александра это была не просто первая победа на азиатской земле. Он впервые столкнулся с противником, который обладал собственным военным опытом, силой и волей к сопротивлению. Он понял, что впереди его ждут не только лёгкие переходы и города, готовые открыть ворота.

После сражения он приказал позаботиться о раненых. Воинам, отличившимся в бою, полагались почести и награды. Но царь также распорядился собрать тела погибших македонян и подготовить достойное погребение.

Клит, который находился неподалёку, подошёл к нему.

— Ты сегодня едва не погиб, царь.

— Но не погиб.

— Не всегда этого достаточно, чтобы считать решение правильным.

Александр посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что я слишком рисковал?

— Я хочу сказать, что твоя жизнь теперь принадлежит не только тебе.

Александр вспомнил слова Пармениона, произнесённые накануне.

— Сегодня мне повезло.

— Сегодня тебе помогли люди, которые не могли позволить себе потерять тебя.

Клит говорил резко, но Александр не обиделся.

— Я помню.

Он посмотрел на поле боя, где ещё продолжали работать воины и лекари.

— Мы победили, Клит. Но я не хочу, чтобы победа заставила нас забыть о тех, кто не вернётся домой.

Клит кивнул.

— Тогда ты должен помнить об этом после каждой победы.

Александр ничего не ответил. Он понимал, что именно этого от него ждут люди, стоявшие рядом. Но ещё он понимал, что впереди будут сражения, в которых цена победы окажется гораздо выше.

Когда наступила ночь, Александр вышел из шатра и остановился неподалёку от лагеря. Над Малой Азией поднималось звёздное небо, такое же далёкое и спокойное, каким оно было над Македонией.

Он посмотрел на реку, через которую ещё утром переправлялась его армия. Вода продолжала течь, не сохраняя следов прошедшего сражения. Берега, недавно покрытые людьми, конями и оружием, постепенно погружались в темноту.

Александр подумал о том, что для него этот день стал началом великого пути, а для многих других — последним днём жизни.

Он не мог вернуть погибших. Не мог изменить уже совершённые поступки. Но мог помнить о цене каждого решения и стараться не превращать победу в единственное мерило человеческой судьбы.

Впереди лежали новые города, новые битвы и новые испытания. Он ещё не знал, что его имя будет связано с победами, которые изменят политическую карту огромной части мира. Не знал и того, насколько трудно окажется удержать созданное им пространство от распада.

Пока же он видел только дорогу, уходившую в глубину Азии.

И снова, как когда-то в детстве, ему хотелось узнать, что находится дальше.

Но теперь рядом с этим желанием возникал другой вопрос: что останется после того, как он пройдёт весь этот путь?

Он ещё не мог ответить на него. Однако вопрос уже появился, и однажды ему предстояло вернуться к нему с гораздо большей силой.

Переправа через Геллеспонт состоялась. Первая большая битва была выиграна. Александр вступил в Азию — и Азия впервые ответила ему оружием.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ГОРОДА, ОЖИДАВШИЕ ПЕРЕМЕН

Победа при Гранике изменила настроение всей армии. Ещё недавно воины смотрели на азиатский берег как на неизвестную страну, где за каждым холмом могла скрываться опасность. Теперь они знали, что персидские войска можно разбить, что македонская фаланга способна выдержать натиск конницы, а их царь не прячется за спинами воинов, когда начинается сражение.

Но Александр понимал: первая победа открыла лишь дорогу. Впереди лежала Малая Азия — богатая, многолюдная, древняя земля, где рядом существовали греческие города, персидские крепости, местные царства и народы, давно привыкшие жить между чужими властителями.

На следующий день после сражения он созвал военачальников.

Парменион разложил перед царём карту. На ней были обозначены дороги, реки, укрепления и города западного побережья.

— Если мы двинемся вдоль побережья, — сказал он, — то сможем постепенно лишить персов опорных пунктов. Многие города не станут сопротивляться. Другие могут попытаться выиграть время, ожидая подкреплений.

— А что будет с их жителями? — спросил Александр.

Парменион поднял глаза.

— Это зависит от того, как они встретят нас.

— Нет, — возразил Александр. — Это зависит не только от них. Мы тоже должны решить, кем придём в их дома.

В шатре на мгновение стало тихо.

— Царь, — осторожно заметил один из военачальников, — если город открывает ворота, он признаёт нашу власть. Разве этого недостаточно?

— Для военного похода, возможно, достаточно. Но я хочу знать, что происходит после того, как ворота открыты. Если люди встречают нас как освободителей, а через несколько дней обнаруживают, что у них сменился только хозяин, то какой смысл была иметь все эти победы?

Парменион внимательно посмотрел на Александра.

— Ты собираешься предоставить городам самостоятельность?

— Я собираюсь выяснять, что именно нужно каждому городу. Нельзя управлять всеми одинаково. У одних свои законы, у других старые распри, у третьих правители держатся только на поддержке персидского гарнизона. Если мы не разберёмся в этом, то сами создадим себе врагов.

— А если они воспользуются нашей мягкостью?

— Тогда придётся действовать иначе. Но я не хочу заранее считать каждого человека предателем только потому, что он родился по другую сторону моря.

После совета Александр ещё долго оставался над картой. Его интересовали не только крепости и дороги. Он спрашивал о населении городов, торговле, земледелии, местных обы-

чаях. Ему рассказывали, что в некоторых местах греческие жители давно недовольны персидскими наместниками, в других местная знать поддерживает существующий порядок, а кое-где люди просто хотят, чтобы очередная армия прошла мимо, не тронув их дома.

Он слушал и всё чаще замечал, что карта, на которой так удобно обозначать границы, почти ничего не говорит о тех, кто живёт внутри них.

Первым большим испытанием стал город Сарды.

Он занимал важное положение в глубине западной части Малой Азии. Его крепость возвышалась над окрестностями, а богатства города и его сокровищницы делали его значительным пунктом персидской власти. Сарды были не просто очередным укреплением на пути македонян. Здесь сходились дороги, связывавшие прибрежные области с внутренними районами страны.

Когда армия Александра приблизилась к городу, сопротивления, которого ожидали некоторые военачальники, не последовало.

Навстречу царю вышел Митрен, занимавший высокое положение в персидской администрации. Он прибыл в сопровождении нескольких представителей городской знати и предложил передать крепость вместе с сокровищницей.

Парменион, узнав об этом, не скрывал удовлетворения.

— Это удача, царь. Нам не придётся тратить людей на осаду.

— Удача для нас, — ответил Александр. — Но я хочу услышать, почему они решили открыть ворота.

Митрена пригласили к царю.

Он вошёл без воинственного высокомерия, но и без униженной покорности. Перед Александром стоял человек, который понимал, что прежняя власть уже не может защитить его город, однако ещё не знал, чего ожидать от новой.

— Ты передаёшь мне Сарды? — спросил Александр.

— Я передаю тебе крепость, царь. Город не должен стать местом ненужного кровопролития.

— А ты сам чего хочешь?

Митрен помедлил.

— Чтобы жители сохранили свои дома. Чтобы торговцы могли торговать, ремесленники — работать, а земледельцы — обрабатывать поля. Мы пережили достаточно войн, чтобы знать цену смене властителей.

Александр внимательно посмотрел на него.

— Ты служил персидскому царю.

— Служил.

— И теперь готов служить мне?

— Я готов служить тому, кто сможет сохранить порядок в этой стране.

— Это разумный ответ, но я не стану требовать от тебя слов, в которые ты сам не веришь.

Митрен слегка склонил голову.

— Тогда позволь мне доказать верность поступками.

Александр согласился принять его на службу. Он распорядился сохранить город и его укрепления, не допускать грабежей и не превращать передачу власти в повод для расправы. Сарды должны были стать опорным пунктом македонян, но не пустынным местом, оставшимся после победителей.

Позже, поднявшись к крепости, Александр долго смотрел на окрестности. Отсюда открывались дороги, уходившие к далёким долинам. Он понимал, что вместе с ключами от крепости получил нечто большее, чем стены и сокровища: ответственность за город, который ещё вчера принадлежал другой державе.

— Ты доволен? — спросил подошедший Гефестион.

— Да. Мы получили крепость без боя.

— Значит, удача сегодня на нашей стороне.

— Удача помогла нам открыть ворота. Но удержать город она за нас не сможет.

Из Сард Александр направился к Эфесу.

Этот город был одним из важнейших центров греческого мира на малоазийском побережье. Его богатство основывалось на торговле, ремесле и морских связях. Здесь находилось знаменитое святилище Артемиды, прославленное далеко за пределами Ионии.

Но за внешним благополучием города скрывались политические противоречия. Власть неоднократно переходила из рук в руки, а различные группы жителей по-разному относились к персидскому господству. Одни поддерживали установившийся порядок, другие надеялись на перемены.

Когда македонская армия приблизилась к Эфесу, персидская власть там уже пошатнулась. Жители, поддерживавшие возвращение демократического управления, увидели в появлении Александра возможность изменить прежний порядок.

Городские ворота открылись.

На улицах собрались люди. Одни приветствовали македонян, другие наблюдали молча. В толпе можно было увидеть и искреннюю радость, и тревогу, и настороженное любопытство.

Александр въехал в город не торжествующим завоевателем, а человеком, который хотел понять, что именно произошло до его прихода.

Ему представили представителей городской общины. Среди них были пожилой торговец, несколько ремесленников и молодой человек, недавно вернувшийся из изгнания.

— Мы ждали этого дня, — сказал молодой эфесец. — Многие наши сограждане были вынуждены покинуть родной город. Мы надеемся, что теперь они смогут вернуться.

— А те, кто поддерживал прежнюю власть? — спросил Александр.

Молодой человек нахмурился.

— Некоторые из них причинили нам много зла.

— Я спрашиваю не о том, что они сделали. Я спрашиваю, что ты предлагаешь сделать с ними теперь.

— Они должны ответить за свои поступки.

— Если совершили преступления — пусть ответят перед судом. Но если человек виновен только в том, что поддерживал другую политическую сторону, этого недостаточно для смертного приговора.

Один из пожилых представителей города поддержал царя:

— В Эфесе слишком много лет люди расплачивались за решения тех, кто стоял у власти. Иногда достаточно было произнести не то слово, чтобы потерять дом.

Александр посмотрел на него.

— Тогда постарайтесь, чтобы при новой власти этого не повторилось.

Вскоре он распорядился восстановить городское управление и позволить изгнанникам вернуться. Однако он не собирался превращать победу в начало бесконечной мести. Порядок должен был основываться на законе, а не на желании одной группы расправиться с другой.

Особое место в его распоряжениях занимало святилище Артемиды. Александр почитал древние святыни и понимал, что храм для жителей Эфеса был не просто богатым сооружением. Он являлся частью их памяти, веры и представления о собственной истории.

Когда царь посетил окрестности святилища, его сопровождали Гефестион и несколько городских старейшин.

— Ты собираешься принести жертву Артемиде? — спросил Гефестион.

— Да. Но не для того, чтобы показать, что теперь и этот храм принадлежит мне.

— А для чего?

— Чтобы показать уважение к тем, для кого он священен.

Один из старейшин, услышав эти слова, тихо сказал:

— Многие правители приходили сюда с дарами. Но не все понимали, что храм не становится ближе к человеку оттого, что он приносит больше золота.

Александр повернулся к нему.

— А от чего становится?

— Оттого, что человек приходит сюда не только просить для себя.

Царь ничего не ответил. Но эти слова он запомнил.

В тот вечер в городе было шумно. Люди выходили на улицы, обсуждали перемены, вспоминали изгнанных родственников, строили предположения о будущем. Кто-то верил, что теперь наступит справедливость. Кто-то опасался, что новая власть окажется такой же, как прежняя.

В доме одного ремесленника собралась семья. Старик, его дочь и двое внуков сидели за скромным ужином.

— Значит, теперь мы свободны? — спросил младший мальчик.

Дед не сразу ответил.

— Сегодня мы живём без страха перед завтрашним днём. Этого уже немало.

— А завтра?

Старик посмотрел на внука.

— Завтра зависит не только от царя, но и от нас.

Однако не все города встречали македонян открытыми воротами.

На юге, в Карии, находился Галикарнас — хорошо укреплённый город с мощными стенами и удобной гаванью. Его обороной руководили персидский сатрап Оронтобат и опытный военачальник Мемнон Родосский, один из наиболее способных противников Александра.

Мемнон хорошо понимал, что македонская армия опасна в открытом сражении. Он знал её сильные стороны и не собирался дарить противнику лёгкую победу.

Когда в Галикарнас пришли известия о поражении при Гранике, городские власти начали готовиться к осаде. Усиливались укрепления, проверялись запасы продовольствия, распределялись обязанности между защитниками.

Мемнон собрал военачальников.

— Не следует недооценивать Александра, — сказал он. — Он смел, быстр и умеет использовать малейшую возможность. Но у него есть слабость: армия должна двигаться вперёд, а для этого ей необходимы дороги, продовольствие и безопасные пути сообщения.

— Ты предлагаешь не выходить из города? — спросил один из командиров.

— Я предлагаю не сражаться там, где противник сильнее. Пусть каждый его шаг обходится ему дорого.

— А если он начнёт осаду?

— Тогда мы заставим его потратить время.

Мемнон не питал иллюзий. Он понимал, что удержать весь запад Малой Азии будет трудно, но считал необходимым остановить продвижение македонян хотя бы здесь.

Тем временем Александр уже получил первые сведения о приготовлениях противника.

Парменион был недоволен.

— Мы не можем позволить Мемнону распоряжаться временем нашего похода. Если Галикарнас станет центром сопротивления, другие города могут последовать его примеру.

— Поэтому мы должны взять его, — ответил Александр.

— И чем скорее, тем лучше.

— Не всегда скорость означает победу.

Парменион нахмурился.

— Ты сам учил нас действовать быстро.

— Быстро — когда это необходимо. Но если мы бросим людей на стены без подготовки, то получим много погибших и, возможно, всё равно не возьмём город.

Он подошёл к карте.

— Нам нужно понять, где расположены наиболее уязвимые участки укреплений, как устроены подступы к гавани и какие силы находятся внутри. Разведка должна выяснить всё, что возможно.

— Мемнон не станет сидеть сложа руки.

— Я и не рассчитываю на это.

Александр смотрел на обозначение Галикарнаса. Он уже видел, как один за другим открывались перед ним города, но теперь на пути возник противник, который не собирался уступать ни из страха, ни из расчёта.

Вечером царь вышел из шатра. Вдалеке мерцали костры лагеря. Воины готовили оружие, конюхи ухаживали за лошадьми, писцы записывали распоряжения. Армия жила ожиданием нового испытания.

Гефестион подошёл к нему.

— Ты думаешь о Мемноне?

— О нём тоже.

— Он опасный противник.

— Именно поэтому его нельзя недооценивать.

— Ты хотел бы встретиться с ним в открытом поле?

Александр задумался.

— Я хотел бы встретиться с ним там, где решится исход войны. Но не всякий противник обязан принять наше приглашение к сражению.

Гефестион улыбнулся.

— Значит, впереди будет не только битва.

— Впереди будет испытание терпения. Иногда оно труднее, чем испытание отваги.

Он посмотрел в сторону юга, где за ночной темнотой лежали земли Карии.

Там, за стенами Галикарнаса, люди тоже готовились к завтрашнему дню. Одни защищали свою родину, другие — власть, третьи просто надеялись пережить очередную войну. Для Александра они пока оставались невидимыми, но скоро их судьбы окажутся связаны с его решениями.

Он уже знал, что не всякий город можно принять с открытыми воротами. Но ещё не знал, сколько человеческих жизней потребует следующий шаг.

И впервые после Граника перед ним встала не только задача победить противника, но и вопрос, который не решался одним лишь военным искусством: **как не позволить собственной победе превратиться в чужое несчастье?**

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЖЕНЩИНА, СОХРАНИВШАЯ ЦАРСТВО

Путь к Галикарнасу оказался труднее, чем предполагали многие македонские военачальники.

Город был хорошо защищён природой и укреплениями. С одной стороны его прикрывали холмы, с другой находилась гавань, где могли укрываться корабли. Мощные стены, башни и укреплённые участки создавали несколько рубежей обороны. Даже если македонянам удастся пробить внешние укрепления, это ещё не означало, что город окажется в их руках.

Мемнон Родосский понимал, что Александр не станет отступать после первой неудачи. Он внимательно изучал действия македонян и готовился использовать каждую ошибку противника.

Когда войска Александра появились перед городом, защитники уже заняли позиции.

С высоты стен виднелись македонские знамена. Внизу двигались обозы, инженеры осматривали местность, воины разбивали лагерь. Время от времени из города доносились звуки труб.

— Они хотят показать, что готовы к встрече, — заметил Кратер.

— Они и в самом деле готовы, — ответил Александр. — И было бы глупо считать иначе.

Он приказал тщательно изучить укрепления, расположение башен и возможные подступы к стенам. Инженеры начали готовить осадные машины, а отряды разведчиков следили за передвижениями противника.

Первые дни прошли в напряжённом ожидании. Затем начались столкновения у внешних укреплений. Защитники совершали вылазки, стараясь уничтожить осадные сооружения ещё до того, как те приблизятся к стенам. Македоняне отвечали стрелами и ударами пехоты, постепенно вытесняя противника обратно в город.

Однажды вечером к Александру привели молодого воина, раненного во время вылазки.

— Ты был возле стены? — спросил царь.

— Да.

— Что ты видел?

— Они не боятся нас, царь. Я видел, как один из защитников поднялся на башню, хотя вокруг него падали стрелы. Он продолжал отдавать распоряжения, пока не получил ранение.

— Значит, там есть люди, которые знают, за что сражаются.

— Ты думаешь, они защищают персидского царя?

Александр посмотрел на него.

— Не все, кто держит оружие в руках, защищают одного и того же человека. Кто-то защищает дом, кто-то семью, кто-то присягу. А кто-то просто не может отступить, потому что за его спиной находятся другие.

Воин молчал.

— Отдыхай, — сказал Александр. — Ты сделал своё дело.

Когда раненого увели, царь повернулся к Пармениону.

— Мемнон умеет превращать оборону в наступление. Он не позволит нам спокойно подойти к стенам.

— Тогда нужно усилить давление.

— Усилим. Но не станем терять людей ради того, чтобы завтра доложить о нескольких разрушенных башнях.

Парменион не возражал. Он знал, что в осаде терпение иногда приносит больше пользы, чем отвага.

В это время в Карии происходили события, о которых Александр ещё не знал.

Внутренние области страны имели собственную историю и собственные политические противоречия. Здесь существовали древние местные династии, знатные семьи, города и крепости, а персидская власть нередко опиралась на местных правителей, сохранивших значительную самостоятельность.

Одной из самых необычных фигур карийской истории была Ада.

Она принадлежала к династии Гекатомнидов, правившей Карией от имени персидского царя. Когда-то Ада занимала положение правительницы, но была отстранена от власти собственным братом Пиксодаром, а затем оказалась вынуждена покинуть столицу.

Её убежищем стала крепость Алинда.

Там, вдали от политических интриг Галикарнаса, она сохраняла остатки прежнего влияния и продолжала следить за происходящим в стране. Ада не была человеком, который легко смиряется с потерей своего положения. Но она понимала: одних воспоминаний о прежней власти недостаточно, чтобы вернуть себе государство.

Когда до неё дошли вести о приближении Александра, она задумалась.

Новый царь Македонии уже одержал победу при Гранике, подчинил Сарды и вошёл в Эфес. Его армия двигалась по стране, а персидская власть теряла одну опору за другой.

Ада могла ждать, пока исход войны решится без неё. Но тогда победитель сам определил бы её дальнейшую судьбу.

Она решила действовать.

К Александру отправились посланники с предложением встретиться. Вскоре македонский царь получил приглашение посетить Алинду.

Парменион отнёсся к известию настороженно.

— Она хочет заключить союз?

— Возможно.

— А может быть, надеется использовать нас для возвращения собственной власти.

— Это тоже возможно.

— И ты собираешься принять её предложение?

Александр посмотрел на него.

— Я собираюсь сначала выслушать её.

— Ты слишком часто полагаешься на разговоры с людьми, которые могут оказаться твоими противниками.

— А ты слишком часто считаешь, что противника можно понять только после того, как он поднял против нас оружие.

Парменион усмехнулся.

— Возраст делает меня осторожным.

— А возраст должен был научить тебя, что не всякая осторожность является мудростью.

Оба рассмеялись. Между ними уже давно существовало то особое доверие, которое возникает не из полного согласия, а из многолетней совместной службы.

Алинда встретила Александра не как город, захваченный силой, а как место, где его появления ждали.

Ада вышла навстречу царю.

Она была уже не молодой женщиной. За её плечами находились годы политической борьбы, потери власти и вынужденного отступления. Но в её осанке не было ни покорности, ни желания понравиться победителю.

— Александр, — произнесла она, — я рада, что ты принял моё приглашение.

— Мне сказали, что ты была правительницей Карии.

— Была. Теперь я живу в крепости, которая осталась мне после того, как у меня отняли всё остальное.

— Не всё, — заметил Александр. — Ты сохранила свободу.

Ада внимательно посмотрела на него.

— Свобода без возможности влиять на судьбу своей страны иногда похожа на одиночество.

— А власть без возможности распоряжаться собственной судьбой?

— На рабство, — ответила она после короткого раздумья.

Александр улыбнулся.

— Значит, мы уже нашли общий язык.

Они прошли в помещение, где был приготовлен скромный приём. Ада предложила ему место за столом и приказала подать угощение. Но разговор быстро перешёл к делам.

— Я не стану скрывать, почему пригласила тебя, — сказала она. — Галикарнас удерживают люди, которые не хотят признавать перемен. Они располагают силами и рассчитывают на помощь персидского царя. Если ты победишь, Кария должна получить правителя, который будет понимать её законы и обычаи.

— Ты хочешь вернуть себе власть?

— Я хочу вернуть себе право управлять страной, которую знаю лучше многих чужеземцев.

— А почему я должен тебе доверять?

— Потому что я не предлагаю тебе обещаний, которые невозможно проверить. Я предлагаю тебе крепость Алинду, поддержку тех, кто признаёт мою власть, и возможность действовать в Карии не только мечом.

Александр внимательно слушал.

— Ты понимаешь, что после победы я не смогу позволить каждому правителю поступать так, как ему вздумается?

— Понимаю. Но правитель, который знает страну, способен принести тебе больше пользы, чем наместник, которому приходится каждый день спрашивать дорогу у местных жителей.

— А если твои интересы однажды разойдутся с моими?

— Тогда нам придётся говорить об этом открыто.

Александр рассмеялся.

— Ты говоришь так, словно мы уже заключили договор.

— Я слишком долго прожила среди людей, которые обещали верность, пока она была им выгодна. Поэтому предпочитаю говорить прямо.

В этот момент Ада произнесла то, чего Александр не ожидал.

— Я хочу принять тебя в свою семью. Я буду считать тебя сыном, если ты согласишься.

Царь на мгновение замолчал.

Он встречал многих людей, которые пытались приблизиться к нему ради выгоды, но в словах этой женщины было нечто иное. Возможно, политический расчёт действительно присутствовал. Однако за ним чувствовалась и потребность человека, пережившего изгнание, обрести не только союзника, но и наследника, которому можно доверить будущее.

— Ты предлагаешь мне нечто большее, чем союз, — сказал Александр.

— Я предлагаю тебе то, что сама считаю важным.

— Тогда я приму твоё предложение.

Ада впервые за время разговора улыбнулась.

Впоследствии этот союз сыграет важную роль в судьбе Карии. Александр признает её правительницей и позволит сохранить власть в тех пределах, которые будут определены новой политической реальностью.

Но в тот день речь шла не только о политике.

Когда приём закончился, Александр вышел на террасу. Оттуда открывался вид на долину и далёкие горные склоны.

Гефестион подошёл к нему.

— Неожиданная встреча.

— Да.

— Ты доверяешь ей?

— Я доверяю её уму. А доверие к человеку всегда должно подтверждаться поступками.

— Она назвала тебя сыном.

— Удивительно, как по-разному люди могут обращаться к царю. Одни называют его повелителем, другие — завоевателем, а она предложила мне стать частью семьи.

Гефестион задумался.

— Возможно, ей нужен наследник.

— Возможно. Но мне тоже иногда хочется встретить человека, который видит во мне не только царя.

Гефестион посмотрел на друга, но ничего не ответил.

Тем временем осада Галикарнаса становилась всё ожесточённее.

Македонские инженеры подвели к стенам осадные машины. Защитники отвечали камнями, стрелами и вылазками. Ночью воины Мемнона пытались разрушить сооружения противника, а днём македоняне вновь восстанавливали их.

В одном из столкновений защитникам удалось прорваться за пределы укреплений и поджечь несколько осадных конструкций. Македоняне понесли потери, но сумели оттеснить противника.

Александр лично наблюдал за ходом боёв.

— Они хотят заставить нас поверить, что город невозможно взять, — сказал он Птолемею.

— А разве это не так?

— Невозможных крепостей не бывает. Бывают крепости, за которые приходится платить слишком дорого.

— И сколько ты готов заплатить?

Александр посмотрел на него.

— Не больше, чем необходимо.

В следующие дни давление на город усилилось. Македоняне продвигались к внешним укреплениям, защитники отступали на подготовленные позиции. Внутри Галикарнаса росло напряжение. Запасы продовольствия сокращались, раненых становилось больше, а вести о потерях доходили до домов, где оставались женщины и дети.

Мемнон понимал, что положение становится всё труднее. Он продолжал сопротивление, но одновременно готовил возможность отхода для наиболее боеспособных сил.

Когда часть города охватил пожар, пламя быстро распространилось по деревянным строениям. Ветер разносил искры, жители пытались спасти имущество, а воины продолжали сражаться среди дыма и обломков.

Александр увидел, как горят дома.

— Нужно остановить продвижение в этом направлении! — приказал он.

— Царь, защитники всё ещё удерживают улицы!

— Я вижу. Но там жилые кварталы. Не превращайте каждый дом в мишень только потому, что из него могут стрелять.

Однако пожар уже невозможно было остановить. Часть города оказалась разрушена, а македоняне продолжали борьбу за укреплённые позиции.

К концу осады Мемнон и Оронтобат смогли вывести часть своих сил, укрывшись в укреплениях у гавани и на островных позициях. Полностью овладеть Галикарнасом Александру тогда не удалось. Он оставил здесь войска под командованием надёжных военачальников, чтобы продолжить борьбу с оставшимися очагами сопротивления.

Это не было той победой, которую можно было бы отметить торжественным въездом царя в покорённый город.

Когда Александр осмотрел разрушенные кварталы, он увидел людей, сидевших возле остатков своих домов. Среди них была женщина, державшая на руках ребёнка. Рядом старик пытался разобрать обгоревшие балки.

Царь остановился.

— У вас есть родственники в других городах? — спросил он через переводчика.

Женщина покачала головой.

— Наш дом был здесь. Мы никогда не жили в другом месте.

Александр некоторое время смотрел на неё.

— Вам помогут найти жильё.

Она не поблагодарила его. Возможно, не услышала обещания. Возможно, не поверила человеку, чья армия пришла к её городу с оружием.

Александр не стал требовать благодарности.

Он пошёл дальше, а перед глазами продолжали стоять обугленные стены.

Вечером он вызвал Пармениона.

— Нужно организовать помощь жителям.

— Мы уже выделяем продовольствие для армии. Запасы не бесконечны.

— Я не прошу отдать всё. Но нельзя допустить, чтобы люди умерли от голода среди собственных развалин.

— Ты понимаешь, что некоторые из них ещё недавно могли сражаться против нас?

— Понимаю. И всё же ребёнок не становится нашим врагом только потому, что его отец держал оружие.

Парменион долго молчал.

— Ты ставишь перед собой трудную задачу, Александр.

— А разве лёгкая задача способна сделать человека лучше?

Позднее, когда войска готовились покинуть окрестности Галикарнаса, Александр получил известие из Алинды.

Ада прислала ему письмо. В нём она благодарила за признание её прав и выражала готовность помогать в управлении Карией.

Александр прочитал письмо и положил его рядом с картой.

— Что она пишет? — спросил Гефестион.

— Что будет ждать меня в Карии, когда я вернусь.

— Ты собираешься вернуться?

— Человек не должен забывать тех, кому дал слово.

Он посмотрел на карту. Дальше на восток уходили дороги, ведущие в глубину Азии. Там находились новые города, новые армии и новые испытания.

Победа при Гранике уже казалась далёким событием. Сарды открыли ворота, Эфес пережил смену власти, Галикарнас выдержал осаду, но заплатил за неё страшную цену. Каждая новая территория приносила Александру не только возможности, но и обязанности, о которых невозможно было узнать заранее.

Он вспомнил слова Ады о свободе и одиночестве.

Власть, подумал он, может дать человеку почти всё, но она же лишает его многих простых вещей. Люди видят в царе прежде всего его положение, а не самого человека. Они ждут решений, требуют справедливости, боятся его гнева, ищут его расположения. И лишь немногие решаются говорить с ним так, как говорили бы с равным.

Возможно, поэтому он так дорожил дружбой Гефестиона.

— О чём задумался? — спросил тот.

— О том, что мы прошли через несколько городов, и каждый встретил нас по-своему. Где-то открыли ворота, где-то взялись за оружие. Но везде люди хотят одного и того же.

— Чего?

— Чтобы их жизнь не зависела от прихоти очередного властителя.

Гефестион посмотрел на него.

— А ты сможешь им это обещать?

Александр не ответил сразу.

— Я могу попытаться. Но обещать, что никогда не ошибусь, не может ни один человек.

Над лагерем сгущались сумерки. Воины собирались у костров, проверяли снаряжение и готовились к дальнейшему пути. Впереди лежала Фригия, где их ожидали новые города и новые решения.

Александр ещё не знал, что вскоре окажется перед загадкой, которая станет одним из самых известных преданий его жизни. Но прежде ему предстояло пройти через землю, где власть, судьба и древняя память переплетались так тесно, что даже самые уверенные решения могли изменить будущее целого народа.

Он приказал готовиться к походу на восток. И армия снова двинулась в путь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ДОРОГА К ГОРДИОНУ

Осень постепенно вступала в свои права. После тяжёлых столкновений у Галикарнаса македонская армия двигалась уже не с той стремительностью, с какой начинала поход. Войско нуждалось в отдыхе, обозы — в пополнении, а командиры — в новых сведениях о землях, которые лежали впереди.

Александр оставил в Карии необходимые силы и распорядился обеспечить безопасность дорог. Он не хотел, чтобы города, уже признавшие его власть, оказались предоставлены случайным отрядам или местным вождям, способным воспользоваться уходом армии.

В Алинде его распоряжения были встречены с удовлетворением. Ада действительно оказалась полезной союзницей. Она знала местную знать, понимала отношения между городами и умела отличать тех, кто искренне поддерживал перемены, от тех, кто лишь ждал удобного момента, чтобы перейти на сторону победителя.

Перед отъездом Александр ещё раз встретился с ней.

— Ты уходишь дальше на восток, — сказала Ада. — Там тебя ждут земли, о которых ты пока знаешь только по рассказам.

— Именно поэтому я и должен туда идти.

— Ты уверен, что за каждым новым горизонтом найдёшь то, что ищешь?

— Не уверен. Но если не отправиться в путь, никогда не узнаешь.

Ада некоторое время смотрела на него.

— Я прожила достаточно долго, чтобы понять: люди часто отправляются искать новые царства, когда не могут разобраться в собственном.

Александр улыбнулся.

— Ты говоришь как философ.

— Нет. Как женщина, которая однажды потеряла своё царство и узнала, что жизнь на этом не заканчивается.

Он поклонился ей.

— Я не забуду твоего совета.

— Тогда запомни ещё один. Не позволяй людям, которые окружают тебя, рассказывать только то, что тебе приятно слышать. Власть особенно опасна тогда, когда человек перестаёт слышать правду.

— У меня есть Парменион.

— Парменион — опытный воин. Но даже опытный воин может ошибаться.

— А кто не ошибается?

— Тот, кто ничего не решает, — ответила Ада. — Но такой человек и не правит.

Они расстались без торжественных обещаний. Александр знал, что эта женщина не станет просить его о постоянных знаках внимания. Она хотела одного: чтобы данное ей слово не оказалось пустым.

Путь в глубь Малой Азии проходил через земли, где македонская армия всё чаще встречала не вражеские войска, а людей, занятых обычными делами.

На дорогах двигались торговцы, в селениях работали кузнецы и гончары, на полях собирали урожай. Иногда жители выходили посмотреть на проходившие колонны, иногда предпочитали закрывать ворота и пережидать появление чужого войска.

Однажды Александр приказал остановить колонну возле небольшого поселения. Воины уже несколько часов шли под палящим солнцем, а лошади нуждались в воде.

К нему подошёл местный староста, пожилой человек с обветренным лицом.

— Царь, наши колодцы неглубоки. Если твои воины будут набирать воду без порядка, её не хватит на всех.

— Сколько воды вам нужно, чтобы пережить ближайшие дни?

Староста удивлённо посмотрел на него.

— Мы не знаем. Всё зависит от погоды.

Александр позвал одного из офицеров.

— Установить порядок. Сначала вода для жителей, затем для армии и животных. За каждый взятый запас платить, если он принадлежит людям.

Офицер кивнул.

Староста не сразу поверил услышанному.

— Ты действительно приказываешь своим воинам ждать, пока напьются наши люди?

— Разве они должны умирать от жажды ради того, чтобы моя армия сэкономила несколько минут?

Старик опустил голову.

— Я видел много войск. Не все спрашивали, хватит ли воды детям.

Александр не стал отвечать. Он знал, что один добрый поступок не способен изменить отношение целого народа к чужой армии. Но иногда именно из таких поступков начиналось доверие.

В тот вечер он беседовал с Гефестионом у костра.

— Ты заметил, как смотрел на нас тот старик? — спросил Александр.

— Он боялся, что мы заберём всё, что у него есть.

— И имел для этого основания.

— Мы ведь действительно пришли в его страну с войском.

— Да. И сколько бы мы ни говорили о свободе греческих городов, для этого человека мы всё равно чужеземцы с оружием.

Гефестион подбросил в огонь сухую ветку.

— А что ты хочешь изменить?

— Не знаю. Но я не хочу, чтобы люди запоминали нас только по тому, что мы у них забрали.

К Гордиону армия подошла после продолжительного перехода через внутренние области Фригии.

Город имел древнюю историю и занимал важное положение на пересечении торговых и военных дорог. Здесь когда-то находился центр Фригийского царства, а имя его легендарного основателя Гордиона было известно далеко за пределами этой земли.

Александр знал, что Гордион имеет не только военное, но и символическое значение. Старинные предания связывали город с царём Мидасом, а также с необычным узлом, который, согласно легенде, должен был развязать тот, кому суждено стать властителем Азии.

Когда македоняне вошли в город, их встретили представители местной знати. Они передали ключи от укреплений и предложили разместить войска на определённых условиях.

Александр согласился.

Вскоре ему показали древнюю повозку, хранившуюся в святилище. Она была связана с именем Гордиона. К её дышлу крепилась сложная система ремней и узлов, настолько запутанная, что невозможно было понять, где начиналось одно соединение и заканчивалось другое.

— Говорят, — объяснил сопровождавший царя жрец, — что тот, кто сумеет развязать этот узел, станет владыкой Азии.

Александр подошёл ближе.

— И никто до сих пор не смог?

— Многие пытались. Но узел остаётся таким же, каким был прежде.

— Значит, он очень хорошо завязан.

Жрец не улыбнулся.

— Это древнее пророчество, царь. Здесь не принято относиться к нему легкомысленно.

Александр внимательно осмотрел узел. Он был сделан из нескольких ремней, переплетённых между собой. Концы их почти невозможно было различить.

Рядом собрались офицеры и местные жители. Одни с любопытством наблюдали за царём, другие ожидали, что он предпримет.

— Может быть, стоит позвать мастера? — предложил Гефестион.

— Мастера, который умеет развязывать чужие узлы?

— Или хотя бы человека, который понимает, как они устроены.

Александр усмехнулся.

— А если он не найдётся?

Он ещё некоторое время рассматривал переплетение ремней. Затем вынул меч.

Несколько человек невольно отступили.

Одним резким движением Александр разрубил узел.

В помещении наступила тишина.

— Вот и всё, — произнёс царь.

Жрец смотрел на разрубленные ремни с таким выражением, словно перед ним произошло нечто одновременно удивительное и страшное.

— Ты разрушил узел, — сказал он.

— Я устранил то, что мешало пройти дальше.

— Но пророчество говорило о том, чтобы развязать его.

Александр повернулся к жрецу.

— Возможно, пророчество не уточняло, каким способом это должно быть сделано.

Гефестион рассмеялся.

— Теперь ты можешь считать себя избранником судьбы.

— Нет, — ответил Александр. — Теперь у меня есть ещё одна история, которую будут рассказывать обо мне.

Он произнёс это спокойно, но в глубине души понимал, что подобные рассказы могут оказаться опаснее, чем кажется. Люди любят находить в поступках великих правителей подтверждение тому, во что уже верят. Если Александр победит, они скажут, что узел был предвестием победы. Если потерпит поражение, найдутся те, кто объявит, что он неправильно понял пророчество.

Но сам он не хотел превращать свою жизнь в ожидание исполнения чужих предсказаний.

Вечером в Гордионе состоялся пир, на который были приглашены македонские командиры и представители местной знати.

За столом говорили о древних фригийских царях, о богатствах Азии, о дороге на восток. Один из местных вельмож, уже немолодой человек, поднял чашу.

— За Александра, которому удалось сделать то, чего не смогли другие!

Воины поддержали его возгласами.

Александр поднял чашу, но пить не спешил.

— Вы говорите, что я развязал узел, — произнёс он. — Но я всего лишь разрубил несколько ремней.

— Разве это не одно и то же? — спросил вельможа.

— Нет. Разрубить легче, чем развязать. Но иногда разрушение кажется самым быстрым решением только потому, что человек не хочет тратить время на понимание того, как всё устроено.

Парменион, сидевший неподалёку, внимательно посмотрел на царя.

— Ты сегодня необычайно осторожен в словах, Александр.

— Возможно, потому, что вокруг меня слишком много людей, готовых видеть в каждом моём поступке знак судьбы.

— А разве это плохо?

— Для царя — иногда опасно. Если люди решат, что мне всё дозволено, потому что меня избрали боги, они перестанут говорить мне о моих ошибках.

Парменион кивнул.

— Тогда тебе следует держать рядом тех, кто не боится возражать.

— Именно этого я и хочу.

После пира Александр вышел на открытую террасу. Ночь была ясной, и над городом мерцали звёзды.

К нему присоединился Гефестион.

— Ты опять не спишь.

— Сегодня слишком много мыслей.

— Из-за узла?

— Не только.

Александр опёрся руками о каменный парапет.

— Знаешь, что меня удивило? Люди рассказывали об этом узле так, будто в нём скрыта сама судьба Азии. А ведь это всего лишь ремни, которые когда-то связал неизвестный мастер.

— Но легенда сделала их знаменитыми.

— Да. И теперь никто не помнит имени мастера, зато каждый будет помнить человека, который разрубил его работу.

Гефестион улыбнулся.

— Ты жалеешь, что сделал это?

— Нет. Но я подумал о другом. Сколько в мире вещей, которые люди перестают понимать, потому что начинают поклоняться их названию? Сколько старых правил сохраняется только потому, что никто не решается спросить, зачем они нужны?

— Ты хочешь сказать, что нужно разрушать всё старое?

— Нет. Напротив. Иногда старое хранит мудрость, которую мы ещё не успели понять. Но иногда оно становится лишь узлом, удерживающим людей на месте.

Гефестион долго молчал.

— А как отличить одно от другого?

Александр посмотрел на звёзды.

— Наверное, для этого и нужен разум. Но одного разума мало. Нужно ещё иметь смелость признать, что ты можешь ошибаться.

В Гордионе Александр провёл несколько месяцев. Армия отдыхала, пополняла запасы, восстанавливала силы. В это время к нему прибывали посланники из разных областей Малой Азии, приносившие сведения о положении дел и выражавшие готовность признать его власть.

Но не все новости были благоприятными.

С востока приходили сообщения о передвижениях персидских войск. Мемнон Родосский продолжал действовать против македонских интересов и пытался использовать морские силы Персии. Его влияние распространялось далеко за пределы Галикарнаса. Он понимал, что поражение на суше ещё не означает окончательного поражения Персидской державы.

Парменион однажды вошёл к Александру с письмом.

— Царь, у нас появились новые сведения.

— Откуда?

— От наших людей на побережье. Мемнон не отказался от борьбы. Он собирает силы и рассчитывает использовать флот.

Александр прочитал письмо.

— Значит, он собирается перенести войну туда, где мы пока не можем действовать с полной силой.

— Именно.

— Тогда придётся подумать, как лишить его опоры.

Парменион указал на карту.

— Мы должны двигаться дальше, но не забывать о прибрежных городах. Если персы сохранят гавани, они смогут угрожать нашим коммуникациям.

Александр согласился.

Война постепенно приобретала иной характер. Она переставала быть последовательностью отдельных сражений. Теперь требовалось соединить военные победы, политические решения, снабжение и управление огромными территориями.

Вечером Александр вновь подошёл к повозке с разрубленным узлом.

Он посмотрел на ремни и подумал, что, возможно, настоящая трудность начинается не тогда, когда человек преодолевает препятствие, а тогда, когда ему приходится отвечать за последствия своего решения.

Узлы можно разрубить одним ударом. Но человеческие судьбы не всегда поддаются такому способу решения.

А впереди лежала Азия — огромная, многоликая, полная неизвестности. И Александр уже понимал, что ему предстоит не только покорять расстояния, но и учиться понимать мир, который он так настойчиво стремился изменить.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ВРАТА КИЛИКИИ

Весна 333 года до нашей эры принесла в Гордион новые вести.

С востока приходили сообщения о передвижениях персидских войск. После поражения при Гранике Дарий III не отказался от борьбы. Он располагал огромными ресурсами, многочисленной армией и флотом, который продолжал представлять серьёзную угрозу македонянам. Персидская держава ещё далеко не исчерпала своих возможностей.

Александр понимал, что время перестаёт быть его союзником. Чем дольше армия остаётся в одном месте, тем больше возможностей получает противник для подготовки.

Однажды утром он собрал военачальников.

— Мы слишком долго задерживаемся, — сказал он. — Нам необходимо продолжить движение.

Парменион развернул карту.

— Следующий путь ведёт через Фригию к Киликии. Там находятся горные проходы, которые соединяют внутренние области Малой Азии с южным побережьем.

— Насколько они укреплены?

— Главные проходы известны. Но если противник решит задержать нас в горах, продвижение может оказаться трудным.

— А если он попытается уничтожить проходы?

— Тогда нам придётся искать обходные пути.

Александр посмотрел на карту.

— Необходимо отправить разведчиков вперёд. Пусть выяснят, где находятся персидские отряды, какие дороги пригодны для движения тяжёлой пехоты и где можно разместить обозы.

— Ты опасаешься засады?

— Я опасаюсь того, что мы можем недооценить противника.

Кратер усмехнулся:

— После Граника трудно поверить, что персы способны нас остановить.

Александр повернулся к нему.

— Именно после Граника мы должны быть особенно осторожны. Победа часто делает человека самоуверенным. А самоуверенность опаснее страха, потому что она заставляет перестать замечать опасность.

Воины замолчали.

— Мы не идём навстречу лёгкой добыче, — продолжил Александр. — Мы вступили в страну, где противник может позволить себе потерять одно сражение, чтобы выиграть другое. Не забывайте об этом.

Покинув Гордион, македонская армия двинулась на юго-восток.

Дорога проходила через плодородные долины и постепенно поднималась к горным районам. Войско растянулось на многие километры. Пехота двигалась по установленному порядку, конница прикрывала фланги, обозы следовали за основными силами.

Александр нередко ехал впереди колонны. Он хотел лично видеть местность, через которую предстояло пройти армии.

На одном из привалов к нему подошёл Гефестион.

— Ты сегодня почти не отдыхал.

— Дорога становится сложнее.

— Разведчики говорят, что дальше начинаются горные проходы.

— Я знаю.

— Ты собираешься пройти их первым?

— Я собираюсь увидеть их прежде, чем туда войдёт вся армия.

Гефестион посмотрел на крутые склоны.

— Иногда мне кажется, что ты не доверяешь никому, кроме собственных глаз.

— Я доверяю людям. Но если решение касается тысяч жизней, я хочу знать, на чём оно основано.

— А если ты увидишь не всё?

— Тогда мне придётся выслушать тех, кто заметил то, чего не заметил я.

Гефестион улыбнулся.

— По крайней мере, ты пока не считаешь себя непогрешимым.

— Берегу эту привычку, — ответил Александр.

Киликийские ворота оказались именно такими, какими их описывали разведчики: узкий проход между высокими горами, через который дорога вела к южным равнинам.

Здесь небольшое число защитников могло задержать значительно превосходящие силы. Склоны господствовали над дорогой, а движение тяжёлых обозов было затруднено.

Александр внимательно осмотрел проход.

— Если здесь засели персы, — сказал он Пармениону, — они могут обрушить на нас камни и стрелы прежде, чем мы успеем развернуть войска.

— Нужно отправить отряд на высоты.

— Сначала выясним, заняты ли они.

Разведчики ушли вперёд. Они вернулись спустя несколько часов и сообщили, что проход не защищён значительными силами противника.

Персы, вероятно, рассчитывали использовать горы как естественную преграду, но не успели организовать здесь полноценную оборону.

Александр не стал медлить.

— Первым пройдёт лёгкая пехота. Затем основные силы. Обозы должны двигаться под охраной. Никто не покидает назначенного места без приказа.

Армия начала движение.

Когда первые отряды достигли южной стороны прохода, перед ними открылась Киликия — земля с мягким климатом, плодородными равнинами и выходом к морю.

Воины, измученные долгим переходом, приветствовали появление зелёных долин. Впервые за многие недели перед ними лежала местность, где можно было спокойно расположить лагерь и пополнить запасы.

Но Александр не спешил радоваться.

Он знал, что за горами начинается территория, имеющая большое стратегическое значение. Киликия связывала Малую Азию с Сирией и Месопотамией. Кто контролировал её дороги, тот получал возможность влиять на передвижение армий между западными и восточными областями державы.

Здесь нельзя было ограничиться одной победой.

Вскоре Александр прибыл в Тарс.

Город занимал выгодное положение на реке Кидн, был важным торговым и административным центром Киликии. Его значение определялось не только богатством, но и расположением на путях, ведущих к сирийским землям.

Персидский сатрап Арсамес, узнав о приближении македонян, покинул город. По некоторым сведениям, он намеревался уничтожить Тарс, чтобы лишить противника продовольствия и удобного места для размещения войск.

Но Александр действовал быстро.

Его отряды вошли в город и предотвратили дальнейшие разрушения. Жители встречали македонян настороженно. Многие боялись, что новая армия начнёт грабить дома и забирать запасы.

Царь приказал обеспечить охрану складов и рынков, запретил самовольные реквизиции и распорядился восстановить порядок.

В Тарсе он услышал о необычайно чистой воде реки Кидн.

В один из жарких дней Александр решил искупаться. Вода оказалась холоднее, чем он ожидал. Вскоре после купания его состояние резко ухудшилось: начались сильная лихорадка и слабость.

Когда царя доставили в его помещение, врачи сразу поняли, что положение серьёзное.

Парменион был встревожен.

— Если с тобой что-нибудь случится, Александр, армия потеряет своего предводителя.

— Я ещё не собираюсь умирать, — с трудом произнёс царь.

— Не шути.

— Я не шучу. Но не позволяй людям раньше времени хоронить меня.

Врачи спорили о лечении. Одни предлагали осторожные средства, другие считали необходимым действовать решительнее.

Особенно тревожился Парменион. Он опасался, что один из врачей может оказаться подкупленным персами. В античной традиции сохранился рассказ о письме Пармениона, предупреждавшем Александра об опасности со стороны врача Филиппа.

Однажды к царю вошёл сам Филипп.

Он принёс приготовленное лекарство.

— Тебе необходимо принять его, — сказал врач. — Болезнь развивается быстро. Медлить опасно.

Александр посмотрел на него.

— Ты уверен, что это поможет?

— Я не могу обещать тебе исцеление. Но считаю, что это лучший способ бороться с болезнью.

В этот момент слуга передал царю письмо Пармениона.

Александр прочитал его. В письме говорилось, что Филипп якобы подкуплен Дарием и собирается отравить своего пациента.

Царь некоторое время молчал.

Филипп заметил перемену в его лице.

— Что случилось?

Александр протянул ему письмо.

Врач прочитал его и побледнел.

— Ты подозреваешь меня?

— Я получил предупреждение.

— И что же ты собираешься делать?

Александр взял чашу с лекарством.

— Я собираюсь выпить то, что ты приготовил. А ты продолжай лечить меня так, как считаешь необходимым.

Он выпил лекарство и не сводил глаз с врача.

Это был опасный поступок, а не доказательство того, что опасности не существовало. Но Александр предпочёл не позволить подозрению управлять своим решением без достаточных оснований.

Болезнь оказалась тяжёлой. Несколько дней он находился между жизнью и смертью. Войско тревожилось, а военачальники старались не показывать своих опасений солдатам.

Наконец состояние царя стало улучшаться.

Когда он впервые смог подняться с постели, Парменион вошёл к нему.

— Ты заставил нас пережить несколько страшных дней.

— Я тоже не испытывал удовольствия.

— Ты должен был быть осторожнее.

— Знаю.

— Нет, Александр. Ты должен был помнить, что твоя жизнь теперь принадлежит не только тебе.

Царь посмотрел на старого полководца.

— Ты уже говорил мне это после Граника.

— И повторю ещё раз, если потребуется.

Александр улыбнулся.

— Значит, мне повезло иметь рядом человека, который не устал меня воспитывать.

— Не обольщайся. Я ещё не закончил.

Оба рассмеялись.

Но после выздоровления Александр стал чаще задумываться о том, насколько хрупка человеческая жизнь. Вчера он командовал армией, решал судьбы городов и принимал послов. Сегодня несколько дней лежал беспомощным и зависел от решений других людей.

Ни царский титул, ни военная слава не могли защитить его от болезни.

В Тарсе Александр узнал, что Дарий III собирает крупную армию.

Персидский царь не собирался позволить македонянам беспрепятственно продвигаться дальше. Он понимал, что война приближается к решающему этапу.

Парменион принёс новые сведения.

— Дарий может выступить навстречу нам с огромными силами.

— Где?

— Точного места пока никто не знает. Но он располагает возможностью собрать войска в Сирии и Месопотамии.

— Значит, он готовится к большому сражению.

— Возможно. Но нам следует учитывать и другой вариант. Он может попытаться обойти нас, перерезать пути снабжения и вынудить отступить.

Александр подошёл к карте.

— Если он двинется через северные проходы, мы должны знать об этом раньше, чем он окажется у нас за спиной.

— Разведка уже отправлена.

— Хорошо. А флот?

Парменион нахмурился.

— Персидские корабли всё ещё представляют угрозу. Если они получат поддержку прибрежных городов, нам будет трудно обеспечить безопасность коммуникаций.

Александр долго смотрел на карту.

— Тогда мы должны лишить их удобных гаваней. Но сначала необходимо разобраться с сухопутной армией Дария.

— Ты хочешь встретиться с ним лично?

— Я пришёл сюда не для того, чтобы воевать с его наместниками до конца жизни.

Парменион покачал головой.

— Ты молод, Александр. Но не каждый царь должен лично искать другого царя на поле боя.

— А если он сам выйдет навстречу?

— Тогда судьба решит.

Александр усмехнулся.

— Я предпочитаю, чтобы судьбу не оставляли без работы военачальники.

Вечером он вышел к реке Кидн.

Вода спокойно текла между берегами, отражая последние лучи заходящего солнца. В городе постепенно стихал шум. Люди возвращались домой, торговцы закрывали лавки, а на улицах появлялись вечерние огни.

Александр остановился у воды.

Он вспомнил, как совсем недавно лежал в горячке, не зная, сможет ли снова подняться. Ему вспомнился Филипп, его отец, погибший от руки убийцы. Вспомнились Фивы, Граник, Галикарнас, старик из маленького селения, Ада, Гефестион и Парменион.

Каждый из этих людей по-своему влиял на его путь.

Он мог приказывать тысячам воинов, но не мог приказать реке изменить течение. Мог захватить город, но не мог вернуть погибших. Мог победить врага, но не мог заставить время остановиться.

Гефестион подошёл к нему.

— Ты опять задумался.

— Сегодня я вспомнил, как легко человек может потерять всё.

— Но ты выздоровел.

— Да. И должен быть благодарен за это.

— Ты благодарен?

Александр посмотрел на друга.

— Наверное, больше, чем умею выразить.

Они некоторое время стояли молча.

Затем Гефестион спросил:

— Что теперь?

Александр повернулся к востоку.

— Теперь мы должны найти Дария.

Впереди лежала Сирия, а за ней — земли, где решалась судьба величайшей державы того времени.

Но Дарий ещё не знал, что обстоятельства вскоре заставят его встретиться с Александром совсем не там, где он рассчитывал. И оба царя ещё не представляли, какую цену потребует эта встреча.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ДВА ЦАРЯ И ОДНА СУДЬБА

Лето 333 года до нашей эры приближалось к концу.

В Тарсе Александр постепенно восстанавливал силы после болезни. Он снова проводил военные советы, принимал послов и изучал донесения разведчиков. Но теперь в его распоряжении находилось значительно больше сведений о противнике, чем в начале похода.

Персидская держава готовилась к большому сражению.

Дарий III понимал, что дальнейшее отступление может иметь последствия, гораздо более серьёзные, чем потеря отдельных городов. Александр уже овладел значительной частью западной Малой Азии, перешёл горные проходы и закрепился в Киликии. Если его не остановить, война постепенно переместится в области, непосредственно связанные с сердцем Персидской державы.

Дарий не был человеком, которому хотелось терять земли своих предшественников. Он знал, что его положение зависит не только от армии, но и от доверия сатрапов, поддержки знати и способности удерживать подчинённые народы в единой державе.

Ему нужны были победа и убедительное доказательство того, что персидская власть ещё способна защищать свои владения.

В царском лагере собрались военачальники и советники.

Один из них предложил заманить Александра вглубь страны, избегая решающего столкновения. Другой настаивал на том, чтобы собрать все доступные силы и уничтожить македонскую армию одним ударом.

Дарий внимательно выслушал каждого.

— Мы уже потеряли слишком много времени, — сказал он наконец. — Если Александр продолжит двигаться на восток, каждый новый город будет считать, что персидский царь не способен его защитить. Я не могу позволить этому продолжаться.

— Но он опытный полководец, — возразил один из советников. — Его армия хорошо организована, а сам он не боится подвергать себя опасности.

— Я знаю.

— Тогда не следует недооценивать его.

Дарий посмотрел на говорившего.

— Я не собираюсь недооценивать противника. Но и не собираюсь отдавать ему всю западную часть державы без боя.

Он поднялся и подошёл к карте.

— Пусть войска собираются. Мы должны встретить Александра там, где сможем использовать численное превосходство.

В его голосе не было безрассудной уверенности. Дарий понимал, что исход предстоящей войны может определить не только судьбу одного похода, но и будущее его династии.

В македонском лагере известия о приготовлениях Дария вызвали оживление.

Одни воины радовались возможности встретиться с главными силами противника. Другие понимали, что теперь их ждёт испытание, какого ещё не было с начала похода.

Парменион собрал сведения о возможных маршрутах персидской армии.

— Дарий может двинуться к нам через Сирию, — сказал он Александру. — Но мы пока не знаем, где именно он решит принять сражение.

— Значит, будем следить за всеми дорогами.

— Есть ещё одно обстоятельство. Персидский флот продолжает действовать у побережья. Мемнон, несмотря на трудности, не оставил своих планов.

— Он всё ещё опасен.

— Да. Если мы потеряем связь с побережьем, снабжение армии станет гораздо сложнее.

Александр задумался.

— Сначала необходимо обеспечить безопасность прибрежных областей. Но мы не можем бесконечно двигаться вдоль моря, пока Дарий собирает войска.

— Ты хочешь разделить армию?

— Нет. Я хочу, чтобы каждый отряд понимал свою задачу. Мы не должны оставлять противнику возможность ударить по нашим тылам.

Вскоре Александр распорядился продолжить продвижение на юг, к сирийским землям.

Он рассчитывал встретить персидскую армию на территории, где сможет использовать преимущества македонской фаланги и конницы.

Однако судьба готовила ему неожиданный поворот.

Дарий тем временем принял решение, которое впоследствии окажется одной из наиболее обсуждаемых ошибок его похода.

Вместо того чтобы ожидать Александра на заранее подготовленных позициях в Сирии, он решил обойти македонскую армию через северные проходы.

Персидский царь рассчитывал использовать неожиданность и оказаться позади противника, перерезав ему пути снабжения.

Этот манёвр был рискованным, но не лишённым смысла. Если бы Дарий сумел застать македонян врасплох, положение Александра могло стать чрезвычайно тяжёлым.

Огромная персидская армия двинулась через горные дороги. В её составе находились конные подразделения, пехота, лучники и воины из различных областей державы.

В лагере царя находилась его семья. С ним следовали жена Статира, мать Сисигамбида и дети. Они разделяли с ним тяготы военного похода, хотя понимали, что предстоящее столкновение может оказаться опасным для всех.

Однажды вечером Дарий вышел из шатра.

Перед ним лежали горы, освещённые луной. Где-то впереди находились македоняне, которые ещё не знали, что персидская армия приближается к их тылам.

К царю подошёл один из приближённых.

— Государь, войска готовы продолжать движение.

— Как далеко до проходов?

— Если погода сохранится, мы достигнем их в ближайшие дни.

Дарий кивнул.

— Александр думает, что мы будем ждать его в Сирии. Пусть узнает, что война не всегда идёт по дороге, которую выбирает противник.

— Ты уверен, что это правильное решение?

Дарий посмотрел на него.

— Уверенность не делает решение правильным. Но иногда царь должен выбирать, не имея возможности узнать будущее.

Александр находился в Сирии, когда получил тревожные известия.

Сначала донесения были противоречивыми. Одни разведчики сообщали о передвижениях персидских отрядов, другие утверждали, что Дарий по-прежнему находится далеко на востоке.

Затем пришло сообщение, которое изменило всё.

Персидская армия прошла через северные горные проходы и оказалась в тылу македонян.

Парменион вошёл к Александру почти сразу после получения известия.

— Царь, это не слухи. Дарий находится за нашими позициями.

Александр несколько мгновений молчал.

— Где именно?

— В районе Исского залива. Его армия движется к побережью.

— Значит, он обошёл нас.

— Да.

— Тогда мы тоже повернём назад.

Парменион посмотрел на него с удивлением.

— Ты собираешься встретиться с ним там?

— А где ещё? Если мы продолжим движение на юг, он окажется между нами и нашими путями снабжения. Мы должны развернуться и идти навстречу.

— Местность там не слишком удобна для многочисленной армии.

— Именно поэтому нам необходимо знать её лучше, чем противнику.

Александр приказал немедленно готовить войска к обратному движению.

В лагере поднялась тревога. Воины собирали оружие, проверяли снаряжение, седлали коней. Одни были возбуждены, другие тревожились, понимая, что теперь предстоит сражение с главными силами Персидской державы.

Гефестион подошёл к Александру.

— Похоже, Дарий решил сделать нам подарок.

— Какой же?

— Он сам пришёл туда, где мы можем его встретить.

Александр улыбнулся.

— Не спеши благодарить его. Сначала посмотрим, что он приготовил.

Армия двинулась на север.

Дорога проходила через горные участки, где колонны не могли двигаться широким строем. Воины шли быстро, но осторожно. Александр требовал поддерживать порядок и не допускать разрыва между подразделениями.

Вскоре перед македонянами открылся Исский залив.

Здесь узкая полоса земли между горами и морем ограничивала пространство для манёвра. Персидская армия, значительно превосходившая македонян числом, не могла в полной мере использовать своё преимущество.

Парменион внимательно изучал местность.

— Если Дарий развернёт всю свою армию, — сказал он, — ему будет трудно разместить её здесь.

— Это верно.

— Но у него всё ещё больше воинов, чем у нас.

— Число не всегда решает исход сражения.

— Но иногда решает.

Александр посмотрел на старого полководца.

— Поэтому мы не станем полагаться только на отвагу. Нам нужно правильно расположить войска.

Он приказал изучить переправы через реку Пинар, оценить особенности берега и определить позиции, на которых смогут действовать македонская фаланга и конница.

Впервые за весь поход Александр почувствовал, что противник действительно поставил его перед серьёзной опасностью. Персидская армия находилась впереди, позади оставались трудные дороги, а пространство для манёвра было ограничено.

Но именно здесь могла решиться судьба похода.

В персидском лагере тоже готовились к сражению.

Дарий был доволен тем, что сумел оказаться на пути македонян. Теперь он мог заставить Александра принять бой в местности, которая, как ему казалось, должна была ограничить возможности противника.

Однако и он видел недостатки своего положения.

Многочисленная армия требовала пространства. Не все подразделения могли свободно маневрировать, а разные народы и военные части не всегда одинаково понимали приказы.

Один из военачальников предложил атаковать немедленно.

— Мы превосходим их числом. Нужно использовать это преимущество.

Дарий ответил не сразу.

— Число войск ничего не значит, если они не могут действовать согласованно.

— Но если мы позволим македонянам выбрать позиции, они получат преимущество.

— А если атакуем без подготовки, то можем потерять его ещё быстрее.

Он подошёл к месту, откуда был виден лагерь противника.

— Александр молод. Он стремителен. Но его армия прошла большой путь и устала. Мы должны использовать каждую возможность.

Дарий не знал, что именно в этот момент Александр изучает те же самые позиции и ищет слабые места персидского построения.

Два царя находились на расстоянии нескольких переходов друг от друга. Один защищал огромную державу, другой пытался расширить границы своей власти. Каждый был убеждён, что должен победить ради будущего своего государства.

Но за их решениями стояли тысячи людей, которые никогда не принимали участия в царских советах.

Среди македонян были крестьяне, оставившие свои поля, ремесленники, покинувшие мастерские, юноши, впервые увидевшие чужие земли. Среди персов — люди из далёких областей, которые могли даже не знать, где именно находится Македония. Многие из них сражались не из ненависти к противнику, а потому, что такова была их служба.

Вечером перед сражением Александр обошёл лагерь.

Он разговаривал с воинами, проверял готовность подразделений, интересовался состоянием раненых и тех, кто ещё не оправился после прежних столкновений.

Один молодой македонянин сидел возле костра и чистил щит.

— Сколько тебе лет? — спросил Александр.

— Девятнадцать, царь.

— Ты участвовал в Гранике?

— Да. Там погиб мой старший брат.

Александр остановился.

— Как его звали?

— Леонт. Он служил в коннице.

Царь помнил, что после Граника действительно погибло немало македонских воинов.

— Твой брат сражался храбро, — сказал он.

Юноша опустил глаза.

— Я хочу завтра сражаться так же.

Александр положил руку ему на плечо.

— Не старайся умереть так же, как брат. Старайся вернуться живым. Войску нужны не только храбрые мертвецы, но и люди, которые смогут жить после войны.

Юноша поднял глаза.

— А если мне придётся выбирать?

— Тогда помни, ради чего ты сражаешься. И не забывай, что рядом с тобой такие же люди, как ты.

Он пошёл дальше.

Гефестион догнал его.

— Ты говоришь с каждым, кого встречаешь.

— Не с каждым.

— Но стараешься.

— Потому что завтра я буду отдавать приказы, от которых зависят их жизни.

Гефестион посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что не сможешь спасти всех?

— Понимаю.

— И всё равно идёшь впереди?

Александр остановился.

— Если я потребую от людей идти туда, куда сам не решусь вступить, они перестанут считать меня своим царём.

Они продолжили обход.

Над лагерем поднималась ночь. Воины ложились отдыхать, хотя многие долго не могли уснуть. Кто-то вспоминал родной дом, кто-то молился богам, кто-то писал короткие письма, которые, возможно, никогда не будут отправлены.

Александр вернулся в свой шатёр и долго сидел над картой.

Завтра ему предстояло встретиться с Дарием.

Он думал не только о победе, но и о том, что произойдёт после неё. Если персидская армия будет разбита, огромная держава не исчезнет в одно мгновение. Её города, народы, традиции и законы останутся. Их нельзя будет удержать одной фалангой или конницей.

И если он действительно хочет стать властителем Азии, ему придётся научиться не только побеждать, но и управлять тем, что достанется ему после победы.

В этот момент Александр ещё не знал, насколько тяжёлым окажется завтрашний день.

За пределами лагеря шумел ночной ветер. На другом берегу реки находилась армия Дария, а среди шатров персидского царя спала его семья, не подозревая, что совсем скоро окажется в руках победителя.

Два царя готовились к встрече. И река Пинар уже ждала их обоих.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
РЕКА, РАЗДЕЛИВШАЯ ДВЕ ИМПЕРИИ

Рассвет над Иссом наступил незаметно. Ночная прохлада ещё держалась у подножия гор, а над морем уже поднималась бледная полоса света. Ветер шевелил редкую прибрежную траву, касался шатров, натянутых полотнищ и копий, оставленных возле костров. В долине, где река Пинар пересекала путь двух огромных армий, начинался день, которому предстояло изменить судьбу Востока.

Люди просыпались неохотно. Многие почти не спали. Одни проверяли ремни на щитах, другие подтягивали подпруги коней, третьи молча смотрели на противоположный берег. За рекой уже двигались персидские отряды. Их было много, и издалека казалось, будто вся равнина заполняется людьми, конями, колесницами и разноцветными знамёнами.

Но узкая долина не позволяла Дарию развернуть всю мощь своего войска. Горы теснили армию с одной стороны, море — с другой, а река, неглубокая на отдельных участках, всё же становилась естественной преградой для наступающих.

Дарий III стоял перед своим шатром. Он давно не был тем человеком, который мог позволить себе спокойно наблюдать за происходящим издали. Вчерашний день принёс ему известие о том, что македоняне повернули назад и идут навстречу. Александр не собирался отступать, хотя персидская армия находилась теперь за его спиной.

Царь понимал: сегодня ему придётся либо остановить македонского завоевателя, либо потерять значительную часть того, что ещё оставалось в его власти.

К нему подошёл один из военачальников.

— Государь, войска готовы. Передовые отряды уже заняли позиции у реки.

— А конница?

— На флангах. Мы разместили лучшие подразделения там, где местность позволяет им действовать.

Дарий посмотрел на долину.

— А пехота?

— Готовится к переправе.

Царь некоторое время молчал.

— Не торопите людей. Пусть каждый знает своё место. Сегодня нам предстоит сражаться не с горсткой мятежников, а с армией, которая уже научилась побеждать царей.

Военачальник склонил голову и отошёл.

Неподалёку находилась царская семья. Мать Дария, Сисигамбида, уже поднялась и сидела возле входа в шатёр. Рядом была его жена Статира. Дети ещё спали, хотя тревога последних дней не позволяла им отдыхать спокойно.

Сисигамбида посмотрела на сына.

— Ты сегодня сам поведёшь войско?

— Да, мать.

— Тогда помни, что за твоей спиной не только армия.

Дарий подошёл ближе.

— Я помню.

— Нет, сын. Ты должен помнить не только о тех, кто сражается за тебя. Здесь находятся люди, которые не могут защитить себя мечом.

Дарий опустил глаза. Он понимал, что мать говорит о ней самой, о Статире и детях.

— Я сделаю всё, чтобы этого не случилось.

Сисигамбида ничего не ответила. Она лишь коснулась его руки, и в этом коротком жесте было больше тревоги, чем в длинных речах придворных.

В македонском лагере Александр уже находился среди военачальников. Перед ним лежала карта местности, на которой были обозначены русло Пинара, прибрежная полоса и горные склоны.

Парменион стоял слева от царя. Он внимательно изучал расположение персидских подразделений.

— Дарий выбрал удобное для себя место, — произнёс он. — Если бы он встретил нас на открытой равнине, его конница получила бы гораздо больше возможностей.

— Но он оказался позади нас, — ответил Александр. — И теперь вынужден сражаться здесь.

— Численное превосходство всё ещё на его стороне.

— Я это знаю.

— Тогда нам следует беречь фалангу. Переправа через реку может нарушить строй. Если персы сумеют ударить в момент перехода, положение станет опасным.

Александр наклонился над картой.

— Мы не должны позволить им выбрать время нашего поражения. Фаланга перейдёт реку организованно. На правом крыле я поведу конницу. Ты удержишь левое у моря.

Парменион поднял глаза.

— Я удержу.

— Не пытайся повторить мои действия. У тебя будет своя задача. Если персы сосредоточат против тебя большие силы, не позволяй им прорвать линию.

— А если придётся отступить?

— Отступай, если это спасёт войско. Победа не стоит того, чтобы ради красивого рассказа о ней погубить армию.

Парменион внимательно посмотрел на Александра. За последние годы он привык к его стремительности, но всё чаще замечал, что молодой царь начинает иначе относиться к военной удаче. Прежде он словно искал опасность, чтобы доказать самому себе, что способен её преодолеть. Теперь он всё чаще думал о последствиях.

— Ты изменился, государь, — заметил старый полководец.

Александр выпрямился.

— Надеюсь, не слишком поздно.

Парменион не стал спрашивать, что тот имел в виду.

Солнце поднялось выше, когда армии начали сближаться.

Пинар не был широкой и неприступной рекой, но её берега местами обрывались крутыми уступами. Вода казалась спокойной, почти безмятежной. Только первые всадники, приближавшиеся к ней, нарушили эту тишину.

Македонская фаланга двинулась вперёд. Воины держали длинные сариссы, щиты прикрывали их тела, а тяжёлые доспехи отражали утренний свет. За ними двигались другие подразделения. Конница Александра заняла правый фланг, готовясь к удару.

На противоположной стороне персы ждали.

Первые столкновения начались у переправы. Македоняне спускались к воде, поднимались на другой берег и сразу попадали под удары противника. Персидские лучники выпускали стрелы, пехота пыталась удержать позиции, а конница вступала в схватку там, где позволяла местность.

Вода быстро потемнела от грязи. Люди падали, теряли оружие, пытались подняться и снова бросались вперёд.

Александр наблюдал за боем с правого крыла. Он видел, что центр македонской линии испытывает серьёзное давление. Персы сопротивлялись ожесточённо, и переправа давалась тяжелее, чем он рассчитывал.

К нему подскакал один из командиров.

— Государь! В центре возник разрыв. Некоторые подразделения задерживаются у берега.

— Кто командует этим участком?

— Кратер.

— Передайте ему, чтобы не растягивал строй. Пусть поддержит соседние подразделения и не бросает людей в реку без прикрытия.

В этот момент к Александру приблизился Клит Чёрный.

— Наше крыло готово.

Александр посмотрел на него.

— Тогда пора.

Он поднял руку, подавая знак.

Македонская конница пришла в движение.

Воины устремились к реке, и вскоре их кони уже поднимались на противоположный берег. Александр находился впереди, но не отделялся от своих людей настолько, чтобы потерять управление. Его целью было не просто пробиться сквозь персидские ряды, а нанести удар в тот момент, когда противник ещё не успел окончательно закрепить свои позиции.

Персидская конница встретила их яростной атакой. Удар за ударом сталкивались копья, звенели мечи, кони вставали на дыбы, люди падали под копыта. Несколько раз македонское продвижение останавливалось, но затем строй снова приходил в движение.

Александр заметил, что перед ним начинает открываться проход.

— Вперёд! — крикнул он.

Конница усилила натиск.

Воины, шедшие за царём, понимали: сейчас решается исход битвы. Если им удастся прорваться, персидский центр окажется под угрозой. Если же атака захлебнётся, македонская армия может оказаться зажатой у реки.

Вскоре македоняне достигли тех подразделений, которые прикрывали положение Дария.

Персидский царь находился на колеснице, окружённый телохранителями. Он видел, как рушатся одни участки его построения, как другие продолжают сопротивляться, и как всё ближе становится македонская конница.

Ему сообщили, что Александр находится впереди.

Дарий посмотрел в ту сторону.

Он знал, что молодой царь любит лично вести своих воинов в бой. Возможно, именно это обстоятельство и делало его таким опасным: Александр не ограничивался приказами, а сам появлялся там, где требовалось решающее усилие.

Персидские военачальники пытались восстановить порядок. Одни кричали, призывая людей удерживать позиции, другие разворачивали конницу, чтобы закрыть путь к царской колеснице.

Но сражение уже начинало выходить из-под контроля.

Александр приближался.

В центре битвы события развивались иначе.

Македонская фаланга, столкнувшаяся с сильным сопротивлением, не могла двигаться с прежней уверенностью. Некоторые подразделения переправились через реку, другие задержались на берегу. Строй местами нарушался, и персидские воины использовали каждую возможность для контратак.

Парменион на левом фланге оказался под тяжёлым давлением. Против него действовала многочисленная персидская конница, стремившаяся оттеснить македонян к морю.

— Держать линию! — кричали командиры.

Один из воинов, раненный стрелой в плечо, продолжал сражаться, пока товарищ не оттащил его за строй.

— Ты должен уйти!

— Я ещё могу держать щит!

— Ты уже сделал своё дело. Теперь дай возможность другому!

Воин хотел возразить, но силы оставляли его. Он опустился на землю и увидел, как над ним проходят люди, продолжая бой.

Парменион понимал, что его положение становится опасным. Но он не отступал. Если бы левое крыло было прорвано, вся армия могла оказаться под ударом с фланга.

Он отправил гонца к Александру.

— Передай царю, что мы удерживаем позиции, но противник усиливает натиск. Нам нужна поддержка.

Гонец направился через поле боя, лавируя между конями и пехотинцами.

Тем временем Александр уже видел, что персидская линия начинает терять устойчивость. Его атака достигла цели. Он находился достаточно близко к центру, чтобы угрожать позиции Дария.

И тогда случилось то, что окончательно изменило ход сражения.

Дарий увидел приближающуюся конницу и понял, что его собственная жизнь может оказаться под угрозой. Вокруг него уже не было прежнего порядка. Телохранители пытались удержать пространство, но люди отступали, колесницы мешали друг другу, а сообщения о поражениях на других участках усиливали панику.

Царь повернул колесницу.

Сначала это выглядело как попытка переместиться в более безопасное место. Но вскоре стало ясно, что Дарий покидает поле боя.

Он не мог больше управлять сражением так, как рассчитывал утром. Он видел, что его армия начинает распадаться, и должен был решить, что важнее: остаться среди погибающих людей или сохранить жизнь, чтобы попытаться продолжить борьбу.

Он выбрал жизнь.

За его колесницей последовали ближайшие телохранители. Затем отступление превратилось в бегство, а бегство царя стало для многих воинов знаком, что сражение проиграно.

Персидские ряды дрогнули.

Александр заметил движение и понял, что Дарий уходит.

— За ним! — крикнул один из командиров.

Но Александр не сразу повернул коня. Он видел, что на других участках ещё продолжается бой, а его собственные воины несут потери.

— Не разрывать строй! — приказал он. — Сначала закрепить позиции!

Однако отступление персов уже приобретало массовый характер. Одни бросали оружие, другие пытались уйти к горам, третьи искали спасения у моря. Македонская конница продолжала преследование, но сражение постепенно превращалось в беспорядочное движение людей, потерявших командование.

Битва при Иссе была выиграна.

Но победа не пришла без страшной цены.

Когда к вечеру шум сражения начал стихать, Александр вернулся к месту, где находились его ближайшие военачальники.

Он был утомлён, одежда его была испачкана кровью и пылью. На лице виднелись следы напряжения. К нему подходили командиры, докладывали о положении войск, называли имена погибших.

— Наши потери велики, — сказал один из них. — Особенно среди тех, кто первым переправлялся через реку.

Александр слушал молча.

— Персы потеряли значительно больше, — добавил другой.

— Не сравнивайте погибших, словно речь идёт о мешках с зерном, — произнёс Александр. — Назовите мне наших командиров, которые не вернулись.

Военачальник перечислил несколько имён.

Александр закрыл глаза на мгновение.

Он знал некоторых из них лично. С кем-то делил ночлег, с кем-то обсуждал планы похода, с кем-то спорил ещё в Македонии. Теперь их имена должны были остаться в памяти живых, а их семьи — получить известие о гибели.

— Прикажите позаботиться о раненых, — сказал он. — Не оставлять никого на поле. И найдите людей, которые могут помочь пленным.

— Пленным, государь?

— Да. Они больше не сражаются. Не нужно превращать победу в повод для бессмысленной жестокости.

Вскоре к нему подошёл командир одного из подразделений.

— Государь, мы захватили обоз Дария. Среди пленных находится его семья.

Александр повернулся к нему.

— Кто именно?

— Его мать, жена и дети. Также женщины из царского окружения и слуги.

На несколько секунд Александр замолчал.

Он ожидал услышать, что персидские сокровища оказались в его руках. Ожидал донесений о пленённых военачальниках и захваченных знамёнах. Но известие о семье Дария заставило его иначе взглянуть на происходящее.

— Где они находятся?

— В царском лагере. Мы выставили охрану.

— Кто отвечает за охрану?

— Один из наших командиров.

— Позовите его.

Через некоторое время перед Александром предстал молодой офицер, лицо которого было покрыто пылью.

— Государь, я охраняю царский шатёр.

— Слушай внимательно. Никто не должен оскорблять этих людей. Никто не имеет права прикасаться к женщинам, детям и слугам с дурными намерениями. Они находятся под моей защитой.

— Будет исполнено.

— Не только на словах. Поставьте надёжную охрану. Обеспечьте им воду, пищу и возможность отдыхать. Пусть никто не напоминает им о поражении унизительными словами.

Офицер склонил голову.

— Я прослежу за этим лично.

Александр посмотрел ему вслед.

Победа дала ему власть над судьбой людей, которые ещё утром принадлежали к самому могущественному царскому дому Востока. Теперь он мог унизить их, использовать как заложников, продемонстрировать всему миру своё превосходство.

Но именно здесь начиналось другое испытание.

Вечером Александр вошёл в захваченный царский шатёр.

Внутри было тихо. Женщины и дети сидели вместе, словно пытались защитить друг друга одним лишь присутствием. Сисигамбида поднялась, когда увидела вошедшего человека в македонском военном одеянии.

Она не знала, кто перед ней.

По её представлению, победитель должен был явиться в окружении воинов, чтобы объявить о своём превосходстве и напомнить пленникам, что теперь их судьба находится в его руках.

Александр остановился в нескольких шагах.

— Не бойтесь, — произнёс он.

Сисигамбида не ответила.

— Я Александр.

Женщина внимательно посмотрела на него. Её лицо оставалось неподвижным, но в глазах читалось напряжение.

— Значит, ты тот человек, который победил моего сына.

— Сегодня моя армия победила армию Дария.

— А где он?

Александр не стал скрывать правду.

— Он покинул поле боя. Мне неизвестно, где он сейчас находится.

Сисигамбида опустила голову. Статира крепче прижала к себе детей.

— Что теперь будет с нами? — спросила она.

Александр посмотрел на женщину, которая ещё недавно была матерью великого царя, а теперь оказалась пленницей.

— Вы останетесь под моей защитой. Ваше положение не изменится настолько, насколько изменилось положение войска Дария. Вы будете жить в соответствии со своим достоинством.

— Почему ты должен соблюдать достоинство тех, кого победил? — спросила Сисигамбида.

Александр не сразу нашёл ответ.

Он мог бы сказать, что это решение царя. Мог бы напомнить о великодушии победителя. Но подобные слова звучали бы слишком просто.

— Потому что поражение в битве не делает человека недостойным уважения, — ответил он наконец.

Сисигамбида долго смотрела на него.

— Ты говоришь как человек, который знает цену власти.

— Я ещё учусь понимать её цену.

В шатре снова стало тихо.

Александр обратился к одному из сопровождавших его офицеров:

— Передайте распорядителям, чтобы царской семье предоставили всё необходимое. Не допускать никаких обид и унижений. И ещё: сообщите мне немедленно, если станет известно что-либо о местонахождении Дария.

Затем он повернулся к пленникам.

— Я не прошу вас благодарить меня. Вы потеряли сегодня многое. Я не собираюсь требовать от вас того, чего сам не смог бы сделать на вашем месте.

Он покинул шатёр.

Сисигамбида ещё долго смотрела ему вслед.

Возможно, впервые за этот день она почувствовала, что её сын проиграл не только битву. Но вместе с тем перед ней стоял человек, который мог оказаться гораздо опаснее простого завоевателя именно потому, что умел распоряжаться не только оружием, но и собственной властью.

Ночью Александр не сразу вернулся в свой шатёр.

Он прошёл вдоль лагеря, где лежали раненые. Одни спали, другие стонали от боли, третьи просили воды. Врачи и помощники работали при свете факелов. Среди раненых были македоняне и персы, и в этот вечер различие между ними почти исчезло.

Один из воинов, лежавший у края шатра, узнал царя и попытался приподняться.

— Не двигайся, — сказал Александр.

— Государь… мы победили?

— Да.

Воин слабо улыбнулся.

— Значит, всё было не зря.

Александр посмотрел на его перевязанную ногу.

— Главное, чтобы ты вернулся домой.

— А если не вернусь?

Александр не ответил сразу.

— Тогда о тебе будут помнить те, кто тебя любит.

Он положил руку на плечо раненого и пошёл дальше.

Вдалеке мерцали огни персидского лагеря. Там теперь находились люди, ещё недавно окружённые роскошью и почестями. Их жизнь зависела от решения победителя.

Александр остановился и посмотрел на звёзды.

Ещё утром перед ним стоял Дарий — царь огромной державы, обладатель несметных богатств и власти, которой завидовали многие правители мира. Теперь тот бежал, оставив за собой семью, лагерь и армию.

Но Александр не чувствовал себя человеком, которому досталось всё.

Он получил победу, однако вместе с ней принял ответственность за судьбы тех, кого победил.

И впервые за долгое время его мысли были обращены не к следующему походу, не к новым землям и не к будущей славе.

Он думал о том, что происходит с человеком, когда у него отнимают всё, чем он привык измерять собственное величие.

Река Пинар разделила две армии. Но теперь между двумя царями пролегло нечто большее, чем расстояние от одного берега до другого.

Один потерял сражение и бежал, чтобы сохранить возможность продолжить борьбу.

Другой победил и впервые столкнулся с вопросом, на который нельзя было ответить мечом:

Что должен сделать человек с властью, когда она оказывается в его руках?

И пока над Иссом угасали последние огни, ответ на этот вопрос оставался открытым.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ПОБЕДИТЕЛЬ И ПЛЕННИКИ

Утро после битвы наступило над долиной Исса тяжёлым и непривычно тихим. Накануне здесь гремели боевые крики, ржали кони, ломались копья и сталкивались щиты. Теперь ветер свободно проходил над полем, поднимая пыль и касаясь брошенного оружия. В некоторых местах ещё лежали тела погибших, а у реки работали люди, собиравшие раненых.

Победа всегда казалась прекрасной тем, кто смотрел на неё издалека. На поле боя она имела другое лицо.

Александр вышел из шатра рано. Он почти не спал. Ночью ему несколько раз докладывали о состоянии раненых, о потерях, о захваченном обозе и о пленниках. Особенно его занимала судьба царской семьи Дария.

Он понимал, что теперь каждый его поступок будет иметь значение далеко за пределами македонского лагеря. Восточные народы привыкли к определённым правилам царской власти. Победитель мог унизить побеждённого, отнять его имущество, превратить близких в заложников и тем самым продемонстрировать всем, кто теперь распоряжается судьбой страны.

Но Александр не хотел начинать своё господство над Азией с унижения женщины и детей, которые не принимали участия в сражении.

К нему подошёл Парменион.

— Государь, войско постепенно приходит в порядок. Мы отправили отряды для сбора оружия и помощи раненым. Персидские отряды, оставшиеся поблизости, отходят к востоку.

— А Дарий?

— Пока неизвестно. Разведчики пытаются установить, куда он направился.

Александр посмотрел на старого полководца.

— Он должен знать, что его семья жива.

— Ты собираешься отправить ему сообщение?

— Да. Но сначала хочу убедиться, что его близкие действительно находятся в безопасности.

Парменион немного помедлил.

— Некоторые военачальники считают, что царскую семью следует держать отдельно. Они могут стать важнейшим средством давления на Дария.

— Я не собираюсь превращать женщин и детей в предмет торга.

— Но они могут оказаться полезными для заключения мира.

— Если Дарий захочет мира, мы будем говорить с ним. Однако его семья не должна становиться заложницей наших требований.

Парменион внимательно посмотрел на Александра.

— Ты понимаешь, что такая позиция может показаться слабостью?

— Слабость начинается там, где человек боится проявить собственную волю. Я не обязан поступать жестоко только потому, что кто-то ожидает от меня жестокости.

Старый полководец ничего не ответил. Он знал, что переубедить царя в этом вопросе не удастся.

В царском шатре Сисигамбида встретила новое утро почти без сна.

Она сидела возле входа, наблюдая за тем, как слуги приводят в порядок помещение. Статира находилась рядом с детьми. Младший ребёнок несколько раз спрашивал, когда вернётся отец, но мать не могла дать ему определённого ответа.

— Он вернётся, — произнесла она наконец.

— Ты уверена?

Статира посмотрела на сына.

— Он жив. Этого пока достаточно, чтобы надеяться.

Сисигамбида услышала их разговор.

— Надежда иногда бывает единственным, что остаётся человеку, — сказала она.

Статира повернулась к ней.

— Ты думаешь, Александр действительно позволит нам жить спокойно?

— Я пока не знаю, каким человеком он окажется за пределами поля боя.

— Но вчера он обещал защитить нас.

— Вчера он мог сказать всё, что угодно. Сегодня мы узнаем, насколько дорого стоят его слова.

Вскоре вошёл служитель, сопровождавший двух македонских женщин, которые должны были помочь царской семье с повседневными делами. Они принесли чистую одежду, воду и пищу.

Сисигамбида удивлённо посмотрела на них.

— Кто вас прислал?

— По приказу царя Александра, госпожа.

— Он знает, что мы нуждаемся в помощи?

— Ему доложили о вашем положении.

Сисигамбида отвернулась. Ей было трудно принять заботу от человека, который вчера уничтожил армию её сына.

Но она не могла не заметить, что приказ был исполнен.

Ближе к полудню Александр снова пришёл в царский шатёр.

На этот раз он был без многочисленной свиты. С ним находился только переводчик, хотя он понимал некоторые восточные выражения и мог обходиться без постоянного посредничества.

Сисигамбида поднялась ему навстречу.

— Ты снова пришёл, царь македонян.

— Я хотел узнать, всё ли у вас есть необходимое.

— Нам дали пищу и воду. Никто не оскорблял нас.

— Так и должно быть.

Сисигамбида внимательно рассматривала его.

— Ты молод.

— Мне уже говорили об этом.

— Мой сын старше тебя. Он родился для того, чтобы управлять державой, которую получил от предков. Ты пришёл из Македонии, чтобы отнять её.

Александр не стал возражать.

— Я пришёл с войском, чтобы победить персидскую армию и изменить положение греческих городов в Азии. Но война привела нас гораздо дальше, чем многие предполагали.

— Ты говоришь так, словно не знаешь, чего хочешь.

— Я знаю, чего хочу. Но с каждым новым городом всё яснее понимаю, что желание одного человека может изменить жизнь тысяч других.

Сисигамбида чуть заметно кивнула.

— Это понимание приходит не ко всем царям.

— Возможно, потому, что не каждый царь готов слушать тех, кто не может ему угрожать.

— А ты готов?

Александр посмотрел на неё.

— Я стараюсь.

Женщина впервые за время их разговора отвела взгляд не от страха, а словно обдумывая услышанное.

— Тогда запомни одну вещь, Александр. Царь, который слышит только собственные приказы, однажды остаётся один среди тех, кто боится говорить правду.

Александр вспомнил слова Ады, сказанные ему в Карии. Он невольно улыбнулся.

— Похоже, мудрые женщины говорят со мной об одном и том же.

— Значит, тебе повезло, что ты встретил их до того, как стало слишком поздно.

Он засмеялся, но смех быстро стих.

Затем Александр обратился к Статире:

— Вам не следует опасаться за своё положение. Я не собираюсь лишать вас достоинства или распоряжаться вами как военной добычей.

Статира посмотрела на него с недоверием.

— А если мой муж потребует нас обратно?

— Тогда он должен будет обратиться ко мне. Я готов обсуждать условия мира, но не стану унижать вас ради переговоров.

— Ты позволишь нам вернуться к нему?

Александр не ответил сразу.

— Если обстоятельства позволят заключить мир и ваша безопасность будет обеспечена, я не вижу причины препятствовать этому.

Сисигамбида внимательно слушала.

— Ты говоришь о мире с человеком, которого вчера победил.

— Победа не означает, что война должна продолжаться бесконечно.

В тот же день Александр собрал совет военачальников.

Вопрос о дальнейших действиях оставался открытым. Персидская армия потерпела тяжёлое поражение, но государство Дария не перестало существовать. На востоке находились огромные территории, города, гарнизоны и богатства. У царя оставались сторонники, способные собрать новые силы.

Парменион предложил немедленно направить войска на преследование отступающих персов.

— Если мы дадим им время, Дарий сумеет восстановить армию, — сказал он. — Сейчас его поражение ещё не стало окончательным.

Александр выслушал его.

— Мы отправим разведчиков и укрепим дороги. Но сначала необходимо привести войско в порядок. Раненые нуждаются в лечении, а люди — в отдыхе.

— Война не даст нам много времени, — заметил Парменион.

— Я это понимаю. Но если мы будем двигаться быстрее, чем способны наши солдаты, то однажды останемся без армии.

Другие военачальники заговорили о персидских сокровищах, захваченных в лагере. Некоторые предлагали немедленно разделить добычу между подразделениями.

Александр разрешил распределить часть имущества в соответствии с установленным порядком, но потребовал сохранить отдельные ценности, необходимые для управления занятыми территориями.

— Мы не должны превращать войско в толпу охотников за золотом, — сказал он. — Солдатам положена награда за службу, но каждый должен помнить, зачем мы пришли сюда.

— А зачем мы пришли, государь? — спросил один из молодых командиров.

Вопрос прозвучал без вызова, скорее с любопытством.

Александр посмотрел на него.

— Сначала мы пришли, чтобы отомстить за разорение греческих городов и прекратить персидское вмешательство в дела Эллады. Затем перед нами открылись новые дороги. Теперь мы оказались в центре огромного мира, о котором прежде знали только по рассказам путешественников.

— Значит, мы продолжим поход?

— Да. Но я не хочу, чтобы каждый следующий шаг был сделан только потому, что предыдущий оказался успешным.

Эти слова вызвали некоторое недоумение. Для многих воинов война была понятнее, чем подобные рассуждения. Они привыкли к приказам, победам и наградам. Но Александр всё чаще говорил о вещах, которые не измерялись количеством захваченных городов.

Через несколько дней в лагерь прибыл гонец.

Он был измучен дорогой, его одежда покрылась пылью, а конь едва держался на ногах. Гонца немедленно привели к царю.

— Государь, у меня послание от Дария.

Александр протянул руку.

Письмо было написано сдержанно, без унизительных просьб и без угроз. Дарий сообщал, что готов обсуждать освобождение своей семьи и заключение соглашения. Он предлагал обмен пленными и требовал вернуть царских родственников.

Александр прочитал письмо дважды.

— Где сейчас Дарий?

— По сведениям наших людей, он направился на восток и собирает вокруг себя оставшиеся силы.

— Он намерен продолжать войну?

Гонец опустил глаза.

— Он говорит, что готов к переговорам, но его военачальники требуют нового похода против македонян.

Александр передал письмо Пармениону.

— Что скажешь?

Старый полководец внимательно прочитал текст.

— Дарий пытается выиграть время. Он знает, что после Исса ему необходимо восстановить войско. Если мы согласимся на переговоры, он сможет укрепить свои позиции.

— Возможно.

— Он предлагает нам мир не потому, что признал поражение, а потому, что пока не способен продолжать борьбу.

Александр подошёл к столу и положил ладонь на письмо.

— А если мы откажемся от переговоров, что произойдёт?

— Мы продолжим наступление.

— И сколько людей погибнет?

Парменион не ответил.

— Мы можем победить ещё раз, — продолжил Александр. — И ещё. Но разве каждая новая победа автоматически приблизит нас к миру?

— Иногда мир становится возможен только после окончательной победы.

— А иногда после неё уже некому предложить мир.

Александр снова взял письмо.

Он понимал, что перед ним не просто предложение об обмене пленными. Дарий пытался сохранить царство, а Александр должен был решить, какое место в его собственных планах займёт побеждённый противник.

— Подготовьте ответ, — сказал он.

— Что написать?

— Что я готов принять посланников Дария. Его семья находится под моей защитой. Я не намерен причинять ей вред. Но условия мира должны учитывать то, что произошло при Иссе.

Парменион кивнул.

Вечером Александр снова посетил царский шатёр.

Сисигамбида сразу заметила, что он пришёл не случайно.

— Ты получил известие от моего сына?

— Да.

— Он жив?

— Жив. Он направил мне письмо.

Сисигамбида закрыла глаза. На её лице впервые за много дней появилось облегчение.

— Что он пишет?

— Просит вернуть ему семью и предлагает переговоры.

— И что ты ответил?

— Что готов говорить с ним.

— Значит, ты не хочешь уничтожить его?

Александр посмотрел на женщину.

— Я хочу добиться того, ради чего начал поход. Но я не считаю, что уничтожение человека обязательно должно быть целью войны.

Сисигамбида медленно поднялась.

— Тогда, возможно, у этой войны ещё есть другой конец, кроме смерти.

Александр ничего не сказал.

Он знал, что путь к соглашению будет трудным. Дарий не мог просто отказаться от власти, а македоняне не собирались возвращаться домой после первой большой победы. Между ними лежали города, народы, интересы и амбиции, которые невозможно было устранить одним письмом.

Но впервые после Исса в лагере заговорили не только о следующем сражении.

Поздно ночью Александр остался один.

На столе лежало письмо Дария. Рядом находилась карта, на которой были обозначены дороги к Сирии, Финикии и Египту. Перед ним открывались новые возможности. Он мог продолжить наступление, овладеть богатейшими городами побережья, лишить персидский флот опорных пунктов и заставить противника окончательно изменить своё положение.

Но рядом с картой лежало и другое знание: за каждым обозначением находились люди, чья жизнь зависела от решений царей.

Он вспомнил слова Сисигамбиды о власти и одиночестве.

Вспомнил Пармениона, который всегда думал о безопасности армии.

Вспомнил раненого солдата, спрашивавшего, не напрасно ли он пролил кровь.

И вдруг понял, что победа не освобождает человека от необходимости выбирать. Напротив, она увеличивает число тех, за кого он теперь отвечает.

Александр подошёл к входу в шатёр. Ночь была ясной. Где-то далеко слышались голоса часовых, а над лагерем медленно двигались звёзды.

Впереди находились новые страны. Но прежде чем добраться до них, ему предстояло ответить на вопрос, который оставался открытым со времени битвы при Иссе:

Можно ли построить новый мир, не научившись уважать тех, кого ты победил?

Он ещё не знал, каким будет ответ Дария. Но теперь понимал, что следующий шаг может оказаться труднее любой переправы через реку.

И на востоке, за пределами видимого горизонта, уже начиналась дорога, которая должна была привести Александра к новым испытаниям.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ЦЕНА МИРА

После поражения при Иссе Дарий III оказался перед необходимостью принять решение, которого ещё недавно не мог себе представить. Он оставил на поле боя значительную часть армии, потерял царский обоз, а вместе с ним — семью, сокровища и многое из того, что составляло привычный порядок его жизни. Однако Персидская держава не исчезла. За восточными горами и реками по-прежнему находились города, сатрапии, крепости и войска, которые ещё признавали его своим царём.

Дарий знал: пока он жив, у него остаётся возможность вернуть утраченное.

Но для этого ему требовалось время.

Он остановился в одном из городов Месопотамии, где его встретили оставшиеся верными военачальники и придворные. Здесь уже не было прежней роскоши царского лагеря. Многие слуги исчезли, часть приближённых погибла или разбежалась, а люди, которые ещё недавно старались оказаться ближе к трону, теперь предпочитали держаться на расстоянии.

Царь не осуждал их. Он слишком хорошо знал человеческую природу, чтобы ожидать преданности от каждого, кто привык жить в тени могущества.

Вечером Дарий собрал совет.

— Мы должны понять, что осталось в нашем распоряжении, — произнёс он. — Мне нужны не утешения, а правда.

Один из военачальников поднялся.

— Государь, у нас есть силы в восточных сатрапиях. Мы можем собрать новые отряды. Некоторые гарнизоны сохранили верность, а местные правители ждут твоего приказа.

— Сколько времени понадобится?

— Несколько месяцев. Возможно, больше.

— А Александр?

— Он, вероятно, двинется вдоль побережья, чтобы лишить нас портов и поддержки флота.

Дарий подошёл к карте.

— Значит, он понимает, что война решается не только на поле боя.

— Он умеет выбирать цели, государь.

— Я это заметил при Иссе.

Наступило молчание.

Другой советник осторожно заговорил:

— Возможно, следует предложить ему соглашение. Царская семья находится у него. Если он согласится на обмен, мы получим возможность восстановить положение без дальнейшего кровопролития.

Дарий посмотрел на него.

— Ты предлагаешь мне просить собственного врага о возвращении семьи?

— Я предлагаю государю сохранить то, что ещё можно сохранить.

Царь долго молчал.

Он вспомнил мать, жену и детей. Представил, как они находятся среди чужих воинов, не зная, что ждёт их впереди. Впервые за долгие годы он почувствовал, что его власть не способна защитить самых близких людей.

— Подготовьте письмо, — наконец сказал он. — Я обращусь к Александру.

Письмо было составлено тщательно. Дарий не хотел, чтобы его слова звучали как мольба. Он обращался к Александру как царь к царю, признавая случившееся поражение, но не отказываясь от своего положения.

Он просил вернуть мать, жену и детей, предлагал обмен пленными и выражал готовность обсуждать условия мира.

Послание отправили с надёжным гонцом.

В македонском лагере Александр получил его спустя несколько дней. Он прочитал письмо в присутствии Пармениона, затем приказал оставить их наедине.

— Что ты думаешь? — спросил он старого полководца.

— Дарий хочет вернуть семью и выиграть время. Его предложение нельзя рассматривать отдельно от военного положения.

— Ты считаешь, что он не готов к миру?

— Я считаю, что он готов к передышке. Это не одно и то же.

Александр положил письмо на стол.

— А если бы на его месте оказался ты?

Парменион удивлённо поднял глаза.

— Я не царь Персии.

— Но ты воин. Представь, что проиграл сражение, потерял близких и теперь должен обратиться к человеку, который вчера был твоим врагом. Что бы ты хотел услышать?

Старый полководец задумался.

— Я хотел бы знать, что мои близкие живы и что с ними обращаются достойно.

— Значит, в этом мы с тобой согласны.

— Но государь, не забывай: ты ведёшь войну не ради одной семьи. За ней стоит целая держава.

— Я не забываю.

Александр снова взял письмо.

— Ответим ему, что его семья находится в безопасности. Я готов принять его посланников и выслушать предложение. Но мы не можем сделать вид, будто ничего не произошло.

Парменион кивнул.

— Это разумно.

— И ещё, Парменион. Передай всем командирам: ни один человек из царского окружения не должен подвергаться унижению. Если я узнаю, что кто-либо воспользовался их положением, наказание будет строгим.

— Приказ будет исполнен.

Вскоре Александр двинулся на юг.

После победы при Иссе его положение значительно укрепилось, однако персидский флот всё ещё представлял угрозу. Многие финикийские города имели собственные гавани, корабли и давние связи с Персией. Пока эти порты оставались в руках противника, Александр не мог считать побережье безопасным.

Он понимал, что ему необходимо овладеть Финикией, а затем открыть дорогу в Египет.

Первым важным городом на его пути стал Сидон.

Городские правители уже знали о поражении Дария и не желали подвергать жителей новому кровопролитию. Македонские войска подошли к стенам, но вместо длительной осады получили предложение о переговорах.

Ворота открылись.

На улицах стояли люди. Одни смотрели на македонян с любопытством, другие с тревогой, третьи предпочитали не выходить из домов. Они не знали, принесёт ли новая власть перемены к лучшему или станет началом новых бедствий.

Александр вошёл в город без торжественного шествия.

Его встретили представители местной знати.

— Мы не желаем войны, — сказал один из них. — Сидон не станет сопротивляться твоей армии.

— Тогда я не вижу причин причинять ему вред, — ответил Александр.

— Ты позволишь городу сохранить его законы и обычаи?

— Если они не будут направлены против установленного порядка и безопасности других городов.

Представитель поклонился.

— Мы надеемся, что твои слова окажутся надёжнее обещаний прежних правителей.

Александр посмотрел на него.

— Власть меняется. Но город остаётся, и его жители не должны расплачиваться за каждую перемену на троне.

Вскоре он назначил нового правителя Сидона, связанного с прежней царской династией. Это решение было частью его политики: там, где возможно, сохранять местные традиции и использовать существующие порядки, а не разрушать всё ради демонстрации победы.

Но впереди находился другой город.

Тир.

Тир стоял на острове, отделённом от материка полосой морской воды. Его высокие стены поднимались прямо из моря, а гавани принимали корабли из разных стран. Здесь торговали металлами, тканями, древесиной и редкими товарами, а местные купцы знали языки многих народов.

Тиряне не спешили принимать сторону победителя.

Когда к городу подошли представители Александра, их встретили с почтением, но без желания уступить.

— Мы рады приветствовать царя македонян, — сказал старейшина, принимавший посланников. — Тир желает мира и не намерен выступать против тебя.

— Тогда откройте ворота, — ответил один из македонских командиров. — Царь хочет войти в город и совершить жертвоприношение в святилище Мелькарта.

Старейшина переглянулся с другими представителями города.

— Мы не можем допустить в город войска чужого государства. Это противоречит нашему порядку.

— Александр не собирается причинять вам вреда.

— Мы понимаем. Но если мы позволим ему войти с вооружёнными людьми, это будет означать, что Тир отказался от собственной независимости.

Посланник нахмурился.

— Вы знаете, что произошло при Иссе?

— Знаем.

— Тогда вы должны понимать, что сопротивление бесполезно.

Старейшина спокойно ответил:

— Мы не угрожаем вашему царю. Но не можем принять его условия.

Переговоры закончились без соглашения.

Когда известие дошло до Александра, он долго смотрел на город с материка.

Тиряне не объявляли ему войну, но и не собирались добровольно подчиняться. Они рассчитывали на свои стены, флот и положение островной крепости.

К Александру подошёл Парменион.

— Они отказали?

— Да.

— Тогда следует обойти город. Мы можем оставить его позади и продолжить движение на юг.

Александр не ответил сразу.

— Пока Тир остаётся в руках противника, его корабли могут угрожать нашим сообщениям и поддерживать персидские силы. Мы не можем оставлять за спиной такую крепость.

— Значит, будет осада.

— Вероятно.

Парменион посмотрел на остров.

— Это будет нелегко. Их стены защищены морем.

— Я знаю.

— А флот?

— Нам придётся решить и эту проблему.

Вечером Александр встретился с несколькими военачальниками.

На столе лежала карта Тира. Остров был небольшим, но его положение делало город чрезвычайно трудным для штурма. С одной стороны находилась открытая вода, с другой — гавани и укреплённые участки побережья. Персидские и союзные им корабли могли поддерживать оборону.

— Мы можем начать осаду, — сказал один из командиров. — Но потребуется флот.

— Часть финикийских кораблей теперь будет на нашей стороне, — заметил Парменион. — После перехода Сидона и других городов наше положение на море изменилось.

— Этого может оказаться недостаточно, — ответил Александр.

Он встал и подошёл к карте.

— Если мы не можем подойти к острову по воде, мы должны найти путь по суше.

Один из военачальников удивлённо посмотрел на него.

— Ты предлагаешь построить дорогу через море?

— Я предлагаю соединить остров с материком.

В шатре воцарилась тишина.

— Это невозможно сделать быстро, — произнёс Парменион.

— Возможно, потребуется много времени. Но другого решения я пока не вижу.

— А если они будут разрушать то, что мы построим?

— Тогда придётся защищать строителей.

Александр повернулся к присутствующим.

— Я не хочу, чтобы люди погибали только ради того, чтобы доказать городу, что мы сильнее. Но если Тир станет опорой наших противников, мы должны устранить эту угрозу.

Парменион внимательно посмотрел на молодого царя.

— Ты уверен, что это необходимо?

— Нет, — честно ответил Александр. — Я уверен только в том, что оставить этот вопрос нерешённым опасно.

В последующие дни начались приготовления к осаде.

На материке собирали древесину, камень и другие материалы. Инженеры осматривали берег, определяли глубину воды и выбирали место, где можно было начать строительство насыпи. Воины расчищали подходы, готовили инструменты и укрепления.

Работа обещала быть тяжёлой.

Один из инженеров, пожилой человек с обветренным лицом, подошёл к Александру, когда тот осматривал берег.

— Государь, вода здесь не слишком глубока, но дальше дно становится сложнее. Нам придётся использовать большие каменные блоки и укреплять основание.

— Сколько времени?

— Трудно сказать. Если море будет спокойным и противник не станет мешать, мы продвинемся быстро. Но тиряне не позволят нам работать спокойно.

— Значит, необходимо прикрытие.

— Да. И ещё нам понадобятся люди, которые умеют работать с морскими сооружениями.

Александр кивнул.

— Найдите лучших мастеров. Не жалейте материалов, но берегите людей.

Инженер посмотрел на него с удивлением.

— Ты говоришь о строителях так, словно они важнее воинов.

— Они тоже воины, только с другими орудиями. Их труд может открыть нам дорогу туда, куда не проходит меч.

Пожилой инженер улыбнулся.

— Тогда мы постараемся построить её хорошо.

Ночью Александр вышел к берегу.

Вдали на острове горели огни. Тир был красив даже в темноте. Высокие стены отражались в воде, а над городом возвышались башни и храмы. Там жили люди, которые не знали, что принесёт им следующий день.

Александр смотрел на город и думал о его жителях.

Он понимал их стремление сохранить независимость. Каждый город хотел оставаться хозяином собственной судьбы. Но он также видел, что Тир мог стать препятствием для всего похода, а значит, его сопротивление неизбежно повлечёт новые жертвы.

К нему подошёл Клит.

— Ты снова не спишь?

— Сегодня слишком много мыслей.

— О Тире?

— О людях, которые считают, что за стенами можно сохранить всё.

Клит посмотрел на город.

— Иногда стены действительно спасают людей.

— А иногда становятся причиной их гибели.

— Что ты собираешься делать?

Александр долго не отвечал.

— Построить дорогу.

Клит удивлённо рассмеялся.

— Через море?

— Да.

— Ты решил победить море, прежде чем победить город?

Александр улыбнулся.

— Нет. Я решил попросить море уступить нам немного пространства.

Клит посмотрел на него с недоверием.

— Надеюсь, оно согласится.

Александр повернулся к лагерю.

— Море не принимает решений, Клит. Это делают люди. И за их решения приходится платить.

Ветер с острова принёс запах соли и дыма.

Впереди начиналась осада, которой предстояло войти в историю. Она потребует инженерного мастерства, терпения и огромных усилий. Но за стенами Тира находились не только воины и правители. Там были семьи, дети, старики, купцы и ремесленники, которые хотели жить так, как жили их предки.

И Александр, стоявший перед очередным испытанием, ещё не знал, сколько человеческих судеб окажется связано с дорогой, которую он собирался проложить через море.

Иногда человек строит мост, чтобы соединить берега. А иногда — чтобы добраться до тех, кто не желает его видеть.

Продолжение — осада Тира. Город, который решил не открывать ворота, и царь, который задумал невозможное: соединить остров с материком.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ЦЕНА МИРА

Письмо Дария лежало на столе Александра уже несколько дней. Его перечитывали военачальники, обсуждали советники, переводчики уточняли отдельные выражения, но содержание оставалось достаточно ясным: персидский царь хотел вернуть свою семью и был готов обсуждать условия соглашения.

Однако за сдержанными словами послания скрывалось гораздо больше, чем просьба о возвращении близких. Дарий III пытался остановить продвижение македонян, не потеряв окон-

чательно своего положения. Он всё ещё оставался царём огромной державы, и даже поражение при Иссе не могло мгновенно лишить его этой власти.

Александр понимал это. Он не считал Дария человеком, которого можно заставить отказаться от всего одним военным поражением. За персидским царём стояли традиции, государственный аппарат, сатрапы, военные командиры и народы, для которых власть Ахеменидов была привычным порядком жизни.

Вопрос заключался в другом: чего хотел сам Александр?

Утром он созвал совет.

Парменион, Гефестион, Кратер, Птолемей и другие военачальники заняли свои места. На столе лежала карта восточного побережья Средиземного моря. На ней были отмечены Финикия, Сирия, Египет и дороги, ведущие в глубь Персидской державы.

— Мы получили предложение Дария, — начал Александр. — Он хочет вернуть свою семью и готов обсуждать мир.

— Он хочет вернуть не только семью, — заметил Парменион. — Он хочет вернуть себе время.

— Возможно. Но время необходимо и нам. Наши люди устали, а впереди ещё много трудных переходов.

— Если мы остановимся сейчас, Дарий восстановит армию, — возразил один из командиров.

— А если продолжим без остановки, наши собственные силы могут оказаться истощены, — ответил Александр. — Я не собираюсь помогать противнику тем, что буду принимать решения, не думая о последствиях.

Птолемей, до этого молчавший, посмотрел на карту.

— Есть ещё одна проблема. Пока персидский флот сохраняет возможность действовать на море, наши коммуникации остаются уязвимыми. Победа при Иссе не решила этого вопроса.

— Именно поэтому мы не можем считать войну завершённой, — сказал Александр.

Парменион сложил руки на груди.

— Тогда зачем говорить о мире?

— Потому что война не должна становиться единственной целью нашей жизни. Мы можем продолжать поход и одновременно оставаться открытыми для переговоров.

— Дарий может использовать наши предложения как признак слабости.

Александр повернулся к нему.

— А мы можем использовать его поражение как повод для гордости и забыть, ради чего вообще начали этот поход. Ни то ни другое не поможет нам управлять Азией.

В шатре воцарилось молчание.

Вскоре Александр продиктовал ответ персидскому царю.

Он не собирался просить у Дария разрешения продолжать движение по территориям, которые уже находились под македонским контролем. Но и унижать его в письме не хотел.

Александр сообщил, что семья Дария находится в безопасности, что к ней относятся с уважением и что он готов принять посланников для обсуждения условий соглашения.

При этом он дал понять: прежнее положение вещей уже невозможно восстановить простым обменом пленными. Персидское вмешательство в дела греческих городов, сопротивление македонскому походу и борьба за власть над малоазийскими территориями должны стать предметом переговоров.

Письмо отправили с надёжным гонцом.

Александр долго смотрел ему вслед.

— Думаешь, он согласится? — спросил Гефестион, оказавшийся рядом.

— Не знаю.

— А если не согласится?

— Тогда нам придётся продолжить путь.

— Ты говоришь об этом так, будто надеешься на другой исход.

Александр повернулся к другу.

— Я надеюсь не на то, что Дарий сдастся. Я надеюсь, что однажды мы сможем закончить эту войну, не превратив её в бесконечную цепь мести.

Гефестион посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты всё чаще говоришь как философ.

— Неужели Аристотель всё-таки добился своего?

Оба рассмеялись.

Но улыбка Александра быстро исчезла. Он знал, что впереди его ждёт не философская беседа, а тяжёлая борьба за города, дороги и человеческие судьбы.

В лагере персидской армии Дарий получил ответ не сразу.

Он находился далеко от места поражения, собирая вокруг себя уцелевших воинов и пытаясь восстановить порядок. Одни военачальники убеждали его немедленно готовиться к новому сражению, другие советовали искать поддержку у восточных сатрапов.

Когда письмо Александра доставили, Дарий приказал оставить его одного.

Он прочитал послание медленно, несколько раз возвращаясь к отдельным строкам.

Его семья была жива. Александр обещал не унижать её и соглашался обсуждать мир.

Это было облегчением, но не решением проблемы.

Дарий понимал, что македонский царь не собирается ограничиваться освобождением греческих городов. Он уже пересёк Геллеспонт, прошёл через Малую Азию, разбил персидскую армию при Гранике и теперь нанёс поражение самому царю.

Каждая новая победа Александра меняла представление о том, что ещё недавно казалось невозможным.

Вошёл один из приближённых.

— Государь, военачальники ожидают вашего решения.

— Пусть войдут.

Через некоторое время перед Дарием предстали несколько командиров.

— Македонский царь прислал ответ, — произнёс Дарий. — Он готов говорить о мире.

— Это ловушка, государь, — сразу сказал один из военачальников. — Он хочет заставить нас признать поражение.

— А разве мы не потерпели поражение? — спокойно спросил Дарий.

Командир замолчал.

— Вопрос не в том, проиграли ли мы сражение. Вопрос в том, что мы намерены делать дальше.

— Нужно собрать новую армию.

— Мы её соберём, — ответил Дарий. — Но прежде я хочу вернуть свою семью.

Он снова посмотрел на письмо.

Впервые за многие годы ему пришлось думать о том, каково это — обращаться к другому царю не как к равному, а как к человеку, который теперь распоряжается судьбой его близких.

Это чувство было тяжелее самого поражения.

Тем временем в македонском лагере жизнь постепенно входила в привычный ритм.

Солдаты получали заслуженный отдых, оружейники ремонтировали повреждённые щиты и копья, врачи продолжали лечить раненых. Пленные персидские воины находились под охраной, но их не лишали пищи и воды.

Александр распорядился, чтобы военачальники не допускали самовольного грабежа и насилия над населением окрестных поселений.

Некоторые солдаты были недовольны.

— Мы победили, а теперь должны смотреть, как другие сохраняют своё имущество? — ворчал один из ветеранов.

Его товарищ пожал плечами.

— Приказ царя.

— Приказ царя не наполнит наши кошельки.

— Зато, возможно, позволит нам дойти до следующего города без того, чтобы каждый житель встречал нас с оружием.

Ветеран усмехнулся.

— Ты стал рассуждать как Парменион.

— А ты всё ещё думаешь, что война заканчивается в тот день, когда противник бросает щит.

Они замолчали и продолжили чинить снаряжение.

Александр иногда проходил через лагерь без торжественной свиты, разговаривал с солдатами, интересовался состоянием раненых. Он не мог помочь каждому, но старался не забывать, что армия состоит не из безымянных подразделений, а из людей, у которых есть семьи, надежды и собственные причины идти за ним.

Однажды к нему подошёл тот самый молодой воин, с которым он разговаривал перед битвой при Иссе. Юноша получил ранение, но уже мог ходить.

— Государь, я слышал, что Дарий просит мира.

— Он предложил переговоры.

— Значит, мы больше не будем воевать?

Александр посмотрел на него.

— Я хотел бы, чтобы ты мог вернуться домой и больше не брать в руки оружие.

— А ты сам?

— Мне ещё предстоит решить, как далеко простирается дорога, по которой я вышел из Македонии.

Юноша задумался.

— А если эта дорога никогда не закончится?

Александр улыбнулся, но ничего не ответил.

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Через некоторое время к Александру прибыл новый гонец из персидского лагеря. На этот раз он передал более подробное послание.

Дарий выражал готовность обсуждать возвращение своей семьи и предлагал значительный выкуп за освобождение родственников. Вопрос о территориях, находившихся под властью персидского царя, также затрагивался, хотя окончательные условия ещё не были сформулированы.

Александр собрал совет.

Парменион внимательно выслушал содержание письма.

— Это уже серьёзнее, — сказал он. — Дарий признаёт, что ему необходимо договариваться.

— Он хочет получить семью обратно, — ответил Александр.

— И сохранить царство.

— Разумеется.

Парменион посмотрел на карту.

— Если мы примем его предложение, то сможем получить огромные богатства и закрепить за собой территории западнее Евфрата. Войско получит награду, а мы — возможность вернуться домой с победой.

Александр медленно покачал головой.

— А что будет с остальной Азией?

— Она останется под властью Дария.

— И через несколько лет всё начнётся снова?

Парменион не ответил.

— Мы должны решить, что для нас важнее, — продолжил Александр. — Получить богатый выкуп и закончить поход или продолжить борьбу за то, что ещё не достигнуто.

— Ты сам знаешь ответ, государь.

— Да. Но знать ответ и понимать его цену — не одно и то же.

Он приказал подготовить новое письмо.

В нём Александр не отвергал переговоры, но давал понять, что простого выкупа за пленников недостаточно для окончательного урегулирования конфликта. Он хотел, чтобы Дарий признал новые обстоятельства и отказался от претензий на те земли, которые уже перешли под контроль македонян.

Это было начало более серьёзного дипломатического противостояния.

Вечером Александр вновь встретился с Сисигамбидой.

Она уже немного привыкла к новому положению. В шатре больше не чувствовалось прежней тревоги, хотя неизвестность продолжала тяготить всех.

— Ты сегодня долго разговаривал со своими военачальниками, — сказала она.

— У нас много дел.

— И много решений, которые предстоит принять?

— Больше, чем я ожидал.

Сисигамбида посмотрела на него.

— Мой сын тоже когда-то думал, что царю достаточно принимать решения. Он ещё не понимал, что каждое решение становится судьбой для множества людей.

— А теперь понимает?

— Теперь ему приходится учиться этому заново.

Александр присел напротив.

— Ты считаешь, что я должен вернуть ему всё?

— Я считаю, что ты должен понимать, чего хочешь от него. Если тебе нужна только его покорность, то однажды ты получишь человека, который будет ждать возможности отомстить. Если тебе нужен мир, придётся искать условия, при которых он сможет жить с этим миром.

— Ты предлагаешь мне сохранить его власть?

— Я предлагаю тебе подумать не только о собственной победе.

Александр долго молчал.

— Ты защищаешь своего сына.

— Конечно. Я его мать. Но я не говорю, что он не совершал ошибок. Я лишь знаю, что человек, потерявший всё, редко становится благодарным за то, что ему оставили.

— А человек, получивший всё?

Сисигамбида посмотрела на него с особенным вниманием.

— Вот этого я не знаю, Александр. Возможно, тебе самому ещё предстоит это узнать.

Эти слова остались в памяти царя.

Позднее, когда он вернулся в свой шатёр, Гефестион застал его за изучением карты.

— Ты опять думаешь о Дарии?

— О нём, о его семье, о нашей армии, о городах, которые лежат впереди.

— Не слишком ли много для одного человека?

Александр поднял голову.

— Именно поэтому я должен научиться слушать других.

Гефестион подошёл к столу.

— А если другие ошибаются?

— Тогда мне придётся отвечать за собственную ошибку, если я последую их совету.

— Ты всегда хотел большего, чем имел.

— Да.

— И теперь получил возможность получить ещё больше.

Александр посмотрел на друга.

— Но чем больше я получаю, тем яснее вижу, что ничего из этого не становится моей вечной собственностью.

Гефестион улыбнулся.

— Ты говоришь так, словно уже собираешься оставить всё позади.

— Нет, мой друг. Я ещё слишком молод, чтобы думать о конце. Но иногда мне кажется, что человек начинает понимать цену жизни не тогда, когда получает желаемое, а тогда, когда впервые задумывается, что однажды может потерять всё.

Гефестион ничего не ответил.

За пределами шатра продолжалась обычная жизнь лагеря. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то рассказывал товарищам о доме. Воины ещё не знали, какие испытания ожидают их впереди.

Александр снова посмотрел на карту.

На западе оставались города, которые ещё не признали его власть. На юге находился Египет, на востоке — необъятные земли Персидской державы. Его путь продолжался.

Но теперь он знал, что настоящий мир не всегда начинается с прекращения сражений. Иногда он начинается с готовности увидеть в противнике человека, а не только препятствие на пути к собственной цели.

Дарий ещё не был побеждён окончательно. Александр ещё не стал властелином всей Персии. Между ними оставалось слишком много противоречий, чтобы одно письмо могло разрешить их. И всё же впервые после Исса два царя начали говорить друг с другом не через копья и мечи.

Один пытался сохранить свою державу. Другой решал, какую цену готов заплатить за её приобретение.

А где-то между этими двумя стремлениями находилась судьба целого мира.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ СДАВАТЬСЯ

После победы при Иссе Александр не спешил бросаться вслед за отступавшим Дарием. Он понимал, что персидский царь ещё способен собрать новую армию, а война не будет завершена до тех пор, пока у противника сохраняются силы и возможности влиять на события в Малой Азии и Восточном Средиземноморье.

Особенно его беспокоил персидский флот.

Хотя армия Дария потерпела тяжёлое поражение, многочисленные корабли персов и их союзников продолжали действовать на море. Они могли угрожать македонским коммуникациям, поддерживать восстания в греческих городах и затруднять снабжение армии. Александр не имел достаточного флота, чтобы безоговорочно господствовать на море, поэтому решил лишить противника удобных портов и опорных пунктов.

На пути к Египту находились финикийские города. Многие из них обладали древними торговыми традициями, богатыми гаванями и сильными укреплениями. Некоторые готовы были признать власть Александра, другие выжидали, наблюдая за развитием событий.

Но среди них был город, который занимал особое место.

Тир.

Он располагался на острове у финикийского побережья и был окружён мощными стенами. Его гавани принимали корабли из разных стран, а купцы торговали с Египтом, Кипром, Грецией и далёкими землями Запада. Тиряне гордились своей историей и считали свой город практически неприступным.

Александр знал, что без овладения Тиром его положение в Восточном Средиземноморье останется непрочным.

Когда македонская армия приблизилась к финикийскому побережью, навстречу Александру стали выходить представители отдельных городов.

Одни приносили дары, другие выражали готовность признать его власть, третьи пытались договориться о сохранении прежних порядков. Александр принимал их, выслушивал и обещал не вмешиваться без необходимости в жизнь тех общин, которые добровольно соглашались на сотрудничество.

Он понимал, что не каждый город нужно брать штурмом. Иногда один разумный договор мог сохранить больше жизней, чем самая блестящая военная победа.

Однако в Тире всё оказалось иначе.

Городские представители встретили македонское посольство вежливо, но не выразили готовности открыть ворота.

— Мы желаем мира, — сказал один из старейшин. — Тир не стремится к войне с македонским царём.

— Тогда почему вы отказываете мне во входе в город? — спросил Александр.

— Наш город имеет собственные законы и обычаи. Мы не можем принимать решения, которые затрагивают его независимость, без согласия совета и жителей.

— Я не требую от вас немедленно отказаться от ваших обычаев.

— Но ты требуешь признать твою власть.

Александр посмотрел на старейшину.

— Я предлагаю вам избежать войны.

— А если мы не согласимся?

— Тогда мне придётся добиваться того, чего я не смог получить миром.

Старейшина слегка склонил голову.

— Тир не привык открывать ворота перед армиями только потому, что они одержали победу в другом месте.

Посольство вернулось ни с чем.

В тот же вечер Александр собрал военачальников.

На столе лежала карта города и прилегающего побережья. Парменион внимательно изучал очертания острова, отмечая расположение стен и гаваней.

— Их положение действительно выгодно, — сказал он. — Город окружён водой. Наши сухопутные подразделения не смогут приблизиться к стенам обычным способом.

— У них есть флот, — добавил Птолемей. — И пока мы не овладеем морем, осада будет крайне сложной.

— Корабли можно получить у финикийцев, которые уже признали нашу власть, — заметил Гефестион.

Александр кивнул.

— Мы направим посланников к тем городам, которые готовы предоставить нам флот.

Парменион посмотрел на него.

— А если Тир откажется и после этого?

— Тогда мы построим дорогу к городу.

Военачальники переглянулись.

— Дорогу? — переспросил один из них.

Александр указал на узкую полосу воды между берегом и островом.

— Там, где море достаточно мелкое, можно возвести насыпь. Мы доставим камень, дерево и всё необходимое. Если невозможно подойти к городу по воде, придётся приблизиться к нему по суше.

Парменион долго рассматривал карту.

— Это потребует огромных усилий. А тиряне будут пытаться разрушить всё, что мы построим.

— Я понимаю.

— Потери могут оказаться серьёзными.

— Я тоже это понимаю.

— Тогда, возможно, стоит оставить город в покое и двигаться дальше.

Александр поднял голову.

— А через несколько месяцев персидские корабли снова появятся у наших берегов. Они смогут снабжать противников, поддерживать сопротивление и угрожать нашим тылам. Мы не можем каждый раз обходить препятствие только потому, что оно трудно преодолимо.

Парменион вздохнул.

— Значит, ты уже принял решение.

— Да.

Работы начались вскоре после совета.

На берегу собирали камень, древесину и строительные материалы. Тысячи людей участвовали в создании насыпи, которая должна была соединить материк с островом. Для строительства привлекали воинов, рабочих и мастеров, знавших особенности местных вод.

Работа была тяжёлой. Люди переносили каменные глыбы, забивали деревянные сваи, укрепляли основание и постепенно продвигались в сторону острова.

Тиряне наблюдали за происходящим со стен.

Сначала они не верили, что македоняне действительно смогут построить дорогу через море. Затем поняли, что противник не собирается отступать.

Однажды несколько защитников вышли на стены и начали кричать насмешки в сторону македонских рабочих.

— Вы думаете, что сможете пройти по морю? — кричал один из тирян. — Море принадлежит Посейдону, а не вашему царю!

Рабочие продолжали трудиться.

Один молодой македонянин поднял голову и ответил:

— Тогда пусть Посейдон попробует остановить нас!

Его товарищи засмеялись, но старший мастер строго приказал им не отвлекаться.

— Камни сами себя не перенесут. Оставьте богов в покое и работайте.

Прошло несколько недель.

Насыпь постепенно уходила в море, приближаясь к острову. Однако чем ближе становились македоняне, тем активнее действовали защитники.

Тирские корабли совершали вылазки, обстреливали строительные участки и пытались уничтожить деревянные конструкции. Несколько раз им удавалось повредить уже готовые участки насыпи.

Однажды во время очередной атаки македоняне потеряли несколько рабочих и воинов.

Александр прибыл к месту происшествия, когда тела погибших ещё не успели убрать.

Он долго смотрел на разрушенную часть сооружения.

— Сколько людей погибло? — спросил он.

— Двенадцать, государь. Ещё несколько ранены.

— Почему не выставили дополнительную охрану?

Командир опустил глаза.

— Мы считали, что тиряне не рискнут приблизиться так близко.

— Они защищают свой город. Не следует удивляться, что они используют каждую возможность.

— Мы восстановим насыпь.

— Восстановите. Но прежде обеспечьте защиту рабочих. Я не хочу, чтобы люди погибали только потому, что кто-то недооценил противника.

Александр прошёл вдоль сооружения. Море казалось спокойным, но он уже понимал, что настоящая борьба только начинается.

В Тире тем временем собрались представители городского совета.

Старейшины обсуждали положение. Одни считали, что необходимо продолжать сопротивление, другие предлагали вновь обратиться к Александру и попытаться договориться.

— Он не отступит, — сказал один из старейшин. — Посмотрите, сколько людей уже погибло на этой насыпи. Он не остановится.

— Но и мы не можем открыть ворота, — возразил другой. — Если македоняне войдут в город, наша независимость будет потеряна.

— А если они разрушат стены?

— Тогда мы будем защищаться.

Один из молодых членов совета поднялся.

— Мы говорим о стенах, о флоте, о торговле. Но кто-нибудь подумал о жителях? О детях? О тех, кто не умеет держать оружие?

Старейшины посмотрели на него.

— Мы все думаем о жителях, — ответил председатель совета.

— Тогда почему никто не говорит о возможности эвакуации?

— Потому что эвакуация станет признанием того, что мы не способны защитить собственный город.

Молодой человек покачал головой.

— Иногда спасти людей важнее, чем сохранить красивую историю о неприступной крепости.

Никто не ответил ему.

В Тире уже понимали, что прежняя уверенность начинает уступать место тревоге.

Когда к македонянам присоединились корабли финикийских городов и Кипра, положение изменилось. Александр получил возможность действовать не только с суши, но и с моря.

Флот стал перекрывать подходы к острову. Началась подготовка к более решительным действиям против городских стен.

Однако защитники Тира не собирались сдаваться. Они укрепляли гавани, усиливали наблюдение, готовили метательные машины и продолжали совершать вылазки.

Александр наблюдал за городом с берега.

Величественные стены поднимались над морем. Башни казались неприступными, а за ними находились дома, мастерские, храмы и рынки. Здесь жили люди, которые никогда не видели Македонию и не считали себя участниками великой борьбы между двумя царями.

Для них Тир был не просто крепостью. Это был дом.

К Александру подошёл Гефестион.

— Ты долго смотришь на город.

— Я думаю о том, сколько усилий потребуется, чтобы его взять.

— Ты уже знаешь ответ.

— Я знаю, что мы можем победить. Но не знаю, какой ценой.

Гефестион посмотрел на стены.

— Если мы отступим, это будет воспринято как поражение.

— А если войдём в город после долгой осады, это будет победой?

— Для армии — безусловно.

Александр повернулся к нему.

— А для жителей?

Гефестион задумался.

— Для них, вероятно, нет.

Они некоторое время стояли молча.

Затем Александр произнёс:

— Передай городскому совету ещё одно предложение. Пусть они откроют ворота, сохранят свои дома, храмы и имущество. Я готов принять их под свою защиту.

— А если откажутся?

— Тогда начнётся осада.

На следующий день посланники Александра снова направились к Тиру.

Они передали условия царя и ожидали ответа.

Но город не согласился.

Тиряне считали, что уступка после столь длительного сопротивления станет признанием полного поражения. Кроме того, они опасались, что после открытия ворот македоняне всё равно установят в городе собственную власть и лишат его самостоятельности.

Когда посланники вернулись, Александр выслушал их молча.

— Они отказались? — спросил он.

— Да, государь.

— Что именно ответили?

— Сказали, что не намерены открывать ворота.

Александр посмотрел на море.

— Значит, они сделали свой выбор.

Он повернулся к военачальникам.

— Подготовить осадные машины. Укрепить насыпь. Флоту занять позиции. Мы должны закончить эту осаду.

Парменион внимательно посмотрел на царя.

— Надеюсь, ты ещё помнишь, что обещал жителям.

— Помню.

— И что будешь делать, если город будет взят силой?

Александр не сразу ответил.

— Я сделаю всё, чтобы наши люди не забывали, что перед ними живые люди. Но я не могу обещать того, что будет зависеть от каждого солдата в разгар штурма.

Парменион тяжело вздохнул.

— Тогда позаботься о том, чтобы приказ был ясен ещё до начала боя.

Александр кивнул.

Вечером он вновь вышел к морю.

Солнце опускалось за горизонт, окрашивая стены Тира в багровые оттенки. На башнях зажигались огни. Город готовился к новой ночи, не зная, сколько ещё таких ночей ему предстоит пережить.

Александр стоял на берегу и смотрел на остров.

Он не сомневался, что рано или поздно македонская армия войдёт в Тир. Но теперь ему предстояло решить, каким образом эта победа останется в памяти людей.

Великий город мог стать частью его державы, но его жители не должны были навсегда остаться лишь именами среди побеждённых.

Он ещё не знал, что осада затянется на долгие месяцы, что море станет полем ожесточённой борьбы, что македоняне понесут тяжёлые потери и что падение Тира будет сопровождаться трагическими событиями.

Но одна мысль уже не оставляла его:

Город можно завоевать силой. Но можно ли заставить его жителей признать в победителе человека, а не только хозяина их поражения?

Над морем сгущалась темнота. И Тир продолжал стоять.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
МОРЕ, КОТОРОЕ СТАЛО ДОРОГОЙ

Утро над Тиром началось с глухого грохота. На берегу работали македонские мастера, готовившие осадные машины, а у насыпи уже собирались подразделения, которым предстояло продолжить строительство. Море, ещё недавно отделявшее город от неприятеля, постепенно превращалось в пространство сражения.

Александр понимал, что осада потребует не только терпения, но и постоянного изменения тактики. Тиряне обладали хорошими кораблями, знали особенности местных течений и умели использовать преимущества островного положения. Простым наступлением с моря город было не взять.

На насыпи установили башни и разместили метательные машины. С берега доставляли камень, брёвна и инструменты. Рабочие укрепляли основание сооружения, стараясь защитить его от волн и вражеских атак.

Александр лично осматривал работы.

— Насколько далеко мы продвинулись? — спросил он у главного инженера.

— Уже значительно дальше первоначального участка, государь. Но чем ближе мы подходим к острову, тем глубже становится вода.

— А основание?

— Мы укрепляем его камнем и деревянными сваями. Если погода сохранится, продолжим строительство.

— А если тиряне снова нападут?

Инженер посмотрел на море.

— Тогда придётся защищать людей и сооружение одновременно.

Александр кивнул.

— Не забывайте, что насыпь строят люди, а не камни. Их нужно беречь.

Вскоре положение изменилось.

Тирские корабли вышли из гавани и направились к строительному участку. Они двигались быстро, используя внезапность и знание местности. Македоняне попытались организовать оборону, но часть сооружений оказалась повреждена.

Несколько башен загорелись. Пламя быстро охватило деревянные конструкции, а ветер разносил дым над водой. Люди пытались спасти инструменты и материалы, но атака была слишком стремительной.

Когда Александр прибыл к месту происшествия, он увидел, что значительная часть проделанной работы уничтожена.

Один из командиров подошёл к нему.

— Государь, мы потеряли много оборудования. Несколько десятков человек убиты или ранены.

— А тирские корабли?

— Вернулись в гавань.

Александр долго смотрел на горящие остатки башен.

— Они хорошо подготовились.

— Мы можем восстановить сооружения.

— Восстановим. Но в следующий раз не позволим им подойти так близко.

К нему приблизился Парменион.

— Теперь ты видишь, насколько трудно будет взять этот город.

— Вижу.

— Возможно, следует ещё раз предложить им переговоры.

Александр повернулся к нему.

— Мы уже предлагали.

— Но положение изменилось.

— Для них тоже. Они решили продолжать сопротивление.

Парменион не стал спорить. Он видел, что Александр воспринимает происходящее не только как военную задачу, но и как личный вызов.

В последующие недели к македонскому флоту присоединились новые корабли. Кипрские и финикийские союзники предоставили дополнительные силы. Теперь Александр мог действовать увереннее, перекрывая подходы к острову и препятствуя выходу тирских судов из гаваней.

Осадные работы возобновились.

Но защитники города не сдавались.

Они укрепляли стены, совершенствовали оборону и продолжали обстреливать македонские позиции. Иногда с башен летели камни, иногда стрелы, а иногда на воду спускали горящие суда, пытаясь уничтожить корабли противника.

Однажды вечером Гефестион пришёл к Александру.

— Тиряне снова атаковали северную часть флота.

— Сколько кораблей повреждено?

— Два. Один серьёзно.

— Наши люди?

— Есть раненые.

Александр подошёл к карте.

— Мы должны усилить охрану гаваней. И не позволять кораблям действовать поодиночке.

Гефестион некоторое время молчал, затем спросил:

— Ты когда-нибудь задумывался, почему этот город вызывает у тебя такое упорство?

Александр поднял голову.

— Потому что он важен.

— Только поэтому?

Александр задумался.

— Возможно, потому, что я не люблю оставлять незавершённые дела.

— А если дело не должно быть завершено именно так, как ты задумал?

Царь посмотрел на друга.

— Тогда придётся найти другой путь.

Гефестион улыбнулся.

— Хорошо, если ты действительно так считаешь.

В самом Тире положение становилось всё тяжелее.

Городские власти распределяли продовольствие, усиливали охрану стен и следили за порядком. Запасы были значительными, но длительная блокада постепенно начинала сказываться на жизни жителей.

На улицах стало меньше торговцев. Некоторые мастерские закрылись. Люди всё чаще собирались возле храмов, надеясь получить от жрецов утешение и предсказания.

В одном из домов жила семья ремесленника по имени Абдмилькат. Он занимался изготовлением бронзовых светильников и до начала осады торговал с купцами из разных стран. Теперь его мастерская почти не работала.

Его жена, Тамара, сидела у окна и слушала, как за стенами города раздаются звуки осадных машин.

— Они опять стреляют, — сказала она.

Абдмилькат подошёл к ней.

— Да.

— Сколько ещё это будет продолжаться?

— Пока одна сторона не уступит.

— А если никто не уступит?

Он не ответил.

Их маленький сын, сидевший на полу, поднял голову.

— Отец, а море всегда было таким шумным?

Мужчина посмотрел на ребёнка.

— Нет, сынок. Когда-то оно приносило в наш город корабли с товарами и путешественниками.

— А теперь?

— Теперь оно приносит войну.

Мальчик снова опустил голову к своей игрушке.

Тамара отвернулась к окну.

— Мы не должны были оказаться между двумя царями.

— Мы не выбирали эту войну, — тихо ответил муж. — Но теперь должны пережить её.

Тем временем македоняне продолжали подготовку к решающему штурму.

Осадные башни были восстановлены и укреплены. Метательные машины размещали на подходящих участках насыпи и на кораблях. Инженеры искали слабые места в оборонительных сооружениях Тира.

Александр внимательно изучал доклады.

Однажды к нему подошёл военный инженер.

— Государь, мы можем приблизить машины к северной стене. Там имеются участки, которые выглядят менее защищёнными.

— А с моря?

— Наши корабли будут поддерживать наступление. Но тиряне способны сосредоточить огонь на отдельных участках.

— Значит, нужно заставить их распределить силы.

Инженер кивнул.

— Мы можем организовать несколько ложных атак.

Александр задумался.

— Подготовьте всё необходимое. Но не начинайте штурм, пока я не получу полный доклад о готовности подразделений.

Инженер поклонился и вышел.

Вечером Александр снова прошёл по лагерю.

У одного из костров сидели несколько воинов. Они разговаривали о родине, вспоминали семьи, спорили о том, сколько ещё продлится поход.

— Говорят, после Тира мы пойдём в Египет, — сказал один.

— А после Египта?

— Кто знает? Может быть, дальше на восток.

— А домой когда?

Никто не ответил.

Александр остановился неподалёку. Он слышал их разговор, но не стал вмешиваться.

Один из воинов заметил царя и поднялся.

— Государь!

— Сиди. Я не пришёл проверять вашу службу.

Остальные неловко улыбнулись.

— Вы давно не были дома? — спросил Александр.

— Уже несколько лет.

— Скучаете?

— Конечно, государь. Но мы знали, куда отправляемся.

Александр присел возле костра.

— А если бы вы знали, сколько лет займёт этот поход, пошли бы?

Воины переглянулись.

Один из них ответил:

— Пошёл бы. Но, возможно, чаще думал бы о том, что оставил дома.

Александр посмотрел на огонь.

— Это справедливо.

Он поднялся и продолжил путь.

Ему всё чаще приходилось задумываться о том, что за пределами карты находятся не только новые земли, но и человеческие жизни, которые невозможно вернуть после одной неудачной битвы.

Наступил день, когда македонские корабли заняли позиции для нового наступления.

Море было неспокойным. Ветер усиливался, а волны ударяли о деревянные сооружения. Но подготовка продолжалась.

Тиряне заметили движение и начали занимать оборонительные позиции.

На стенах появились лучники, воины с копьями и защитники, вооружённые метательными орудиями. В гавани готовились корабли.

Александр наблюдал за происходящим с насыпи.

— Сегодня они поймут, что мы не собираемся уходить, — сказал один из военачальников.

— Они это поняли давно, — ответил Александр.

— Тогда пора закончить дело.

Царь посмотрел на стены.

— Пора.

Он отдал приказ начать подготовленные действия.

Осадные машины открыли огонь. Камни ударялись о стены, разрушая отдельные участки кладки. Корабли приблизились к острову, стараясь подавить сопротивление защитников.

Но тиряне отвечали.

Вода вокруг города наполнилась шумом, криками и грохотом. Стрелы летели с обеих сторон, корабли маневрировали между скалами и укреплениями, а на отдельных участках начиналась рукопашная борьба.

Македоняне пытались приблизиться к стенам, но защитники удерживали позиции.

Александр видел, как его люди сражаются, и понимал, что впереди ещё много тяжёлых часов.

Когда солнце начало опускаться, штурмующие подразделения отошли на исходные позиции.

Решающего прорыва не произошло.

Несколько кораблей получили повреждения, осадные машины нуждались в ремонте, а среди воинов снова были погибшие и раненые.

Парменион подошёл к Александру.

— Сегодня мы не добились того, чего хотели.

— Но узнали, какие участки обороны слабее.

— И сколько людей можем потерять при каждом новом штурме.

Александр посмотрел на город.

— Мы продолжим.

— Ты уверен?

— Да.

Парменион не стал возражать.

Поздно вечером Александр остался у моря один.

Он смотрел на огни Тира и слушал шум волн. Город не сдавался, и теперь его сопротивление становилось не только военной проблемой, но и испытанием воли.

Александр вспомнил разрушенные Фивы. Вспомнил Галикарнас, где победа не принесла ему полного спокойствия. Вспомнил семью Дария, которая оказалась в его власти после битвы при Иссе.

Он понимал, что история не будет судить его только по числу выигранных сражений. Люди запомнят и то, что он сделал после побед.

Но одно дело — размышлять о милосердии, находясь в безопасности собственного шатра, и совсем другое — сохранять его, когда твои солдаты погибают под стенами города, который не желает уступать.

Александр поднял глаза к звёздам. Впереди его ожидало самое тяжёлое испытание этой осады. Он ещё не знал, что тиряне сумеют нанести новый удар по македонскому флоту, что стены города будут разрушены и что после долгой борьбы наступит день, когда его воины ворвутся внутрь. И тогда вопрос о достоинстве побеждённых станет гораздо острее, чем прежде.

Потому что истинное лицо победителя открывается не тогда, когда он обещает милосердие, а тогда, когда получает возможность поступить иначе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Последний рубеж

Осада Тира продолжалась уже много месяцев. То, что вначале казалось Александру трудной, но вполне осуществимой военной задачей, постепенно превратилось в испытание, какого он прежде не знал. Город не просто сопротивлялся. Он словно бросил вызов самой мысли о том, что человеческая воля может быть сломлена одной лишь настойчивостью завоевателя.

Насыпь, соединявшая материк с островом, давно перестала быть временным сооружением. Она стала дорогой, по которой двигались люди, орудия и тяжёлые осадные машины. Однако море не желало мириться с тем, что его пространство отнимают у него. Волны размывали края насыпи, штормы разрушали укрепления, а тиряне, пользуясь каждой возможностью, совершали вылазки и наносили удары по македонским сооружениям.

Александр понимал, что одними осадными башнями город не взять. Теперь требовалось соединить давление с суши с полным господством на море.

К этому времени к нему присоединились корабли финикийских городов и Кипра. Их появление изменило положение. Тир, прежде уверенно чувствовавший себя среди морских путей, оказался перед угрозой блокады. Македонский флот постепенно занимал позиции, лишая защитников возможности свободно выходить из гавани и получать помощь извне.

Но даже это не заставило город капитулировать.

Однажды вечером Александр поднялся на возвышение, откуда открывался вид на остров. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая стены Тира в багровые тона. Над городом поднимался дым, а вдоль его укреплений двигались дозорные.

Рядом стояли Парменион и Гефестион.

— Они знают, что положение ухудшается, — заметил Парменион. — Их флот больше не может действовать так свободно, как прежде. Запасы не бесконечны. Рано или поздно они должны понять, что сопротивление становится бесполезным.

— А если не поймут? — спросил Александр.

— Тогда придётся закончить осаду силой.

Александр не сразу ответил.

— Иногда мне кажется, что мы уже давно перестали воевать с армией. Мы воюем с памятью этого города о собственной независимости.

— Для них это одно и то же, — сказал Парменион. — Если они откроют ворота, они признают поражение.

— А если мы войдём туда силой, что они будут помнить о нас?

Парменион посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Они будут помнить, что победитель оказался сильнее.

— Этого мне недостаточно.

— Но этого достаточно для победы, царь.

Гефестион, до сих пор молчавший, вмешался:

— Победа и память — разные вещи. Мы можем овладеть городом за один день, но не можем приказать его жителям считать нас освободителями.

Александр повернулся к нему.

— Ты думаешь, я этого не понимаю?

— Думаю, ты понимаешь лучше многих. Именно поэтому я и говорю об этом.

В тот вечер Александр ещё долго оставался у моря. Он видел огни на стенах и представлял себе людей, которые сейчас сидели в своих домах, прислушиваясь к далёким ударам осадных машин. Среди них были воины, старики, женщины и дети. Они не принимали решений на военных советах, не выбирали полководцев и не определяли судьбу государств, но именно им предстояло пережить последствия чужих решений.

В другой части города Абдмилькат чинил деревянную створку небольшого сундука. За последние месяцы его мастерская почти опустела. Заказов не было, торговля остановилась, а запасы дерева и металла приходилось беречь. Тамара сидела неподалёку, перебирая остатки сухих продуктов.

Их сын уже почти не задавал вопросов о том, когда закончится осада. Он научился различать звуки: глухой удар камнемёта, тревожный сигнал с башни, шум корабельных команд. Детство его постепенно превращалось в ожидание следующего обстрела.

— Сегодня снова говорили, что македоняне готовят новые машины, — произнесла Тамара.

— Они готовят их каждый день.

— А наши?

Абдилькат отложил инструмент.

— Наши тоже готовятся.

— Сколько ещё?

Он посмотрел на жену. Ответа у него не было.

— Ты ведь понимаешь, что город не может сопротивляться бесконечно?

— Понимаю.

— Тогда почему ты не скажешь это нашим старейшинам?

— Потому что они и без меня знают. Но признать это вслух для них означает признать, что всё, чем жил Тир, может исчезнуть.

Тамара некоторое время молчала, затем спросила:

— А что будет с нами, если стены падут?

Абдильмилкат осторожно закрыл сундук.

— Я постараюсь, чтобы ты и мальчик остались рядом со мной.

— Ты не можешь этого обещать.

— Нет, — тихо ответил он. — Не могу.

Впервые за долгое время Тамара не стала возражать. Она только придвинулась ближе к сыну, который уснул, положив голову ей на колени.

Тем временем македонские инженеры продолжали искать слабые места в обороне острова. Осадные машины на насыпи наносили удары по укреплениям, а корабли, оснащённые таранами и другими средствами разрушения, приближались к стенам с моря. Тиряне отвечали камнями, горящими снарядами и отчаянными вылазками.

Несколько раз им удавалось повредить осадные сооружения. Однажды защитники направили против македонских кораблей горящие суда, надеясь вызвать пожар среди стоявших на якоре кораблей. Македоняне сумели предотвратить катастрофу, но потери были значительными.

Александр внимательно следил за происходящим. Он уже не мог позволить себе недооценивать противника. Тиряне защищались не только стенами, но и знанием моря, ветров и особенностей собственного города.

— Они используют каждую нашу ошибку, — доложил один из военачальников.

— Значит, не будем давать им таких возможностей.

— Мы можем усилить обстрел и попытаться разрушить стену с насыпи.

— А с моря?

— Там стена также подвергается ударам. Но нам потребуется согласовать действия кораблей и осадных машин.

Александр посмотрел на карту.

— Сделайте это. Я хочу, чтобы удары с разных направлений были согласованы. Нельзя позволить защитникам сосредоточить все силы на одном участке.

Парменион одобрительно кивнул.

— Это приблизит конец осады.

— Или начало самого тяжёлого дня, — ответил Александр.

На следующий день он вновь собрал военачальников.

Разговор был коротким, но решения, принятые на нём, определяли судьбу тысяч людей.

— Город должен быть взят, — сказал Парменион. — Мы не можем оставлять за спиной крепость, которая контролирует морские пути и способна угрожать нашим сообщениям.

— Я знаю.

— Тогда медлить больше нельзя.

Александр поднялся из-за стола.

— Передайте защитникам последнее требование о сдаче. Пусть они поймут, что дальнейшее сопротивление не изменит исхода.

— А если откажутся?

Александр посмотрел в сторону моря.

— Тогда начнётся штурм.

Гефестион задержался после совета.

— Ты ещё можешь остановить всё это, — произнёс он.

— И оставить Тир в тылу?

— Я говорю не о военной карте.

Александр устало посмотрел на друга.

— Я тоже не о ней думаю.

— Тогда о чём?

— О том, что всякий раз, когда я принимаю решение, его последствия оказываются тяжелее, чем я представлял. Сначала кажется, что достаточно победить армию, затем приходится брать города, потом удерживать их, потом отвечать за тех, кто в них живёт. И всё это называется властью.

— Власть не может избавить человека от ответственности.

— Именно это начинает меня беспокоить.

Гефестион ничего не ответил. Он знал, что иногда лучший способ поддержать друга — не пытаться немедленно утешить его.

Тиряне отвергли требование о сдаче.

Для них капитуляция означала не только поражение в войне, но и конец прежнего порядка жизни. Они боялись утратить независимость, богатство, храмы, торговые связи и

право самим распоряжаться судьбой своего города. Некоторые из защитников были готовы умереть, лишь бы не увидеть македонян хозяевами на улицах Тира.

Их решимость была понятна, хотя её цена становилась всё страшнее.

Вскоре македонские корабли заняли позиции у стен. Осадные машины приблизились к наиболее уязвимым участкам укреплений. С суши и с моря одновременно началась подготовка к решающему удару.

Александр наблюдал за приготовлениями с командного корабля. Ветер приносил запах смолы, дыма и морской соли. Внизу моряки проверяли снасти, воины надевали доспехи, командиры передавали последние распоряжения.

К нему подошёл Клит Чёрный.

— Люди готовы, — сказал он. — Они ждут приказа.

— Они знают, что их ждёт?

— Каждый понимает, что штурм будет тяжёлым.

— А жители города?

Клит нахмурился.

— Если они не хотят открывать ворота, мы не можем заставить их полюбить нас.

— Я не спрашивал, полюбят ли они нас.

— Тогда я не понимаю, чего ты хочешь услышать.

Александр некоторое время смотрел на стены.

— Хочу знать, сумеем ли мы остановиться там, где победа уже достигнута.

Клит ответил не сразу.

— Это будет зависеть от тебя, царь. И от тех приказов, которые ты отдашь.

Александр повернулся к нему.

— Значит, запомни этот разговор.

В этот момент с одного из кораблей подали сигнал. Осадные машины начали движение. Огромные деревянные конструкции медленно приближались к стенам, раскачиваясь на волнах. Камни ударяли в укрепления, оставляя глубокие выбоины. Воины на башнях Тира отвечали огнём.

Вскоре один из участков стены содрогнулся под очередным ударом. Над ним поднялось облако пыли. Защитники бросились укреплять повреждённое место, но македонские инженеры уже определили, где следует сосредоточить дальнейшие усилия.

Александр поднял руку, отдавая приказ продолжать. Он знал, что отступать теперь будет значительно труднее, чем наступать. Но ещё не знал, какой ценой обойдётся окончание этой войны.

За стенами Тира Тамара услышала первый особенно сильный удар и крепче прижала к себе сына. Абдильмилкат вышел на улицу. Над крышами поднималась пыль, а люди спешили укрыться в домах и подземных помещениях.

Он посмотрел на стены, которые столько поколений считали неприступными, и впервые подумал, что город может погибнуть не потому, что его жители перестали быть мужественными, а потому, что мужество не всегда способно остановить историю.

К вечеру обстрел не прекратился. На одном из участков укрепления появилась брешь, пока ещё недостаточная для свободного прохода войск. Но теперь защитники понимали: решающий момент близок.

Александр стоял на палубе, глядя на повреждённую стену. Он добился того, чего хотел: море перестало быть преградой, а Тир больше не мог считать себя недосягаемым. Но победа ещё не принадлежала ему.

Впереди был штурм — и вместе с ним испытание, которое покажет не только силу македонского оружия, но и пределы власти самого Александра. Он мог приказать своим воинам идти вперёд. Мог заставить стены рухнуть. Мог овладеть городом. Но мог ли он после этого

сохранить в себе человека, ради которого когда-то учился у Аристотеля отличать силу от справедливости?

Ответа пока не было. И море продолжало биться о стены Тира.

К вечеру обстрел не прекратился. На одном из участков укрепления появилась брешь, пока ещё недостаточная для свободного прохода войск. Но теперь защитники понимали: решающий момент близок.

Александр стоял на палубе, глядя на повреждённую стену. Он добился того, чего хотел: море перестало быть преградой, а Тир больше не мог считать себя недосягаемым. Но победа ещё не принадлежала ему.

Впереди был штурм — и вместе с ним испытание, которое покажет не только силу македонского оружия, но и пределы власти самого Александра. Он мог приказать своим воинам идти вперёд. Мог заставить стены рухнуть. Мог овладеть городом. Но мог ли он после этого сохранить в себе человека, ради которого когда-то учился у Аристотеля отличать силу от справедливости?

Ответа пока не было. И море продолжало биться о стены Тира.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Город, заплативший за сопротивление

Утро началось с шума, от которого содрогнулись даже те дома, что находились далеко от городских стен. Тяжёлый камень, выпущенный из осадной машины, ударил в повреждённую кладку, и над Тиром поднялось облако пыли. Через мгновение раздались новые удары, а затем тревожные крики защитников. Люди, ночевавшие в подвалах и внутренних помещениях домов, поднялись с земли, словно уже давно не спали, а только ждали этого звука.

Тамара проснулась оттого, что сын крепко сжал её руку. Мальчик лежал рядом, укрывшись старым плащом, и смотрел на неё широко раскрытыми глазами.

— Мама, они уже вошли?

— Нет, мой хороший. Пока нет.

— А когда войдут?

Тамара хотела ответить, что этого не случится, что стены Тира выдержат, что отец вернётся и всё снова станет как прежде. Но слова застряли у неё в горле. Она только поправила сыну волосы и поцеловала его в лоб.

Абдильмилкат стоял у узкого окна. За последние дни он почти не выходил из дома, но теперь понимал, что оставаться в стороне больше невозможно. На соседней улице несколько мужчин пытались перенести раненого старика в укрытие. Один из них звал на помощь, другой оглядывался на стену, над которой уже поднимался дым.

— Я должен посмотреть, что там происходит, — сказал Абдильмилкат.

— Ты обещал не уходить, — напомнила Тамара.

— Я вернусь.

— Ты уже говорил это вчера.

Он подошёл к ней и опустился на колено перед сыном.

— Слушайся маму. Что бы ни случилось, не выходи на улицу.

Мальчик кивнул, стараясь выглядеть взрослым.

Абдильмилкат задержал взгляд на жене. Ему хотелось сказать что-нибудь ободряющее, но он вдруг понял, насколько бессильными стали привычные слова. Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

На улице люди двигались быстро, почти не разговаривая. Одни несли воду, другие искали родственников, третьи помогали раненым. Над крышами поднимался дым, и где-то совсем близко слышался грохот рушившихся камней.

Абдильмилкат добрался до перекрёстка, откуда ещё можно было увидеть часть городской стены. Там уже собрались защитники. Среди них он узнал молодого соседа, сына рыбака, который когда-то приносил ему морскую рыбу в обмен на починку инструментов.

— Что происходит? — спросил Абдильмилкат.

— Они пробили стену.

— Где?

— Со стороны моря. Говорят, уже несколько отрядов пытаются проникнуть внутрь.

Молодой человек говорил спокойно, но пальцы его дрожали. Он был вооружён коротким мечом и небольшим щитом, который, судя по всему, держал в руках впервые.

— Ты ведь не воин, — сказал Абдильмилкат.

— Теперь это уже не имеет значения.

Он произнёс эти слова без бравады, и именно поэтому они прозвучали особенно тяжело.

На море всё решалось быстрее, чем в городе могли представить его жители. Македонские корабли приблизились к укреплениям, а воины, ожидавшие приказа, уже готовились к высадке. Среди них находился Александр. Он стоял на палубе, не сводя глаз с пролома в стене.

Рядом находился Гефестион.

— Наши уже закрепились у прохода, — сказал он. — Ещё немного, и мы сможем расширить прорыв.

Александр молча кивнул.

— Ты уверен, что хочешь идти первым?

— Я не собираюсь отправлять людей туда, куда сам не готов войти.

— Это не ответ на мой вопрос.

Александр повернулся к другу.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Но сейчас уже поздно возвращаться к началу осады.

— Иногда человек должен подумать не только о том, как закончить начатое, но и о том, что останется после него.

— Ты повторяешь мои собственные мысли, Гефестион.

— Значит, ты их слышишь.

Александр едва заметно улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. Впереди находился город, который семь месяцев отказывался признать его власть. Он уважал стойкость тирян, хотя понимал, что теперь эта стойкость обернётся страшными последствиями для обеих сторон.

Прозвучал сигнал. Корабли двинулись вперёд.

Александр ступил на берег вместе с передовыми отрядами. Вскоре его окружили воины, а с улиц донеслись крики и звон оружия. Начался бой, которого ждали так долго, что некоторые уже перестали верить в его близость.

Первое столкновение произошло у пролома. Защитники заняли позиции за обломками стены, используя каждую груду камней как укрытие. Македоняне пытались расширить проход, но тиряне не отступали. Они понимали, что потеря этого участка означает начало конца.

Абдильмилкат увидел их издалека. Он узнал одного из защитников, пожилого мужчину, который прежде торговал тканями на площади. Тот стоял рядом с молодыми воинами и что-то кричал, указывая мечом на приближавшихся македонян.

Абдильмилкат вдруг вспомнил, как несколько лет назад они вместе спорили о цене пурпурной ткани, смеялись над неудачной сделкой и обещали однажды выпить вина после окончания торгового сезона. Теперь этот человек держал оружие, словно вся его прежняя жизнь была забыта.

— Уходи отсюда! — крикнул ему кто-то.

Абдильмилкат обернулся. Это был молодой сосед, тот самый сын рыбака.

— Здесь нельзя оставаться!

— А ты куда?

— К защитникам.

— Ты ведь можешь погибнуть!

— А ты думаешь, они оставят нас в покое, если мы спрячемся?

Он не стал ждать ответа и побежал к пролому.

Абдильмилкат ещё несколько мгновений стоял на месте, затем повернул обратно. Он не был воином. У него не было ни опыта, ни желания погибнуть в чужой схватке. Но теперь он знал, что должен вернуться к Тамаре и сыну, пока ещё может это сделать.

Когда он добрался до дома, улица уже изменилась. Несколько дверей были выбиты, на мостовой лежали обломки, а из соседнего здания доносился плач женщины. Он вбежал внутрь и увидел Тамару, которая держала сына на руках.

— Ты вернулся!

Она произнесла это так, будто сама не верила собственным словам.

— Собирайтесь. Мы должны найти другое укрытие.

— Куда идти?

— Не знаю. Но здесь оставаться нельзя.

Он взял сына за руку. Мальчик прижался к нему и тихо спросил:

— Папа, мы проиграли?

Абдильмилкат остановился.

— Не знаю, сынок. Но сейчас нам нужно остаться вместе.

К середине дня македоняне овладели проломом и проникли в город. Сопротивление продолжалось на улицах, возле общественных зданий и в отдельных укреплённых местах. Тиряне сражались упорно, но теперь уже не могли восстановить единую оборону.

Александр двигался вместе со своими воинами. Он видел лица людей, которые ещё недавно были уверены в неприступности своего города. Теперь в их глазах смешались ярость, отчаяние и страх. Некоторые продолжали сражаться, другие бросали оружие, пытаясь спастись.

Один из македонских воинов остановился перед пожилым тирянином, державшим в руках сломанное копьё. Старик уже не мог поднять оружие, но всё ещё стоял посреди улицы.

— Брось его! — крикнул македонянин.

Старик посмотрел на него и медленно опустил копьё.

— Я уже слишком стар, чтобы бежать, — сказал он на греческом.

Воин не понял, что ответить. Он опустил меч и прошёл мимо.

Александр заметил эту сцену, но не остановился. Впереди ещё продолжался бой, и он должен был руководить войсками. Однако образ старика остался у него в памяти.

К вечеру сопротивление было окончательно сломлено. Тир пал.

Но с окончанием боя не пришло спокойствие. Воины, потерявшие товарищей и пережившие долгую осаду, оказались в городе, который теперь не мог защитить себя. Начались грабежи и расправы. Приказы о прекращении беспорядков не сразу достигали всех подразделений, а там, где они доходили, не всегда исполнялись.

Александр был разгневан. Он требовал порядка, но понимал, что не все последствия можно остановить одним распоряжением. В ходе расправ часть защитников была казнена, многие жители оказались проданы в рабство. Такова была жестокая действительность древней войны, и никакие победные речи не могли сделать её менее страшной.

Когда к Александру привели группу пленных, среди которых находились женщины и старики, он приказал выяснить, кто из них принимал участие в обороне, а кто оказался среди защитников по необходимости. Но даже такое разделение не могло спасти всех. Судьбы людей решались в условиях, когда страх, месть и военная дисциплина переплетались самым опасным образом.

Гефестион нашёл Александра возле разрушенной колоннады. Царь сидел на каменном выступе и смотрел на улицу, по которой медленно проходили македонские воины.

— Ты давно здесь? — спросил Гефестион.

— Не знаю.

— Основные очаги сопротивления подавлены.

— Значит, город наш.

Гефестион сел рядом.

— Ты добился своего.

Александр посмотрел на него.

— Почему все говорят мне об этом так, словно я должен радоваться?

— Потому что ты победил.

— А если победа выглядит именно так, чего стоит наша радость?

Гефестион не стал отвечать. Он знал, что Александр не ждёт от него утешения.

— Я помню Галикарнас, — продолжил царь. — Помню Аду, которая говорила мне, что нельзя окружать себя людьми, способными произносить только приятные слова. Помню Сарды, Эфес, Фивы. Каждый город встречал нас по-своему. И каждый раз я убеждал себя, что знаю, как поступить правильно.

— Но теперь ты сомневаешься?

— Теперь я вижу, что правильное решение на карте не всегда оказывается правильным для человека, который живёт за стенами.

Гефестион посмотрел на разрушенные дома.

— Ты не мог позволить Тиру бесконечно угрожать твоему походу.

— Возможно. Но разве необходимость победить освобождает меня от ответственности за то, что произошло после победы?

Гефестион покачал головой.

— Нет. Не освобождает.

Александр поднялся и направился к выходу из колоннады.

— Тогда не будем делать вид, будто сегодня произошло только военное событие.

Абдильмилкату и его семье удалось укрыться в одном из помещений, где собрались другие жители. Там было тесно, душно и почти не осталось воды. Люди говорили шёпотом, стараясь не привлекать внимания. Время от времени кто-нибудь спрашивал, не видел ли другой его родственника, но ответы чаще всего были отрицательными.

Тамара сидела рядом с сыном. Мальчик уже не плакал. Он смотрел на отца, который стоял у входа, прислушиваясь к звукам снаружи.

— Мы вернёмся домой? — спросил он.

Абдильмилкат подошёл и сел рядом.

— Когда-нибудь, возможно.

— А мастерская?

Отец погладил его по голове.

— Мастерскую можно построить заново.

— А наш дом?

— И дом тоже.

Мальчик задумался.

— А город?

Абдильмилкат не сразу ответил. Он посмотрел на Тамару, затем на сына.

— Город — это не только стены, сынок. Пока мы помним друг друга и не забываем, кем были, у нас ещё остаётся то, что нельзя отнять одним ударом.

Тамара опустила глаза. Она понимала, что муж пытается поддержать ребёнка, но в его словах было и то, во что он сам отчаянно хотел верить.

В ту ночь Тир не спал. Где-то ещё продолжались поиски уцелевших, звучали команды, плакали дети. В храмах молились о погибших, а в домах, уцелевших после штурма, люди пыта-

лись понять, что ждёт их завтра. Прежняя жизнь закончилась, и никто не знал, удастся ли когда-нибудь вернуть хотя бы её часть.

Александр тоже не спал. Он вспоминал слова Аристотеля о мере, справедливости и ответственности, но теперь эти слова не складывались в стройную философскую систему. Перед его глазами стояли люди, которых он никогда не знал, и судьбы, о которых уже не мог ничего изменить. Он понимал, что Тир был важной военной целью, что его падение открывало путь дальнейшему походу и лишало персов сильной морской опоры. Но военная необходимость не превращала человеческие страдания в нечто несущественное.

На рассвете Александр вышел к морю. Вода казалась такой же спокойной, как в тот день, когда он впервые увидел островной город. Только теперь на берегу лежали обломки кораблей, а над стенами поднимался дым. Море, которое столько месяцев было дорогой к победе, снова стало просто морем, равнодушным к тому, кто оказался сильнее и кому досталась земля.

Александр долго смотрел на горизонт. Он не отказался от своего пути и не перестал верить в предназначение, которое сам себе определил. Впереди оставались Египет, Вавилон и дальние земли, о которых он слышал ещё мальчиком. Но после Тира он уже не мог считать завоевание города только завершением военной задачи. За каждой победой оставались люди, и их память могла оказаться гораздо долговечнее стен, которые сегодня рухнули под ударами его машин.

Он повернулся к сопровождавшим его воинам и приказал готовить дальнейший поход. Тир был взят, и армия должна была двигаться дальше. Однако в памяти Александра этот город остался не только символом его упорства и военного мастерства, но и напоминанием о том, что человек, получивший возможность распоряжаться судьбами других, никогда не должен забывать о цене собственных решений.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Последняя крепость перед Египтом

После падения Тира Александр не сразу покинул город. Армии требовалось время, чтобы привести в порядок корабли, пополнить запасы и подготовить дальнейшее движение. Воины отдыхали после многомесячной осады, командиры получали новые распоряжения, а корабли, ещё недавно участвовавшие в штурме, постепенно возвращались к обычной службе. Но для жителей Тира время словно остановилось. Они просыпались в городе, который уже не принадлежал им, и каждый новый день приносил очередное подтверждение того, что прежняя жизнь осталась в прошлом.

Александр несколько раз выходил к морю. Он видел, как македонские моряки поднимают паруса, как купцы пытаются договориться с новыми властями, как в гавани появляются суда из других городов. Торговля постепенно возвращалась, но прежнего оживления ещё не было. Люди говорили осторожно, словно боялись, что даже обычный разговор может навлечь на них неприятности.

Однажды, проходя по одной из улиц, Александр заметил пожилого человека, который пытался поднять с земли деревянную балку. Рядом лежали обломки двери и несколько уцелевших досок. Человек был худым, с седой бородой и руками, испещрёнными следами многолетнего труда.

— Что ты делаешь? — спросил Александр.

Старик выпрямился, с трудом переводя дыхание.

— Ищу то, что ещё можно использовать.

— Для чего?

— Чтобы построить дверь. В моём доме больше нет двери.

Александр посмотрел на обломки.

— У тебя есть семья?

— Была. Жена умерла несколько лет назад. Сыновья погибли во время осады.

Старик произнёс это без слёз, будто уже израсходовал их все.

— Ты был среди защитников?

— Нет. Я всю жизнь строил корабли. Война никогда не была моим ремеслом.

— Тогда почему ты остался?

Старик посмотрел на него с недоумением.

— Куда мне было уходить, царь? Мои руки умеют работать только здесь.

Александр не нашёлся с ответом. Он хотел спросить ещё о чём-то, но старик снова нагнулся к балке, показывая, что разговор окончен. Царь пошёл дальше, а Гефестион, следовавший за ним, заметил:

— Ты всё чаще останавливаешься возле таких людей.

— Потому что раньше я проходил мимо них.

— Теперь замечаешь?

— Теперь знаю, что они существуют.

Гефестион не стал продолжать разговор. Он понимал, что в этих словах было больше, чем могло показаться на первый взгляд.

Вскоре армия выступила на юг. Александр стремился овладеть побережьем, чтобы окончательно лишить персидские силы возможности использовать восточные гавани Средиземного моря. После Тира следующим серьёзным препятствием стала Газа — древний город, расположенный на важном торговом и военном пути между Сирией и Египтом.

О нём Александр слышал ещё до начала похода. Газа была окружена мощными укреплениями и занимала выгодное положение. Её гарнизон не собирался добровольно открывать ворота. Командовал обороной персидский военачальник Бетис, человек, которому было поручено удержать город любой ценой.

Когда македонская армия приблизилась к Газе, Александр осмотрел стены и окружающую местность.

— После Тира они должны понимать, что сопротивление бесполезно, — заметил один из командиров.

— Не всякий человек делает выводы из чужого поражения, — ответил Парменион. — Иногда чужая гибель только укрепляет решимость тех, кто ещё не проиграл.

Александр посмотрел на город.

— А иногда человек предпочитает погибнуть, лишь бы не признать поражение.

— Что ты предлагаешь?

— Сначала потребуем сдачи. Если откажутся, будем действовать.

Посланники отправились к стенам, но ответ оказался отрицательным. Бетис не намеревался капитулировать. Он считал, что Газа должна удержать южный путь и не позволить македонянам беспрепятственно войти в Египет.

Началась новая осада.

Воины, ещё не успевшие забыть Тир, встретили её без прежнего энтузиазма. Им казалось, что впереди снова долгие недели тяжёлой работы, обстрелов и потерь. Некоторые уже открыто говорили, что каждый следующий город будет стоить им всё больше сил.

— Мы только что взяли Тир, — сказал однажды Клит Чёрный. — И снова должны начинать всё сначала.

— Не сначала, — возразил Александр. — Теперь мы знаем, что нас ждёт.

— Знать и пережить — разные вещи.

— Согласен. Поэтому я не собираюсь торопить события.

Гефестион, стоявший рядом, усмехнулся:

— Ты говоришь это после того, как столько месяцев торопил судьбу Тира.

Александр посмотрел на него.

— Иногда ты слишком хорошо помнишь мои слова.

— Для этого и нужны друзья.

Газа оказалась труднее, чем предполагали некоторые македонские военачальники. Город стоял на возвышенности, и осадные сооружения приходилось возводить с большими усилиями. Защитники не ограничивались пассивной обороной: они совершали вылазки, обстреливали македонские позиции и старались разрушить то, что противник строил днём и ночью.

Однажды во время очередной атаки Александр оказался в опасной близости от стены. Защитники сумели нанести удар, и царь получил тяжёлое ранение. Войско охватило беспокойство, когда его унесли с поля боя.

Гефестион находился неподалёку и первым добрался до Александра.

— Ты слышишь меня?

— К сожалению, да, — с трудом ответил царь.

— Не шути сейчас.

— А когда мне ещё шутить, если не тогда, когда вы все решили, что я уже умер?

Гефестион с облегчением выдохнул, хотя лицо его оставалось напряжённым.

— Ты мог погибнуть.

— Но не погиб.

— Ты всегда находишь простые ответы на сложные вопросы.

Александр попытался приподняться, но боль заставила его снова лечь.

— Как там наши?

— Держатся. Парменион принял командование.

— Передай ему, чтобы не предпринимал необдуманных действий.

— Сначала позволь врачам заняться тобой.

Александр закрыл глаза. Впервые за долгое время он оказался в положении человека, который не мог немедленно исправить происходящее собственным приказом. Его тело требовало покоя, а война продолжалась независимо от его желания.

Несколько дней он восстанавливался. Гефестион часто приходил к нему, приносил новости и рассказывал о происходящем в лагере. Иногда они говорили о военных делах, иногда вспоминали Македонию, детство и годы, проведённые рядом с Аристотелем.

— Помнишь, как он заставлял нас спорить о природе мужества? — спросил однажды Александр.

— Помню. Ты тогда утверждал, что мужество — это отсутствие страха.

— А он говорил, что человек, который ничего не боится, может оказаться просто безрассудным.

— Кажется, теперь ты понимаешь его лучше.

Александр улыбнулся.

— Не уверен, что он одобрил бы некоторые мои поступки.

— Он не обязан был одобрять всё, что ты делаешь.

— Вот поэтому я иногда скучаю по нему.

Когда Александр вернулся к командованию, осада уже достигла решающего этапа. Македонские инженеры продолжали укреплять осадные сооружения, а воины готовились к новому штурму. Защитники Газы понимали, что их возможности сокращаются, но Бетис не соглашался прекращать сопротивление.

Александр снова осмотрел стены. Он помнил Тир и не хотел повторения беспорядков, которые последовали за его падением. Однако теперь он был полон решимости закончить осаду и открыть путь в Египет.

Штурм оказался жестоким. Македоняне сумели проникнуть за укрепления, и сражение переместилось на улицы города. Защитники сопротивлялись до последнего, но силы были неравны. Газа пала.

Бетис оказался в плену. По некоторым античным рассказам, он был доставлен к Александру, но даже после поражения не пожелал унижаться перед победителем. Он сохранял молчание и не отвечал на вопросы. Его поведение вызвало гнев Александра, который ожидал хотя бы признания того, что исход борьбы решён.

В дальнейшем античная традиция сохранила рассказ о жестокой расправе над пленным военачальником. Подробности этого эпизода передаются источниками по-разному, поэтому трудно отделить достоверную основу от позднейших драматических описаний. Но сам факт сурового обращения с Бетисом стал частью рассказов о характере Александра и его реакции на сопротивление противника.

Весть о падении Газы быстро распространилась среди македонян. Для армии это означало, что дорога на Египет открыта. Однако сам Александр не торопился устраивать торжество. После осады он был занят распоряжениями, связанными с дальнейшим движением войск, и несколько раз возвращался к разговору о том, как следует обращаться с населением покорённого города.

Однажды вечером Гефестион застал его за изучением карты.

— Ты уже думаешь о Египте?

— Да. Там нас ждёт совсем другая страна.

— Ты надеешься, что египтяне встретят нас иначе, чем жители Тира и Газы?

— Надеюсь, что они хотя бы дадут нам возможность узнать, чего хотят сами.

— А если не дадут?

Александр поднял глаза.

— Тогда будем решать по обстоятельствам.

— Ты стал осторожнее.

— Я стал старше, Гефестион.

— Тебе всего двадцать четыре.

— Иногда мне кажется, что за последние годы я прожил несколько жизней.

Гефестион посмотрел на него и впервые за долгое время не нашёл шутки, которая могла бы разрядить разговор.

В Египет македонская армия вошла в 332 году до нашей эры. Персидская власть там была непопулярна, и сопротивление оказалось значительно слабее, чем в Тире и Газе. Местные представители власти не стремились повторять судьбу тех, кто решил защищаться до последнего. Египтяне встречали македонян с надеждой на перемены, хотя далеко не все понимали, что принесёт им появление нового правителя.

Для Александра эта страна была особенной. С детства он слышал о её древних царях, храмах, священных обрядах и мудрости жрецов. Египет существовал задолго до Македонии, Персии и многих государств, названия которых он встречал в рассказах учителей. Здесь время измерялось не только годами царствования, но и памятью целых тысячелетий.

Когда македоняне приблизились к Мемфису, Александр впервые увидел огромные каменные сооружения, возвышавшиеся над землёй словно памятники людям, давно покинувшим этот мир. Он остановился и долго смотрел на них.

— Ты видел такое прежде? — спросил Гефестион.

— Нет.

— Говорят, этим сооружениям уже много веков.

— Значит, они стояли здесь задолго до рождения моего отца.

— И, возможно, простоят после нас.

Александр не ответил. Он продолжал смотреть на древние камни, и ему вдруг стало интересно, о чём думали люди, которые строили их. Верили ли они, что их цари будут жить вечно? Надеялись ли, что камень сохранит память о них, когда исчезнут все, кто знал их при жизни?

— Кто строил их? — спросил он сопровождавшего их египетского жреца.

— Наши предки, царь.

— Зачем?

Жрец внимательно посмотрел на Александра.

— Чтобы сохранить память о тех, кто правил, и подготовить им вечность.

— И сохранили?

— Камни сохранились. Люди ушли.

Александр перевёл взгляд на пирамиды.

— Значит, камни оказались долговечнее царей.

Жрец слегка улыбнулся.

— Но камни не помнят, кем были цари. Память сохраняют живые.

Эти слова заинтересовали Александра. Он ещё не знал, насколько важным станет для него пребывание в Египте. Впереди были древние храмы, встречи с жрецами, путешествие к оракулу Амона в оазисе Сива и основание города, которому предстояло носить его имя. Но уже теперь он чувствовал, что оказался в стране, где величие измерялось не только завоёванными территориями.

Вечером он долго беседовал с Гефестионом о том, почему одни народы стремятся оставить после себя памятники, другие — законы, а третьи — рассказы о своих предках.

— А что останется после нас? — спросил Гефестион.

Александр посмотрел на огни за пределами лагеря.

— Пока не знаю. Мы ещё слишком заняты тем, чтобы создавать то, что однажды придётся оценить другим.

Он произнёс это спокойно, без прежней юношеской уверенности в том, что слава сама по себе является достаточным ответом на все вопросы. Египет впервые заставил его почувствовать масштаб времени, перед которым даже самая могущественная армия казалась лишь кратким эпизодом. И, возможно, именно здесь, среди памятников исчезнувшим царям, в нём постепенно начинало созревать то самое осознание, которое однажды окажется сильнее желания обладать целым миром.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Земля, помнившая вечность

Египет встретил Александра не шумом сражений и не тревожными сигналами военных труб, а непривычным для его армии спокойствием. После долгих месяцев похода, когда каждый новый день приносил очередное испытание, эта страна казалась почти нереальной. По дорогам двигались торговцы, вдоль каналов работали земледельцы, на берегах Нила сушились сети рыбаков, а над поселениями поднимался дым от домашних очагов. Жизнь здесь продолжалась так, словно где-то далеко не происходила большая война, изменявшая судьбы целых царств.

Александр наблюдал за всем с любопытством человека, который впервые оказался в стране, не похожей ни на одну из тех, что ему доводилось видеть. Его удивляли не только огромные храмы и древние памятники, но и сама повседневная жизнь египтян. Он замечал, с каким уважением крестьяне относились к реке, как внимательно следили за её разливами, как бережно распределяли воду и как многое в их существовании зависело от природного ритма, который не подчинялся ни царским приказам, ни военным распоряжениям.

Однажды, во время прогулки неподалёку от Мемфиса, Александр задержался возле группы земледельцев. Один из них, пожилой человек с обветренным лицом, пытался поправить деревянное приспособление для подъёма воды. Молодой работник помогал ему, но дело двигалось медленно.

— Почему вы не попросите мастера сделать новое? — спросил Александр через переводчика.

Старик поднял голову и некоторое время рассматривал незнакомца в богатой одежде.

— Новое сделать можно, царь. Но старое ещё служит. Зачем выбрасывать то, что можно починить?

Александр улыбнулся.

— А если оно сломается окончательно?

— Тогда сделаем другое. Но пока оно работает, мы должны беречь его.

Эти простые слова напомнили ему недавний разговор с Аристотелем, хотя учитель говорил о совершенно иных вещах. В памяти возникла давняя мысль о том, что разумный человек не должен уничтожать полезное только потому, что способен приобрести новое.

— Ты всю жизнь работаешь на этой земле? — спросил Александр.

— Сколько себя помню. Мой отец работал здесь, его отец тоже. Земля пережила нас всех, а река каждый год возвращается.

— И ты никогда не хотел уехать?

Старик посмотрел на Нил.

— Куда? Здесь похоронены мои родители. Здесь родились мои дети. Здесь я знаю каждый поворот воды и каждое дерево. Разве можно назвать чужой землю, которая хранит память о твоей семье?

Александр поблагодарил его и продолжил путь. Разговор оказался коротким, но он ещё долго вспоминал этого человека. Воины, сопровождавшие царя, привыкли слышать рассуждения о победах, богатстве и славе. Здесь же старик говорил о совсем другом богатстве — о земле, которую не нужно завоёвывать, чтобы считать своей.

В Мемфисе Александра встретили представители местной знати и жрецы. Персидская власть ослабла, и многие египтяне воспринимали приход македонян как возможность избавиться от чужеземного управления. Александр старался не нарушать привычных обычаев страны. Он посетил святилища, принёс жертвы египетским богам и распорядился восстановить некоторые религиозные привилегии, которые прежде были ограничены персидскими правителями.

Однажды после церемонии к нему подошёл пожилой жрец. Его звали Пахери, и, судя по уважению, с которым к нему обращались окружающие, он пользовался большим авторитетом среди служителей храма.

— Царь, — произнёс он через переводчика, — ты пришёл из далёкой страны и теперь распоряжаешься судьбой Египта. Скажи, что ты намерен сделать с нашей землёй?

— Я намерен сохранить её порядок и обеспечить безопасность, — ответил Александр.

Жрец внимательно посмотрел на него.

— Многие правители обещали это прежде.

— И не все сдержали обещания.

— Тогда почему мы должны верить тебе?

Александр не обиделся на прямоту вопроса. Напротив, в его голосе появилась заинтересованность.

— Не должны. Время покажет, достоин ли я доверия.

Старик слегка склонил голову.

— Хороший ответ. Обычно правители требуют веры прежде, чем совершат что-нибудь достойное её.

Александр улыбнулся.

— А ты всегда так разговариваешь с царями?

— Только с теми, кто задаёт вопросы и способен выслушать ответы.

Гефестион, стоявший неподалёку, едва заметно улыбнулся. Он уже привык к тому, что Александр нередко находил собеседников среди людей, которые не боялись говорить ему неприятные вещи.

— Скажи мне, Пахери, — продолжил царь, — почему ваши предки возводили такие огромные храмы и гробницы? Неужели они действительно верили, что смогут победить смерть?

Жрец некоторое время молчал, словно выбирал слова.

— Человек не может победить смерть, царь. Но он может попытаться оставить после себя то, что переживёт его самого. Одни оставляют детям землю, другие — ремесло, третьи — законы. Наши предки оставляли камень, надписи и имена.

— Имена тоже исчезают.

— Да. Но не сразу.

— А если человек совершил великие дела, но никто не помнит его имени?

Пахери посмотрел на Александра внимательнее.

— Тогда, возможно, его дела оказались важнее его имени.

Царь задумался. Ему понравился этот ответ, хотя он не был уверен, что сам сумел бы принять подобную мысль без внутреннего сопротивления.

— Ты считаешь, что память о человеке важнее его славы?

— Слава принадлежит тем, кто рассказывает о человеке. Память принадлежит тем, чья жизнь изменилась благодаря ему.

Александр долго смотрел на жреца, затем поблагодарил его за беседу.

Когда они вышли из храма, Гефестион спросил:

— Тебе понравился старик?

— Да.

— Он говорит так, словно не замечает, что перед ним стоит царь.

— Может быть, именно поэтому мне и понравился.

В следующие дни Александр всё чаще бывал среди египтян. Он расспрашивал жрецов об их обрядах, знакомился с представителями местной знати, интересовался устройством хозяйства и историей древних царей. Иногда его сопровождал Пахери, который терпеливо отвечал на вопросы, хотя некоторые из них, казалось, удивляли даже его.

Однажды жрец привёл Александра к древнему изображению правителя, высеченному на стене храма. Фигура была изображена в традиционной одежде фараона, а рядом находились символы власти и божественного покровительства.

— Кто это? — спросил Александр.

— Один из древних царей.

— Его имя известно?

Пахери назвал имя, но Александр не запомнил его.

— Он был могущественным?

— В своё время — да.

— А теперь?

Жрец слегка улыбнулся.

— Теперь он часть нашей истории.

Александр подошёл ближе и провёл взглядом по каменным линиям изображения.

— Значит, даже величайший царь однажды становится только изображением на стене.

— Не только изображением. Если он был мудрым, его решения продолжают жить. Если был жестоким, люди тоже помнят это.

— А если он был и тем и другим?

— Тогда потомкам придётся судить его самим.

Эта мысль показалась Александру особенно справедливой. Он вдруг представил, что однажды и его собственная жизнь окажется предметом чужих разговоров. Люди будут спорить о его решениях, вспоминать победы, осуждать ошибки, приписывать ему слова, которых он, возможно, никогда не произносил.

— Значит, я не смогу сам рассказать свою историю так, как захочу?

— Пока жив, можешь рассказывать, царь. Но после тебя останутся другие рассказчики.

Александр усмехнулся.

— Похоже, это опаснее, чем армия противника.

— Иногда гораздо опаснее.

Однажды вечером, когда солнце уже опускалось за горизонт, Александр отправился к берегу Нила вместе с Гефестионом. Они шли без большого сопровождения, и лишь несколько воинов держались на почтительном расстоянии.

На воде покачивались лодки. Рыбаки возвращались домой, перекликаясь друг с другом. Вдоль берега женщины собирали корзины и сворачивали полотнища, на которых сушили продукты. Из ближайшего селения доносились голоса детей.

— Странная страна, — сказал Гефестион. — Мы прошли через столько государств, а здесь всё кажется совершенно иным.

— Потому что мы привыкли смотреть на страны глазами воинов, — ответил Александр. — Нас интересуют дороги, крепости, запасы и армии. Но у каждой земли есть жизнь, которая существовала задолго до того, как на её границах появлялись наши войска.

— Ты собираешься стать египетским царём?

— Я уже отвечаю за эту страну.

— Это не совсем то, о чём я спросил.

Александр остановился у воды.

— Не знаю, Гефестион. Я ещё не понимаю, что значит быть правителем народа, история которого намного старше истории моей династии.

— Возможно, тебе придётся научиться этому.

— Возможно.

Они некоторое время молчали. Солнце коснулось линии горизонта, и на поверхности реки появились длинные золотистые отражения.

— Знаешь, о чём я иногда думаю? — произнёс Александр.

— О чём?

— О том, что человек всю жизнь стремится оставить после себя что-нибудь великое. Строит города, собирает богатства, поднимает армии, покоряет земли. А потом приходит другой человек и начинает всё заново. Один царь сменяет другого, одна держава исчезает, другая занимает её место.

— Так устроена история.

— Да. Но разве это означает, что всё бессмысленно?

Гефестион посмотрел на него.

— Если бы всё было бессмысленно, ты бы давно перестал идти вперёд.

Александр рассмеялся.

— Ты умеешь находить самые простые ответы.

— А ты умеешь превращать простой вопрос в философский спор.

Они продолжили прогулку. Впервые за долгое время Александр позволил себе не думать о завтрашнем приказе, расположении войск или следующем городе. Он слушал вечерние голоса, наблюдал за рекой и чувствовал, что перед ним открывается мир, в котором жизнь не обязательно измеряется расстоянием, пройденным армией.

Позднее, когда Александр начал готовиться к путешествию в оазис Сива, Пахери пришёл проститься с ним.

— Ты собираешься отправиться далеко от Нила, — сказал жрец.

— Хочу посетить святилище Амона.

— Путь будет нелёгким. Пустыня не похожа на дорогу, по которой движется войско. Там нельзя рассчитывать на привычные запасы воды и пищи.

— Я знаю.

— Тогда возьми с собой не только воинов, но и терпение. В пустыне человек быстро понимает, насколько мало значат его титулы.

Александр посмотрел на него с улыбкой.

— Ты снова пытаешься преподать мне урок?

— Нет, царь. Я только напоминаю то, что пустыня преподаёт каждому, кто решается войти в неё.

— А что она преподаёт?

— Что человек может владеть множеством вещей, но не способен приказать воде появиться там, где её нет.

Александр протянул жрецу руку.

— Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Если так будет угодно богам.

Жрец поклонился и отошёл. Александр некоторое время смотрел ему вслед, а затем повернулся к Гефестиону.

— Кажется, в этой стране я встретил больше учителей, чем во многих других.

— А ты ведь приехал сюда завоевателем.

— Иногда завоеватель узнаёт больше, чем рассчитывал.

На следующее утро отряд выступил в сторону западной пустыни. Впереди лежал долгий путь к оазису, где Александр намеревался обратиться к оракулу Амона. Его сопровождали опытные проводники, воины и несколько близких соратников. За их спинами оставался Египет — страна, которая уже успела изменить некоторые представления македонского царя о власти, времени и человеческой памяти.

А впереди простиралась пустыня, не знавшая ни царских границ, ни военных побед. Она не обещала Александру ни славы, ни богатства, ни новых земель. Ему предстояло пройти через неё, чтобы услышать ответ, который, возможно, был важен не только для его будущего царствования, но и для того образа самого себя, с которым он однажды останется наедине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ПУТЬ К ОРАКУЛУ

Пустыня встретила Александра не торжественным безмолвием, каким её представляли люди, никогда не покидавшие плодородных берегов Нила, а суровым дыханием раскалённой земли. Здесь не было ни привычных дорог, ни тенистых деревьев, ни поселений, где путник мог бы остановиться и попросить воды. Вокруг простирались песчаные холмы, каменистые равнины и далёкие гряды скал, растворявшиеся в дрожащем мареве. Казалось, сама природа намеренно стирала всякий след человеческого присутствия, напоминая, что существуют пространства, перед которыми бессильны и царские приказы, и военная дисциплина.

Отряд Александра был невелик. Он не собирался вести в пустыню всю армию: в этом путешествии многочисленное войско стало бы скорее обузой, чем защитой. Рядом находились Гефестион, несколько приближённых военачальников, проводники, слуги и небольшой отряд охраны. Люди старались экономить воду, двигались в часы, когда жара становилась немного терпимее, и внимательно следили за указаниями проводников.

На второй день один из македонских воинов, молодой человек по имени Леон, начал отставать. Сначала он жаловался на головную боль, затем стал путаться в словах и несколько раз останавливался, словно забывая, куда направляется.

Гефестион заметил это первым.

— Он не выдержит ещё одного перехода в таком состоянии, — сказал он Александру. — Надо остановиться.

— Если мы остановимся здесь, потеряем время и часть запасов, — ответил один из сопровождавших военачальников.

Александр посмотрел на юношу. Тот сидел на камне, опустив голову, и пытался справиться с дрожью в руках.

— Вода существует не для того, чтобы мы могли быстрее достичь цели, — произнёс царь. — Она существует для того, чтобы люди оставались живыми. Дайте ему пить понемногу и устройте привал.

Проводники нашли место, где среди камней сохранялась небольшая тень. Там люди провели несколько часов, пока Леон не пришёл в себя. Александр не торопил отряд, хотя понимал, что каждый лишний день в пустыне увеличивает опасность.

Позднее, когда они снова двинулись в путь, Гефестион поравнялся с ним.

— Ты мог оставить его с частью охраны и продолжить дорогу.

— Мог, — согласился Александр.

— Но не сделал этого.

— Я не хочу, чтобы люди думали, будто их жизнь имеет значение только до тех пор, пока они способны идти рядом со мной.

Гефестион некоторое время молчал.

— Ты говоришь так, словно собираешься изменить весь мир.

Александр усмехнулся.

— Нет, Гефестион. Пока я пытаюсь не потерять людей на дороге, которую сам выбрал.

На четвёртый день ветер усилился. Он поднимал песок, забивался под одежду и мешал различать лица. В какой-то момент проводник, шедший впереди, остановился и долго всматривался в горизонт.

— Мы должны были увидеть каменную гряду, — сказал он. — Она должна быть впереди, немного правее.

— А если её нет? — спросил Парменион, которого Александр взял с собой в это путешествие как опытного советника.

— Тогда мы отклонились от направления.

— Насколько?

Проводник не ответил сразу.

Александр подошёл к нему.

— Говори правду. Даже если она нам не понравится.

— Возможно, мы потеряли часть пути. Ветер изменил следы, а ориентиры сейчас трудно различить.

Военачальник недовольно посмотрел на проводника.

— Ты обещал привести нас к оазису.

— Я обещал показать дорогу, которую знаю, — ответил тот. — Но пустыня не обязана оставаться такой, какой я видел её вчера.

Эти слова неожиданно понравились Александру. Он взглянул на проводника внимательнее и спросил:

— Сколько времени тебе нужно, чтобы определить направление?

— Если ветер ослабнет, я смогу разобраться.

— Тогда будем ждать.

Парменион отвёл царя в сторону.

— Ты слишком доверяешь людям, которые не всегда знают, что делают.

— А ты слишком часто ожидаешь от них невозможного.

— Я отвечаю за безопасность отряда.

— И я тоже. Поэтому мы не станем заставлять человека угадывать дорогу только ради того, чтобы сохранить видимость уверенности.

Ветер постепенно стих. Проводник поднялся на небольшой каменистый выступ, долго изучал положение солнца и наконец указал направление. Отряд продолжил движение, но теперь каждый понимал, насколько непрочной была их уверенность в собственных силах.

К вечеру один из сопровождавших заметил птиц. Несколько светлых силуэтов кружили далеко впереди, над невысокой полосой земли.

— Возможно, там есть вода, — сказал проводник.

Люди оживились. Даже уставшие воины ускорили шаг. Вскоре они действительно увидели среди камней редкую растительность, а затем небольшой источник, у которого остановились на отдых.

Кто-то из воинов заговорил о счастливом знаке богов. Другой вспомнил рассказы о том, что пустынные птицы будто бы способны указывать заблудившимся дорогу. Подобные истории передавались среди путешественников из поколения в поколение, и никто не мог сказать, где в них заканчивалась память очевидцев и начиналось воображение.

Александр не стал спорить.

Он пил воду маленькими глотками, наблюдая за птицами, которые спокойно держались возле источника.

— Иногда люди видят в случайности ответ на вопрос, который давно не решаются задать, — сказал Гефестион.

— А иногда случайность действительно спасает им жизнь, — ответил Александр. — Не обязательно знать, кто послал воду, чтобы быть благодарным за неё.

На следующий день вдали показалась зелень. Сначала она была похожа на едва заметное пятно, затем стала различимой полосой деревьев. Оазис Сива возник перед путниками почти неожиданно, словно сама пустыня раздвинулась, открывая дорогу к другому миру.

Здесь были источники, пальмы, небольшие поселения и святилище Амона, куда на протяжении многих поколений приходили люди, желавшие услышать ответ на вопросы, которые не могли разрешить ни мудрецы, ни правители, ни собственный разум.

Александр впервые за долгое время почувствовал не военное возбуждение, а тихое волнение человека, приблизившегося к чему-то, чему он пока не мог дать определения.

В святилище его встретили жрецы. Их одежда, обычаи и манера держаться отличались от привычных македонскому царю порядков. Они не спешили выражать восторг перед завоевателем Египта и не пытались угодить ему лестью. Для них он был гостем, пришедшим к божеству, которому поклонялись задолго до рождения его царства.

Старший жрец, пожилой человек с внимательными глазами, поприветствовал Александра и предложил ему пройти внутрь.

— Ты проделал долгий путь, царь Македонии, — произнёс он через переводчика.

— Я пришёл не за тем, чтобы ты рассказал мне о моих победах, — ответил Александр. — О них я и без того знаю.

Жрец внимательно посмотрел на него.

— Тогда зачем ты пришёл?

Александр не сразу ответил. Он мог бы сказать, что желает узнать волю богов, получить подтверждение своему предназначению или услышать пророчество о будущем. Но все эти слова казались ему слишком привычными и недостаточными.

— Я хочу понять, кем являюсь, — наконец произнёс он. — Сыном Филиппа, царём Македонии, учеником Аристотеля или человеком, которому судьба приготовила путь, ещё не известный ему самому.

Жрец не стал торопиться с ответом. Он предложил Александру войти в священное помещение, где царила прохлада и полумрак. Там, среди древних изображений и запаха благовоний, царь остался один на некоторое время.

Что именно происходило во время его беседы с жрецами, исторические свидетельства передают по-разному. Позднейшие рассказы связывали посещение оракула с признанием Александра сыном Амона, но точные слова, которые он услышал, неизвестны. Возможно, он получил ответ, который позволил ему увидеть в своём происхождении нечто большее, чем простую наследственность. Возможно, жрецы произнесли слова, соответствовавшие древней традиции обращения к правителям. Но для Александра важнее оказалось не само содержание ответа, а то, что он почувствовал после этой встречи.

Когда он вышел, Гефестион ждал его неподалёку.

— Ты получил то, за чем пришёл? — спросил он.

Александр посмотрел на него и улыбнулся, но в этой улыбке не было обычного торжества победителя.

— Я услышал то, что должен был услышать.

— И что же это?

— Не всё, что человек узнаёт о себе, можно сразу объяснить другому.

Гефестион не стал настаивать.

Они прошли вдоль пальм, где местные жители занимались повседневными делами. Женщина несла воду в глиняном сосуде, двое мальчиков спорили возле дерева, старик чинил корзину. Никто из них не выглядел человеком, чья жизнь должна была измениться оттого, что в их оазис прибыл могущественный царь.

Александр остановился возле старика.

— Давно ты живёшь здесь? — спросил он через переводчика.

— Всю жизнь, — ответил тот.

— И никогда не хотел уйти?

Старик пожал плечами.

— Зачем? Здесь жили мои родители, здесь живут мои дети. Я знаю, где найти воду, где посадить дерево и когда следует ждать ветра. Для меня весь мир помещается там, где я могу жить и заботиться о своих близких.

Александр некоторое время смотрел на него, затем поблагодарил и пошёл дальше.

— Странный человек, — заметил Гефестион. — Он даже не спросил, кто ты.

— Может быть, он знает, кто он сам. Этого ему достаточно.

Вечером, когда путешественники готовились к возвращению, Александр долго сидел у небольшого источника. Вода отражала вечернее небо, а над пальмами постепенно появлялись первые звёзды. Он думал о словах жреца, о старике, о мальчике, который спорил с товарищем возле дерева, и о далёкой Македонии, где когда-то учился задавать вопросы Аристотелю.

Возможно, посещение оракула укрепило его веру в собственное предназначение. Возможно, оно придало новый смысл его притязаниям и будущим решениям. Но даже если боги благословили его путь, оставался вопрос, на который не мог ответить ни один храм: что человек сделает с дарованной ему силой и каким он останется, когда окружающие начнут видеть в нём уже не человека, а воплощение собственной мечты о величии?

Утром Александр покинул Сиву. Впереди снова лежала пустыня, за ней — новые земли, новые города и новые испытания. Он возвращался к своей армии не только с памятью о святилище, но и с ощущением, что мир гораздо сложнее, чем казался ему в юности. Когда-то он мечтал выйти за его пределы, теперь же всё чаще понимал, что настоящая граница проходит не между известными и неизвестными землями, а внутри самого человека — между тем, кем он хочет казаться, и тем, кем в действительности способен стать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ГОРОД, РОЖДЁННЫЙ МЕЖДУ МОРЕМ И ПУСТЫНЕЙ

Возвращение из Сивы оказалось для Александра не просто завершением опасного путешествия. Впервые за долгое время он покидал место, не оставив там ни гарнизона, ни назна-

ченного правителя, ни новых распоряжений о сборе податей. Он увозил с собой лишь впечатления, вопросы и странное чувство, что некоторые ответы становятся понятнее не тогда, когда их произносят вслух, а когда человек остаётся наедине с самим собой.

В Мемфисе его уже ожидали военачальники. За время отсутствия царя армия не стояла без дела: проверялись запасы, готовились новые распоряжения, прибывали посланники из разных областей Египта. Впереди лежала задача, которую Александр считал не менее важной, чем военные победы: закрепить своё присутствие в стране, не разрушив того порядка, который позволял ей жить.

— Ты вернулся другим, — заметил Гефестион, когда они встретились после долгой дороги.

— Разве?

— Не знаю. Ты стал меньше говорить о том, что собираешься сделать завтра.

Александр улыбнулся.

— Возможно, потому, что теперь я чаще думаю о том, что останется после завтрашнего дня.

— Это опасное занятие для царя.

— Почему?

— Потому что царь, который слишком часто думает о будущем, может забыть о настоящем.

— А царь, который думает только о настоящем, однажды обнаружит, что у него нет будущего.

Гефестион рассмеялся, и напряжение последних дней немного отступило.

Однако впереди их ожидало решение, которому суждено было стать одним из самых известных в жизни Александра.

Он давно присматривался к западной части дельты Нила, где река приближалась к Средиземному морю. Здесь пересекались торговые пути, сюда прибывали корабли из разных стран, а близость моря и плодородных земель открывала возможности, которые трудно было найти в других местах Египта.

Однажды утром Александр отправился осмотреть побережье. Его сопровождали Гефестион, несколько военачальников, инженеры и местные проводники. Они двигались вдоль берега, останавливаясь у небольших поселений и внимательно изучая бухты.

— Здесь можно построить город, — сказал Александр, когда они поднялись на небольшой участок возвышенной земли.

Один из инженеров посмотрел на окружающую местность.

— Здесь есть море, но для большого порта потребуется серьёзная работа. Кроме того, необходимо решить вопрос с пресной водой.

— Нил рядом, — заметил другой.

— Не настолько рядом, чтобы можно было пренебречь устройством водоснабжения, — ответил первый. — Город не живёт одним только морем.

Александр присел на камень и стал рассматривать береговую линию.

— Мне нужен город, который будет открыт морю и одновременно связан с Египтом. Чтобы корабли приходили сюда из Греции, Финикии и других стран, а торговцы могли отправляться отсюда в глубину страны.

— Значит, ты хочешь создать не просто крепость, — сказал Гефестион.

— Крепость нужна для войны. А я хочу, чтобы этот город был нужен и тогда, когда войны закончатся.

Эти слова вызвали удивлённые взгляды. Воины привыкли слышать от Александра приказы о походах, осадах и передвижении войск. Разговор о городе, который должен был жить независимо от военных обстоятельств, звучал непривычно.

— Как ты его назовёшь? — спросил Гефестион.

Александр повернулся к нему.

— Александрию.

— Ты снова оставляешь миру своё имя.

— Возможно. Но имя города ничего не значит, если за ним не появится жизнь.

Инженеры начали обсуждать планировку. Один из них, пожилой архитектор по имени Дамон, долго изучал землю, затем начертил на песке несколько линий.

— Здесь можно провести главную улицу, — объяснил он. — Она пересечёт город и соединит его разные части. Улицы будут достаточно широкими, чтобы по ним проходили повозки, а воздух свободно двигался между зданиями. Портовую территорию следует отделить от жилых кварталов, но сохранить удобные связи между ними.

Александр внимательно слушал.

— А где будут жить ремесленники?

— Поблизости от торговых площадей, но не настолько близко к складам, чтобы постоянное движение кораблей мешало их работе.

— А земледельцы, которые будут привозить сюда продукты?

— Для них нужны рынки и места хранения.

— Тогда предусмотрите всё это. Город должен быть построен не только для тех, кто будет им управлять.

Дамон поднял глаза.

— Не каждый правитель задаёт архитектору такой вопрос.

— Не каждый город строится ради людей, — ответил Александр.

Они продолжили осмотр. Местность постепенно раскрывала свои преимущества. Неподалёку находился остров Фарос, который мог служить естественной защитой гавани. Между островом и берегом можно было создать удобное портовое пространство, соединив их насыпью. Ветер приносил запах моря, а за спиной простиралась земля, которую египетские земледельцы веками превращали в источник жизни.

Александр стоял на возвышении и представлял себе будущее этого места. Он видел корабли, входящие в гавань, шумные рынки, мастерские, площади, храмы, школы, людей разных языков и обычаев. Здесь могли встречаться греки и египтяне, финикийцы и сирийцы, купцы и учёные, моряки и путешественники.

— Ты действительно думаешь, что все эти люди смогут жить вместе? — спросил Гефестион.

— Не знаю. Но если город с самого начала будет построен только для одной группы, он никогда не станет великим.

— Люди редко отказываются от привычки считать себя лучше соседей.

— Значит, придётся строить не только стены и улицы, но и порядок, при котором различия не станут причиной постоянной вражды.

Гефестион посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Ты собираешься сделать то, чего не смогли сделать многие цари до тебя.

— Я собираюсь попробовать. Не путай намерение с результатом.

Вскоре начались первые работы. Землемеры определяли границы кварталов, архитекторы размечали улицы, рабочие готовили площадки для будущих построек. Александр лично участвовал в обсуждении некоторых деталей. Он не всегда соглашался с инженерами, но постепенно привыкал к мысли, что строительство города требует не столько стремительности, сколько терпения.

Однажды к нему подошёл египетский мастер, который наблюдал за разметкой будущей площади.

— Государь, — сказал он через переводчика, — почему ты выбрал именно это место?

— Здесь удобно расположить гавань, а морские пути соединяют его со многими странами.

— Но море может быть жестоким. Оно разрушает пристани, топит корабли и приносит беду.

— А земля может быть бесплодной, река может выйти из берегов, а ветер — разрушить дом. Если человек откажется строить из-за того, что мир способен причинить ему вред, ему останется только сидеть в пещере.

Мастер кивнул.

— Это верно. Но я спрашивал не об опасностях. Я хотел узнать, почему ты думаешь, что здесь будут жить люди после тебя.

Александр задумался.

— Потому что я надеюсь, что они найдут здесь то, чего не смог найти ни один завоеватель: место, которое захочется не покорять, а сохранять.

Мастер ничего не ответил, но в его взгляде появилось уважение.

В тот вечер Александр долго беседовал с Дамоном. Архитектор принёс несколько вариантов плана, и они обсуждали расположение главных улиц, рынков и общественных зданий.

— Я хочу, чтобы здесь были места для учёных, — сказал Александр. — Для людей, которые умеют задавать вопросы и искать ответы.

— Для философов?

— Для философов, математиков, врачей, астрономов. Для тех, кто изучает мир, а не только стремится им владеть.

— Такие люди не всегда удобны правителям.

— Тем хуже для правителей, которые боятся вопросов.

Дамон улыбнулся.

— Тогда тебе придётся терпеть немало споров.

— Я вырос среди споров. Аристотель не позволял мне принимать первое пришедшее в голову объяснение за истину.

— Ты часто вспоминаешь своего учителя.

— Потому что некоторые люди продолжают учить нас даже тогда, когда находятся далеко.

За несколько дней до отъезда Александр ещё раз прошёлся по участку, где уже были обозначены будущие улицы. Работы только начинались, и трудно было представить, каким станет город через годы. Ветер поднимал песок, стирал некоторые линии, начерченные на земле, и рабочим приходилось восстанавливать их снова.

Александр остановился возле одной из таких линий.

— Видишь? — обратился он к Гефестиону. — Мы только что провели здесь границу будущей улицы, а ветер уже пытается её стереть.

— Тогда придётся провести её ещё раз.

— Именно. В этом и состоит строительство. Нельзя считать дело завершённым только потому, что однажды ты обозначил его начало.

Гефестион посмотрел на размеченную площадку.

— А если город не станет таким, каким ты его представляешь?

— Тогда его будут менять другие. Я не могу заранее распорядиться жизнью людей, которые ещё не родились.

Он произнёс это спокойно, без привычной царской уверенности, и Гефестион понял, что Александр впервые говорит о будущем, в котором ему самому вовсе не обязательно отводится главное место.

Когда солнце стало опускаться к морю, они направились к лагерю. За их спинами оставались первые очертания Александрии — города, которому ещё предстояло пережить долгие

годы строительства, войны, расцвета и перемен. Сам Александр, вероятно, не мог знать всех последствий своего решения. Он видел только начало большого замысла и верил, что однажды на этом берегу будут жить люди, которым его имя станет известно не только благодаря походам, но и благодаря городу, в котором встретятся знания, торговля и культуры разных народов. И, быть может, именно в этом заключалось одно из самых непривычных для завоевателя желаний: создать нечто такое, что сможет продолжать жить без него, не нуждаясь ни в его приказах, ни в его присутствии, ни даже в его памяти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ЦАРЬ И ЕГО ТЕНЬ

После основания Александрии Александр ещё некоторое время оставался в Египте. Его занимали не только строительные работы, но и устройство управления страной. Он понимал, что завоевать Египет оказалось легче, чем заслужить доверие его жителей. Персидские наместники ушли, однако сама страна продолжала жить по законам, которые складывались веками. Нил по-прежнему определял время посевов и жатвы, жрецы совершали древние обряды, земледельцы обрабатывали поля, а торговцы следили за движением товаров по реке.

Александр не собирался разрушать эту жизнь ради того, чтобы повсюду установить македонские порядки. Он сохранил многие местные учреждения, оставил жрецам их прежнее положение и постарался представить своё правление как продолжение законного порядка, а не как очередную смену чужеземной власти.

Однако за внешним спокойствием скрывалась непростая задача. Македония, Греция, Малая Азия, Сирия, Финикия и Египет теперь связывались властью одного человека, но между ними существовали различия, которые нельзя было устранить одним царским указом.

На военном совете Парменион говорил об этом без обиняков.

— Мы растянулись на огромном пространстве, государь. В одних областях ещё не забыли прежних правителей, в других ждут возможности вернуть себе независимость. Наши гарнизоны не могут находиться повсюду.

— Поэтому необходимо назначать людей, способных управлять, а не только собирать подати, — ответил Александр.

— Таких людей немного.

— Тогда придётся внимательнее выбирать тех, кто у нас есть.

Парменион положил перед царём несколько донесений.

— В некоторых городах жалуются на сборщиков налогов. В других спорят о полномочиях местных правителей. А ещё есть военачальники, которые считают, что заслужили больше власти, чем получили.

Александр просмотрел документы.

— Значит, будем разбираться с каждым случаем отдельно.

— Ты не можешь лично разбирать каждый спор.

— Я знаю.

— Тогда кому ты доверишь это?

Александр поднял глаза.

— Тем, кто понимает, что власть дана им не для того, чтобы обогащаться за счёт людей.

Парменион едва заметно усмехнулся.

— Таких людей, государь, ещё труднее найти, чем хороших воинов.

— Возможно. Но именно поэтому их следует искать.

После совета Александр отправился в город, где собирался посетить один из храмов. По дороге он увидел толпу возле торговой площади. Несколько египтян спорили с македонским чиновником, который требовал от них уплаты дополнительного сбора.

— Что здесь происходит? — спросил Александр.

Чиновник узнал царя и поспешил склонить голову.

— Государь, эти люди отказываются выполнять распоряжение.

— Какое распоряжение?

— Они должны внести дополнительную плату за перевозку товара.

Один из торговцев шагнул вперёд.

— Мы уже заплатили установленный налог. Этот человек требует ещё денег, но не показывает документа, на основании которого имеет право это делать.

Чиновник возмутился.

— Они не понимают, что теперь здесь другой порядок!

Александр посмотрел на него.

— А ты понимаешь?

Тот замолчал.

— Если существует законный сбор, покажи распоряжение. Если его нет, верни людям деньги. Ты представляешь царскую власть, а не собственную жадность.

Чиновник побледнел.

— Я хотел лишь ускорить поступление средств в казну.

— Казна не обеднеет от того, что ты перестанешь грабить торговцев. Но доверие к власти можно потерять очень быстро.

Он приказал проверить действия чиновника и распорядился, чтобы сборы производились только на основании утверждённых правил.

Когда они отошли от площади, Гефестион сказал:

— Ты мог бы просто приказать ему вернуть деньги.

— Тогда завтра появится другой человек, который решит, что его тоже можно наказать только после того, как он попадётся мне на глаза.

— Значит, ты хочешь изменить сам порядок.

— Иначе мне придётся всю жизнь бегать по рынкам и выяснять, кто кого обманывает.

Гефестион засмеялся.

— Представляю, как это выглядело бы со стороны.

— Не сомневаюсь, что мои полководцы сочли бы такое занятие недостойным царя.

Но Александр уже не смеялся. Он понимал, что его государство приобретало всё больше черт, которые требовали от него не только военного таланта, но и умения доверять другим. И чем шире становились его владения, тем заметнее проявлялась опасность, о которой он прежде думал гораздо реже: между царём и окружающими его людьми постепенно возникала дистанция.

Воины приветствовали его как победителя, послы обращались к нему с почтением, наместники старались предугадать его желания. Даже старые друзья всё чаще выбирали слова, прежде чем заговорить с ним. Люди начинали видеть в Александре не того юношу, который когда-то спорил с Аристотелем и приручил Буцефала, а могущественного правителя, от которого зависели их судьбы.

Однажды вечером Гефестион застал его одного. Перед Александром лежала карта, но царь смотрел не на неё, а на небольшой предмет, который держал в руке. Это была старая застёжка от дорожного плаща, потемневшая от времени.

— Откуда она у тебя? — спросил Гефестион.

— Из Македонии. Я взял её с собой ещё перед первым походом в Азию.

— Не помню такой.

— Ты тогда был занят совсем другими вещами.

Гефестион сел рядом.

— Что ты вспоминаешь?

— Дорогу из Пеллы. Отца. Учителя. Людей, которые тогда говорили со мной без страха.

— Они и теперь могут говорить с тобой.

— Могут ли?

Гефестион внимательно посмотрел на него.

— Ты сам решаешь, кого слушать.

— Нет, мой друг. Иногда человек не замечает, как начинает слышать только то, что ему приятно. Сначала ему возражают, потом спорят осторожнее, затем предпочитают молчать. И однажды он окружён людьми, которые называют его мудрым, даже когда он ошибается.

— Ты думаешь, это уже происходит?

Александр положил застёжку на стол.

— Я боюсь, что однажды перестану замечать, когда это произойдёт.

Гефестион некоторое время молчал.

— Тогда тебе нужен человек, который не будет бояться говорить правду.

— А если этот человек окажется неправ?

— Тогда ты должен будешь доказать ему это. Но хотя бы выслушать.

Александр посмотрел на друга с благодарностью.

— Ты всегда умел говорить со мной так, словно перед тобой не царь.

— Потому что я помню тебя прежде, чем ты стал царём.

В тот вечер они долго вспоминали молодость. Говорили о Миезе, об уроках Аристотеля, о Буцефале, о первых военных упражнениях. Воспоминания возвращали им ощущение времени, когда будущее ещё не было разделено между победами и потерями, а дружба не нуждалась в официальных званиях и церемониях.

Но уже на следующий день Александр столкнулся с другой стороной своей новой власти.

Во дворец прибыли представители египетской знати. Они просили подтвердить права на земли, которыми их семьи владели до персидского господства. Одновременно македонские военачальники требовали предоставить участки своим ветеранам и сторонникам.

Вопрос оказался сложнее, чем ожидалось. Земли нельзя было распределять произвольно: от них зависели хозяйства, урожай и жизнь целых поселений.

— Наши воины заслужили награду, — настаивал один из македонских командиров.

— Никто не отрицает их заслуг, — ответил Александр. — Но почему награда должна состоять в том, чтобы отнять землю у тех, кто её обрабатывает?

— Потому что мы завоевали эту страну.

— Мы победили её прежнюю армию. Это не означает, что каждый земледелец стал нашим врагом.

Военачальник недовольно замолчал.

Александр поручил изучить документы, проверить прежние владения и найти другие способы вознаграждения воинов. Решение не удовлетворило всех, но царь не изменил его.

Позднее, когда он остался один, перед ним вновь возник образ человека, который держал в руках не карту с обозначенными границами державы, а простой земледельческий инструмент. Тот старик из Египта, встретившийся ему прежде, говорил о земле как о наследии семьи, орудии труда и памяти поколений.

Александр вдруг понял, что для одного человека завоёванная область могла означать новую провинцию, а для другого — поле, на котором похоронены родители и которое он надеется оставить детям.

Эти два взгляда не всегда могли совпадать, и никакая победа сама по себе не превращала их в один общий взгляд на мир.

Через несколько дней царь получил донесение о положении дел в восточных областях. Вавилония, Персия и земли дальше на восток ещё только предстояло окончательно включить в систему новой державы. Дарий III не отказался от борьбы, и его имя по-прежнему объединяло тех, кто надеялся восстановить прежнюю власть.

Александр снова склонился над картой.

— Мы не можем оставаться в Египте бесконечно, — сказал он военачальникам. — Впереди Вавилон, а затем Персеполь. Пока Дарий сохраняет возможность собрать новую армию, война не закончена.

Парменион кивнул.

— Армия готова. Но ей понадобится время для подготовки.

— Время у нас есть, если мы не будем тратить его напрасно.

Он ещё раз посмотрел на карту, затем перевёл взгляд на людей, стоявших перед ним. Каждый ожидал от него решения, уверенного приказа и ясного направления. Они видели царя, который должен был знать ответы на все вопросы. Но Александр уже понимал, что даже самая большая власть не избавляет человека от сомнений, а иногда лишь делает эти сомнения опаснее, потому что рядом остаётся всё меньше тех, кто способен заметить его ошибку.

Он распорядился готовить армию к новому походу и велел сохранить все принятые в Египте распоряжения, касавшиеся управления страной. Затем вышел из зала и остановился у открытого окна. Внизу шумел город, который ещё недавно был только замыслом, начерченным на песке. Его улицы постепенно наполнялись людьми, и каждый из них занимался собственным делом, не думая о том, что где-то неподалёку решается судьба огромной державы. Александр смотрел на эту жизнь и впервые особенно ясно почувствовал, что царская власть не должна становиться мерой ценности всего происходящего вокруг него: за пределами дворцов и военных лагерей существовал мир, который не принадлежал ему целиком, даже если на картах всё больше земель окрашивалось цветом его империи.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
ДОРОГА К СЕРДЦУ ПЕРСИИ

Весна 331 года до нашей эры приближалась к концу, когда Александр начал готовить армию к новому походу. Египет оставался позади, Александрия постепенно обретала первые очертания, а впереди лежали Вавилония и Персия — земли, в которых сосредоточились богатства, власть и древняя слава державы Ахеменидов.

Для многих македонян предстоящее столкновение становилось продолжением уже привычной войны. Они привыкли побеждать, привыкли видеть отступающие персидские войска и открывающиеся перед ними ворота городов. Но Александр понимал, что следующая встреча с Дарием может оказаться совсем иной. Персидский царь располагал огромными ресурсами, мог собирать новые армии и располагал возможностью выбирать место будущего сражения.

Однажды вечером Александр пригласил к себе Пармениона, Гефестиона и нескольких других военачальников. На столе лежала карта, на которой были обозначены основные дороги, реки и горные проходы.

— Дарий снова собирает войска, — начал Александр. — Его посланники объезжают восточные области, созывают сатрапов и требуют людей, коней, оружие и продовольствие. Он рассчитывает встретить нас армией, превосходящей прежнюю.

Парменион внимательно изучил карту.

— На этот раз он может выбрать открытую равнину. После Исса ему известно, что узкие проходы не позволяют использовать численное преимущество.

— Именно поэтому нам следует быть готовыми к тому, что он постарается заставить нас сражаться на удобной для себя местности.

— А если мы не примем его условий?

— Тогда он продолжит собирать силы, а мы будем вынуждены оставлять гарнизоны в каждом новом городе.

Парменион задумался.

— Значит, ты хочешь закончить войну одним сражением?

— Я хочу лишить Дария возможности продолжать её. Но не стану обещать, что одна победа решит всё.

Гефестион, сидевший напротив, посмотрел на Александра.

— Ты говоришь о конце войны, но готовишься к самому большому сражению.

— Потому что иногда путь к миру проходит через столкновение, которого никто уже не может избежать.

— А если Дарий снова предложит переговоры?

Александр провёл пальцем по линии, обозначавшей восточное направление.

— Я выслушаю его. Но не стану делать вид, будто после всего произошедшего мы можем просто вернуться к прежнему положению.

На следующий день армия двинулась на восток. Войско состояло из македонян, греческих союзников, фракийцев и других подразделений, присоединившихся к походу. За ними следовали обозы с продовольствием, запасным оружием и снаряжением. Дорога проходила через земли, где ещё недавно персидская власть казалась незыблемой, а теперь местные правители спешили определить своё отношение к новому завоевателю.

В некоторых поселениях жителей встречали македонские отряды с открытыми воротами. В других люди прятались по домам, ожидая, что принесёт очередная смена власти. Александр приказал не допускать бесчинств, однако понимал, что один приказ не способен полностью удержать многотысячную армию от грабежей и насилия.

Во время одного из переходов к нему привели старого персидского чиновника. Тот не сопротивлялся, но держался с достоинством.

— Почему ты не бежал вместе с остальными? — спросил Александр.

— Потому что я слишком стар, чтобы начинать жизнь заново, — ответил тот через переводчика. — А ещё потому, что не считаю бегство достойным человека, который всю жизнь служил своей стране.

— Ты служил Дарию?

— Я служил Персии. Цари менялись и до него. Страна оставалась.

Александр внимательно посмотрел на старика.

— И что ты думаешь о том, что теперь здесь будут править македоняне?

— Думаю, что победитель всегда считает себя хозяином будущего. Но ему ещё предстоит доказать, что он способен стать частью настоящего.

Военачальник, стоявший рядом, хотел прервать разговор, однако Александр жестом остановил его.

— Как тебя зовут?

— Артаксеркс.

— Ты хочешь остаться в своём городе?

— Если мне позволят продолжать заниматься своим делом.

Александр приказал проверить, не участвовал ли чиновник в преследовании жителей или злоупотреблении властью. Если за ним не обнаружится преступлений, ему разрешалось вернуться к прежним обязанностям под наблюдением нового управления.

Когда старик ушёл, Гефестион сказал:

— Ты всё чаще оставляешь на местах людей прежнего царя.

— Потому что не хочу управлять огромной державой, заменив каждого чиновника македонским воином.

— Но они могут оказаться верны не тебе, а своим прежним правителям.

— Разумеется. Я не собираюсь покупать верность одними обещаниями. Пусть доказывают её делом.

Вечером Александр долго сидел у костра, слушая разговоры воинов. Кто-то вспоминал родную Македонию, кто-то рассказывал о жене и детях, оставшихся далеко на западе. Молодой солдат, недавно присоединившийся к армии, спорил с товарищем о том, сколько ещё продлится поход.

— Я думал, после Египта мы повернём домой, — говорил он. — Там ведь уже нет персидского царя.

— А ты полагаешь, что царь живёт только в одном городе? — усмехнулся его товарищ. — Пока Дарий собирает войска, мы будем идти за ним.

— А если он снова убежит?

— Тогда пойдём дальше.

Александр услышал последние слова и подошёл к ним.

— А ты сам чего хочешь? — спросил он молодого воина.

Тот растерялся.

— Я хочу вернуться домой, государь.

— Это хорошее желание.

— Но я не знаю, когда это случится.

Александр присел возле костра.

— Когда я был моложе тебя, мне казалось, что самое трудное — добиться того, чтобы люди шли за мной. Теперь я понимаю, что гораздо труднее привести их обратно.

— Ты думаешь, мы вернёмся?

— Я хочу, чтобы как можно больше из вас вернулись. Но обещать, что никто не погибнет, не может ни один полководец.

Юноша опустил глаза.

— Я не боюсь сражения, государь. Я боюсь, что когда-нибудь забуду лица тех, кто остался на дороге.

Александр посмотрел на него.

— Не забывай. И не позволяй другим считать погибших всего лишь числом в донесении.

Он поднялся и направился к своему шатру. Гефестион, шедший рядом, некоторое время молчал, затем произнёс:

— Ты стал говорить с солдатами иначе.

— Возможно, потому, что они стали говорить со мной иначе.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда-то они спорили со мной, шутили, могли возразить. Теперь многие боятся даже спросить, куда мы идём. А ведь я не всегда знаю это сам.

Гефестион посмотрел на него.

— Ты знаешь больше, чем любой из них.

— Но не всё. И если однажды я забуду об этом, рядом со мной должны остаться люди, которые напомнят мне.

Тем временем далеко на востоке Дарий III готовился к решающему столкновению.

После поражения при Иссе он не отказался от царской власти и не прекратил попыток восстановить положение. Его армия пополнялась новыми отрядами, прибывавшими из различных областей державы. На этот раз он рассчитывал использовать открытое пространство, где многочисленная конница и боевые колесницы могли бы действовать с большей свободой.

В ставке персидского царя проходили совещания. Военачальники предлагали разные планы, обсуждали численность македонской армии, её вооружение и привычную тактику. Одни считали, что следует встретить Александра на равнине и нанести удар конницей по флангам. Другие опасались, что македоняне снова найдут способ использовать особенности местности в свою пользу.

Дарий слушал всех, не перебивая.

— Мы должны помнить, что сражаемся не только за царский престол, — сказал он наконец. — За нами стоят города, семьи, земли и люди, которые не могут уехать вслед за армией, когда она отступает.

Один из советников осторожно заметил:

— Государь, македоняне считают, что их победы дают им право распоряжаться всей державой.

— Тогда мы должны показать им, что Персия не исчезает после одного поражения.

Дарий подошёл к карте.

— На этот раз мы не позволим ему выбрать место боя.

Его слова были встречены молчаливым одобрением. Но сам царь знал, что одной численности недостаточно. Ему предстояло сразиться с полководцем, который дважды сумел победить силы, казавшиеся превосходящими его собственную армию.

В тот же вечер Дарий получил известие о приближении Александра. Он вышел из шатра и долго смотрел на далёкие огни лагеря, где собирались его воины.

Ему вспомнилась семья, оставшаяся после Исса в руках македонского царя. Он помнил обещание Александра не причинять им вреда и не мог отрицать, что тот сдержал слово. Но уважение к пленникам не возвращало ему державу, а великодушие победителя не делало поражение менее тяжёлым.

— Я должен победить, — произнёс он почти беззвучно.

И в этих словах не было ни высокомерия, ни жажды славы. Было отчаянное желание сохранить то, что ещё оставалось от мира, которым он правил.

Когда македонская армия приблизилась к Месопотамии, перед Александром открылись новые пространства. Реки, каналы и плодородные земли напоминали ему о Египте, но здесь всё выглядело иначе. Вавилония была одной из древнейших областей человеческой цивилизации, и её города хранили память о царях, чьи имена были известны задолго до появления Македонского царства.

Александр понимал, что вступает не просто на территорию противника. Он приближался к миру, который обладал собственной историей, письменностью, законами, храмами и представлениями о власти.

Однажды во время привала к нему подошёл переводчик, служивший при местном наместнике.

— Государь, в Вавилоне говорят, что ты собираешься разрушить старые храмы и заменить их македонскими святилищами.

Александр нахмурился.

— Кто распространяет такие слухи?

— Не знаю. Но люди боятся.

— Передай им, что я не собираюсь разрушать храмы только потому, что в них поклоняются другим богам. Пусть каждый человек сохраняет веру своих предков, если она не служит оправданием насилия над другими.

Переводчик поклонился.

— Я передам.

Когда он ушёл, Парменион заметил:

— Ты слишком много думаешь о том, что о тебе говорят в городах.

— Потому что скоро эти города станут частью моей державы.

— Сначала их нужно взять.

Александр посмотрел на восток, туда, где за горизонтом лежали дороги к Вавилону.

— Да, Парменион. Сначала нужно пройти этот путь.

Он ещё не знал, насколько близко уже подошёл день, когда его армия встретится с войском Дария на огромной равнине. Не знал, сколько человеческих судеб окажется зависимым от решений, которые ему предстоит принять в ближайшие дни. Но он уже понимал, что предстоящее сражение будет проверкой не только силы македонского оружия, но и способности самого Александра удержать власть над собственной гордостью, страхом и стремлением к победе. Впереди находилась земля, которую персидские цари считали сердцем своей державы, и каждый

шаг к ней приближал двух правителей к встрече, после которой прежний порядок мира уже не мог остаться неизменным.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО СРАЖЕНИЯ

К началу осени 331 года до нашей эры македонская армия приблизилась к землям, где Дарий III собирал последние силы своей державы. Путь от Египта оказался долгим, но Александр не позволял войску терять темп. Он знал, что противник внимательно следит за каждым его передвижением и рассчитывает использовать время для укрепления своих позиций.

Впереди лежала равнина у Гавгамел, неподалёку от Арбелы. Именно здесь персидский царь решил принять сражение, заранее подготовив пространство для действий многочисленной конницы и боевых колесниц. По его приказу выравнивали участки земли, убирали препятствия, готовили проходы для тяжёлых колесниц с прикреплёнными к колёсам и осям лезвиями. Всё должно было способствовать тому, чтобы численное превосходство персидской армии превратилось в решающий удар.

Александр пока не видел всей этой подготовки, но разведчики уже сообщали о необычной активности противника.

Однажды вечером в его шатёр вошёл один из разведывательных офицеров.

— Государь, Дарий выбрал равнину. Там почти нет естественных препятствий. Его конница сможет действовать свободно.

— Насколько велика его армия?

— Точной цифры никто не знает. Но людей у него значительно больше, чем было при Иссе.

Парменион, присутствовавший при докладе, нахмурился.

— Если сведения верны, нам придётся сражаться против превосходящих сил на открытой местности.

— Именно этого он и хочет, — ответил Александр.

— Тогда, возможно, разумнее попытаться навязать ему другой участок.

Александр подошёл к карте.

— Мы не можем выбирать место боя так, словно противник обязан согласиться с нашими пожеланиями. Дарий подготовил равнину, и теперь нам нужно понять, как использовать её особенности.

— Его колесницы будут опасны, — заметил Парменион.

— Особенно если наши ряды позволят им беспрепятственно пройти через строй.

— Ты собираешься пропускать их сквозь фалангу?

— Если они попытаются прорваться, воины должны будут сохранять порядок, открывать проходы там, где это возможно, и атаковать колесничих после того, как их движение потеряет силу. Нельзя позволить страху разрушить строй раньше, чем начнётся настоящее сражение.

Парменион внимательно посмотрел на Александра.

— Ты уже продумал всё?

— Нет. И не хочу, чтобы кто-нибудь решил, будто мы можем предусмотреть каждое движение противника. Но мы можем подготовиться к нескольким возможным исходам.

Гефестион, до этого молча изучавший карту, поднял голову.

— А если Дарий направит главные силы против нашего левого крыла?

— Тогда левое крыло должно удержаться. Ты знаешь, что Парменион справится.

— Я не сомневаюсь в Парменионе. Я спрашиваю о другом: если он попросит поддержки, сможешь ли ты отказаться от атаки ради помощи ему?

Александр не ответил сразу.

— Если левое крыло окажется под угрозой, я буду принимать решение по обстановке. Победа на одном участке ничего не значит, если вся армия потеряет строй.

Парменион одобрительно кивнул.

— Это правильный ответ.

Но Гефестион продолжал смотреть на царя.

— А если придётся выбирать между победой и спасением людей?

Александр медленно повернулся к нему.

— Не заставляй меня выбирать это заранее. Я хочу победить так, чтобы после сражения у нас оставались силы продолжать жить, а не только рассказывать о том, как хорошо мы сражались.

В персидском лагере тоже не прекращались приготовления.

Дарий объезжал расположение войск, выслушивал командиров и следил за тем, чтобы подразделения занимали предназначенные им места. Его армия представляла собой огромное собрание воинов из разных областей державы. Здесь находились персы, мидяне, бактрийцы, индийские отряды, конница из восточных провинций и многочисленные союзники.

Каждый народ привносил в войско собственное оружие, традиции и способы ведения боя. Это было одновременно преимуществом и трудностью. При правильном управлении многочисленная армия могла обрушить на противника огромную силу, но согласовать действия столь разных подразделений было нелегко.

К Дария подошёл молодой военачальник, недавно получивший командование конным отрядом.

— Государь, наши воины спрашивают, увидят ли они тебя на поле боя.

— Увидят.

— Это придаст им уверенности.

Дарий посмотрел на молодого человека.

— Уверенность придаёт не только присутствие царя. Воины должны знать, за что они сражаются.

— За Персию, государь.

— Тогда напомни им, что за этим словом стоят не дворцы и не золото. За ним стоят их семьи, города, земля, на которой они выросли. Пусть помнят об этом, когда начнётся битва.

Молодой командир поклонился и отошёл.

Дарий остался один. Перед ним лежала карта, на которой были отмечены расположение македонской армии и предполагаемые направления её движения. Он знал, что Александр не станет действовать так, как ему удобно. Этот противник не был человеком, которого можно заставить совершить ошибку одним только численным превосходством.

Вспоминая Исс, Дарий невольно подумал о своей семье. Он не знал, увидит ли снова жену и детей, но надеялся, что обещание Александра сохранить им жизнь останется в силе независимо от исхода предстоящего сражения.

Ему хотелось верить, что два царя, даже если один из них одержит победу, смогут когда-нибудь встретиться не на поле боя, а за столом переговоров. Но сейчас такая возможность казалась почти недостижимой.

В македонском лагере тем временем царила непривычная сосредоточенность. Воины проверяли оружие, укрепляли ремни доспехов, готовили коней. Некоторые старались шутить, другие предпочитали молчать. Опытные солдаты понимали, что впереди будет не обычная стычка с отдельным отрядом, а столкновение двух огромных армий.

Молодой Леон, которого Александр когда-то приказал не оставлять в пустыне, сидел возле своего товарища и пытался наточить меч. Его руки двигались неуверенно.

— Ты опять думаешь о доме? — спросил сосед.

— О матери.

— Она ждёт тебя?

— Да. Когда я уходил, она сказала, что не хочет, чтобы я возвращался героем. Она хочет, чтобы я просто вернулся.

Товарищ усмехнулся.

— Матери всегда говорят странные вещи.

— А ты что думаешь?

— Моя мать сказала почти то же самое. Только ещё добавила, что если я вернусь без денег, она сама отправит меня обратно.

Оба рассмеялись, но смех быстро стих.

Неподалёку проходил Александр. Он остановился, заметив знакомое лицо.

— Как твоя нога, Леон?

— Уже не беспокоит, государь.

— А вода в пустыне больше не кажется тебе такой далёкой?

— Теперь я стараюсь пить, когда есть возможность.

Александр одобрительно кивнул.

— Это хорошее умение. В бою оно тоже пригодится.

Леон помедлил, затем спросил:

— Государь, правда ли, что у персов гораздо больше воинов, чем у нас?

— Правда.

— И всё же мы победим?

Александр посмотрел на него без раздражения.

— Если бы я знал исход каждого сражения заранее, мне не понадобились бы разведчики и военачальники. Я не могу обещать тебе победу, Леон. Но могу обещать, что мы сделаем всё, что зависит от нас.

— А если мы проиграем?

— Тогда нам придётся понять, что делать дальше.

Молодой воин опустил взгляд.

— Я думал, цари никогда не допускают мысли о поражении.

— Это потому, что многие цари не любят, когда окружающие слышат их настоящие мысли.

Александр положил руку ему на плечо и пошёл дальше.

Гефестион, наблюдавший за разговором, догнал его.

— Ты мог бы сказать ему, что мы обязательно победим.

— И что изменилось бы?

— Он ушёл бы с большей уверенностью.

— Уверенность, построенная на обещании, которое я не могу выполнить, слишком легко превращается в разочарование. Пусть лучше он знает, что я тоже не способен управлять судьбой.

Гефестион посмотрел на друга.

— Иногда мне кажется, что ты стал больше доверять судьбе, чем прежде.

— Нет. Просто я лучше понимаю, насколько мало способен ею распоряжаться.

Ночь перед сражением опустилась на равнину. В персидском лагере горели многочисленные костры, и их огни тянулись вдаль почти бесконечной линией. Македоняне видели их издалека и понимали, насколько огромна армия, которую собрал Дарий.

Некоторые военачальники советовали Александру атаковать ночью, пока противник не готов к полноценному сражению. Но царь отказался.

— Мы не станем нападать в темноте, — сказал он. — Наша армия должна видеть противника и понимать, что происходит. Я не хочу, чтобы победа зависела от случайной путаницы.

Парменион поддержал это решение, хотя и предупредил, что персы могут использовать ночь для перестроения своих сил.

Александр приказал войску отдыхать, а сам ещё долго обходил лагерь. Он останавливался возле часовых, разговаривал с командирами, проверял расположение подразделений. Воины видели его и приветствовали, но он не задерживался надолго.

Ближе к полуночи он вернулся в шатёр. Гефестион ждал его.

— Ты не спишь, — сказал Александр.

— Я мог бы сказать то же самое тебе.

— Завтра будет трудный день.

— Ты боишься?

Александр снял плащ и положил его рядом с оружием.

— Да.

Гефестион удивлённо посмотрел на него.

— Я думал, ты уже не испытываешь страха перед сражением.

— А ты думал, что страх исчезает оттого, что человек несколько раз победил?

— Тогда почему ты не говоришь об этом другим?

— Потому что они должны видеть во мне человека, который способен принимать решения, а не человека, который передаёт им свои тревоги. Но тебе я могу сказать правду.

Гефестион сел напротив.

— Чего ты боишься больше всего?

Александр долго смотрел на огонь светильника.

— Не смерти. К ней невозможно подготовиться, но невозможно и избежать её навсегда. Я боюсь ошибиться в тот момент, когда от моего решения будут зависеть тысячи людей. Боюсь увидеть, что выбрал неверное направление, но уже не смогу ничего исправить. И ещё боюсь, что однажды победы станут для меня привычнее, чем человеческая жизнь.

Гефестион не сразу ответил.

— Ты помнишь, что говорил нам Аристотель? Человек должен учиться управлять собой прежде, чем пытаться управлять другими.

— Помню.

— Тогда завтра тебе предстоит самый важный урок.

Александр посмотрел на друга.

— Какой?

— Не позволить собственному желанию победить затмить всё остальное.

Царь улыбнулся.

— Значит, завтра ты будешь следить за мной внимательнее, чем обычно.

— Я всегда за тобой слежу.

— Именно поэтому я до сих пор жив.

Они рассмеялись, но смех быстро стих. За пределами шатра ветер шевелил полотнища, а где-то вдали перекликались часовые.

Перед рассветом Александр поднялся и приказал подать коня. Буцефала уже давно не было рядом, но память о нём сопровождала царя в каждом большом походе. Теперь его конь был другим, однако Александр по-прежнему предпочитал лично проверять седло и уздечку перед выступлением.

Когда армия начала строиться, он объехал передние ряды. Перед ним стояли люди, с которыми он прошёл путь от Македонии до Египта. Некоторые были ветеранами первых сражений, другие присоединились к войску позже. У многих на теле остались шрамы, у некоторых не хватало пальцев или конечностей, но они продолжали служить в армии.

Александр остановился перед строем.

— Воины! — произнёс он. — Сегодня перед нами армия, которая превосходит нас числом. Но число само по себе ещё не решает исход сражения. Важно, насколько каждый из нас способен выполнить свою задачу и сохранить строй рядом с товарищем. Не гонитесь за славой,

забывая о человеке, который сражается рядом с вами. Не покидайте своих командиров и не позволяйте страху заставить вас бежать раньше времени.

Он сделал небольшую паузу, оглядел ряды и продолжил:

— Мы пришли сюда долгим путём. За нашей спиной города, переправы, пустыни и могилы тех, кто уже не сможет идти дальше. Мы не должны забывать их. Но сегодня мы сражаемся не ради того, чтобы доказать, будто македоняне не знают поражений. Мы сражаемся потому, что перед нами стоит армия, с которой необходимо покончить, если мы хотим прекратить эту войну. Пусть каждый исполнит свой долг и сохранит достоинство перед лицом опасности.

Воины подняли оружие. По рядам прокатился громкий отклик.

Александр повернул коня и направился к месту, откуда мог видеть расположение всей армии. На горизонте уже начинало светлеть. Там, впереди, за широкой равниной, находились войска Дария, и скоро между двумя армиями не останется ничего, кроме пространства, на котором решится судьба огромной державы.

Александр ещё раз посмотрел на своих воинов, затем перевёл взгляд на противоположную сторону. Он знал, что в этот день ему предстоит встретиться не только с армией персидского царя, но и с последствиями всех решений, которые привели его сюда. За ним стояли годы побед, обещаний, потерь и надежд; впереди находилось сражение, которое могло изменить ход истории, но не могло дать ему того, чего не способен получить ни один человек, — власти над собственной судьбой. И когда первые лучи солнца коснулись равнины, Александр подал знак к началу движения, понимая, что теперь уже ни один из двух царей не сможет отступить от встречи, к которой они шли столько лет.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГАВГАМЕЛЫ. ДЕНЬ, КОГДА ДРОГНУЛА ДЕРЖАВА

Рассвет 1 октября 331 года до нашей эры медленно поднимался над равниной Гавгамел. Небо постепенно светлело, открывая огромное пространство, на котором уже выстраивались две армии. С одной стороны находились македоняне и их союзники, с другой — войска Дария III, собранные из многочисленных областей Персидской державы.

С расстояния персидское войско казалось бесконечным. Ряды конницы, пехоты и колесниц тянулись вдоль горизонта, а над отдельными подразделениями поднимались знамёна с изображениями животных и древних символов. Воины занимали свои места, проверяли оружие, поправляли сбрую и ждали приказа.

Александр объезжал македонские позиции. Он внимательно смотрел на расположение фаланги, на конницу, на подразделения лёгкой пехоты. Его армия была значительно меньше персидской, но обладала преимуществом, которое царь ценил выше численности: большинство воинов прошли с ним долгий путь, знали друг друга и умели действовать как единое целое.

Парменион командовал левым крылом. На правом находился сам Александр, рядом с ним располагалась конница гетайров — отборные всадники, составлявшие главную ударную силу армии.

Гефестион находился неподалёку.

— Они действительно подготовили равнину, — сказал он, глядя на противоположную сторону.

— Дарий хочет, чтобы его колесницы получили возможность разогнаться, — ответил Александр.

— И конница тоже.

— Поэтому нельзя позволить им обойти наши фланги.

Гефестион посмотрел на Александра.

— Ты уверен, что Парменион удержит левое крыло?

— Он знает, что должен делать.

— А если персов окажется слишком много?

Александр повернулся к нему.

— Тогда ему придётся удерживать столько, сколько возможно, пока мы будем искать возможность изменить ход сражения. Но помни: сегодня ни один из нас не должен думать только о собственном участке.

В это время к царю подъехал разведчик.

— Государь, персы заканчивают построение. Колесницы уже выведены вперёд. На их колёсах и осях закреплены лезвия.

Александр кивнул.

— Передай командирам, чтобы воины не пытались встречать их сомкнутым строем любой ценой. Пусть сохраняют порядок и действуют по заранее оговорённому плану.

Разведчик отправился выполнять приказ.

Вскоре Александр заметил движение в центре персидских позиций. Там находился Дарий, окружённый приближёнными и охраной. Даже на расстоянии можно было различить его царский шатёр, знамёна и многочисленных сопровождающих.

Два правителя снова смотрели друг на друга через пространство, которое вскоре должно было наполниться криками людей, грохотом копыт и звоном оружия.

Дарий также заметил македонского царя. Он знал, что Александр предпочитает лично вести конницу в решающий момент сражения. Именно поэтому персидские военачальники внимательно следили за правым крылом противника.

— Он будет искать возможность прорваться к центру, — сказал один из советников.

— Я знаю, — ответил Дарий.

— Тогда следует усилить охрану царского подразделения.

— Усильте. Но не ослабляйте другие участки ради того, чтобы окружить меня защитниками. Сегодня важна вся армия, а не только моя безопасность.

Советник поклонился.

Дарий поднял глаза к небу. Он не был уверен, что этот день принесёт ему победу. Но он знал, что не может позволить себе ещё одно отступление. За его спиной находилась держава, чьи города, народы и правители ожидали от него защиты.

— Пусть начнут, — произнёс он.

Сигнал прозвучал почти одновременно с обеих сторон.

Персидская конница двинулась вперёд.

Первый удар пришёлся на фланги македонской армии. Персидские всадники пытались обойти противника, заставить его растянуть строй и открыть промежутки между подразделениями. Македоняне отвечали манёврами, удерживая основные позиции и не позволяя коннице свободно проникнуть в глубину построения.

На левом крыле Парменион оказался под сильным давлением. Против него действовали многочисленные конные отряды, и вскоре стало ясно, что персы намерены воспользоваться своим численным преимуществом.

— Удерживать линию! — кричали командиры.

Лошади сталкивались грудь в грудь, всадники наносили удары копьями и мечами, а пехотинцы пытались не допустить прорыва противника к обозам.

Парменион видел, что положение становится опасным.

— Не отступать беспорядочно! — приказал он. — Сохранять строй! Поддержать соседние подразделения!

Но персидская конница продолжала давить.

Тем временем в центре сражения в движение пришли боевые колесницы. Они разгонялись по заранее подготовленной равнине, и лошади неслись прямо на македонские позиции. Над колесницами возвышались возницы и воины, вооружённые луками и копьями.

Для тех, кто видел их впервые, зрелище было устрашающим.

Однако македоняне не стали встречать их сплошной неподвижной стеной. По команде отдельные участки строя разомкнулись, открывая проходы. Колесницы пронеслись между подразделениями, а оказавшиеся внутри македонского построения машины потеряли возможность наносить прежний удар. Воины атаковали возниц и лошадей, другие поражали их метательными копьями.

Часть колесниц была остановлена, часть проскочила дальше, не причинив ожидаемого ущерба.

Александр наблюдал за происходящим с правого крыла.

— Они потратили главный козырь, — заметил один из командиров.

— Не торопись с выводами, — ответил царь. — У Дария ещё достаточно сил.

Он заметил, что персидские подразделения продолжают усиливать давление на левое крыло македонян. В центре образовалось движение, которое постепенно меняло первоначальное расположение армий. Персидская конница пыталась расширить разрывы между подразделениями, а македонская пехота сдерживала её продвижение.

В этот момент один из разведчиков подъехал к Александру.

— Государь! Парменион просит помощи. Противник усилил натиск, его подразделения начинают обходить левое крыло.

Александр посмотрел в ту сторону. Он увидел, что положение действительно становится опасным.

— Сколько сил у него осталось в резерве?

— Недостаточно, чтобы остановить всю конницу противника.

Александр повернулся к Гефестиону.

— Следи за правым крылом. Не позволяй им обойти нас.

— А ты?

— Я должен найти возможность пройти к центру.

Гефестион кивнул.

Александр приказал перестроить часть конницы и приготовиться к атаке. Он видел, что между персидскими подразделениями постепенно возникает промежуток. Это ещё не было открытой дорогой к Дарию, но могло стать возможностью, которую нельзя упускать.

Сражение продолжалось. Воины обеих армий уже были покрыты пылью, лица скрывались под грязью и потом, а голоса командиров тонули в общем шуме боя.

Македонская фаланга медленно продвигалась вперёд, удерживая плотный строй. Длинные копья сарисс создавали перед ней опасную стену, но даже такое построение не могло полностью защитить от ударов с флангов.

В одном из подразделений молодой Леон заметил, что его товарищ получил ранение в плечо.

— Держись! — крикнул он.

— Я ещё могу стоять!

— Тогда стой рядом!

Они продолжали двигаться вместе с подразделением, стараясь не отставать от общего строя. Вокруг падали люди, ломались копья, а земля постепенно покрывалась телами погибших и раненых.

Леон впервые понял, насколько далёкими от действительности были рассказы о великих сражениях, в которых полководцы словно передвигали фигуры на доске. Здесь не существовало фигур. Здесь каждый человек дышал, боялся, ошибался и пытался сохранить жизнь.

На другом участке Александр уже начал движение конницы. Он выбрал момент, когда персидские подразделения сместились в сторону македонского центра, и направил гетайров в образовавшийся промежуток.

Всадники ускорили движение.

— За мной! — крикнул Александр.

Конница ударила по персидским силам, стараясь прорваться в направлении центра. Противник попытался перестроиться, но движение македонян оказалось стремительным. Александр лично возглавлял атаку, и его появление впереди воинов придало им уверенности.

Вскоре они увидели царское подразделение Дария.

Персидский царь находился в центре, окружённый охраной. Между ним и македонской конницей ещё оставалось пространство, но оно стремительно сокращалось.

— Государь, они приближаются! — крикнул один из персидских командиров.

Дарий увидел Александра.

Он понимал, что если македонский царь достигнет его позиции, сражение может закончиться гораздо быстрее, чем ожидалось. Вокруг него продолжали сражаться тысячи воинов, но центр уже испытывал давление.

Александр направил коня вперёд.

И в этот момент персидские подразделения начали терять согласованность. Одни продолжали сражаться, другие пытались перестроиться, третьи отступали, опасаясь окружения. Войско, которое ещё недавно казалось единым и несокрушимым, постепенно распадалось на отдельные группы.

Дарий смотрел на приближающихся македонян и видел, что вокруг него становится всё труднее удерживать порядок.

Он не хотел покидать поле боя. Но оставаться означало рисковать не только собственной жизнью, но и возможностью продолжить борьбу.

В конце концов царь приказал отступать.

Это решение стало переломным моментом сражения. Когда персидские воины увидели движение царского подразделения, многие решили, что битва уже проиграна. Отступление постепенно превратилось в бегство, хотя отдельные части армии продолжали сопротивляться.

Александр увидел, что Дарий уходит.

— За ним! — крикнул один из командиров.

Царь поднял руку.

— Не терять строй! Сначала завершить прорыв, затем преследовать!

Он понимал, что погоня за Дарием может оказаться опасной, если персидские подразделения сохранят способность нанести удар по флангам.

Но известие о бегстве персидского царя быстро распространилось по полю. Македоняне почувствовали приближение победы, а персы всё чаще оглядывались, пытаясь понять, где находятся их командиры.

На левом крыле положение оставалось тяжёлым. Парменион продолжал удерживать позиции, несмотря на давление превосходящих сил. Когда до него дошли сведения об успехе Александра, он приказал не допускать беспорядочного преследования и сосредоточиться на восстановлении строя.

Однако вскоре стало ясно, что персидская армия больше не способна вести согласованное сражение.

Александр направился к участку, где находился Парменион. Когда они встретились, старый военачальник выглядел утомлённым, но держался уверенно.

— Ты прорвался к центру, — сказал он.

— А ты удержал левое крыло.

— Не без потерь.

— Я знаю.

Парменион посмотрел в сторону поля.

— Дарий ушёл. Теперь нам нужно решить, что делать дальше.

Александр молчал, наблюдая за отступающими персидскими отрядами.

— Мы победили, Парменион, — наконец произнёс он. — Но не будем считать, что война закончилась только потому, что сегодня противник потерял строй.

— Ты собираешься продолжать преследование?

— Да. Но сначала необходимо позаботиться о раненых и привести войско в порядок.

Парменион одобрительно кивнул.

— Тогда я займусь левым крылом.

Александр поблагодарил его и направился к своим командирам.

К вечеру поле постепенно опустело. Персидские отряды отступили, оставив оружие, колесницы, обозы и множество погибших. Македоняне одержали решающую победу, но радость победителей смешивалась с усталостью и горечью потерь.

Александр приказал разыскать раненых, оказать им помощь и собрать тела погибших. Он распорядился не трогать тех персидских воинов, которые сложили оружие и больше не представляли угрозы.

Когда один из командиров спросил, следует ли преследовать всех отступающих без разбора, Александр ответил:

— Мы должны преследовать тех, кто продолжает сражаться. Но не превращать победу в охоту на людей, которые уже не могут сопротивляться.

Позднее, когда солнце почти скрылось за горизонтом, к нему подвели пленного персидского офицера. Тот был ранен и едва держался на ногах.

— Кто ты? — спросил Александр.

— Артабаз. Я командовал конным подразделением.

— Ты продолжал сражаться после того, как Дарий отступил?

— Да. Я не видел его ухода и узнал о нём слишком поздно.

— Ты мог бросить оружие.

— Мог. Но мои люди продолжали сражаться, и я не хотел оставлять их.

Александр посмотрел на него с уважением.

— Отведите его к лекарям. После выздоровления он получит возможность вернуться к своим.

Пленный удивлённо поднял глаза.

— Ты отпускаешь меня?

— Я не обещаю тебе свободу прямо сейчас. Но ты не должен умереть от раны только потому, что оказался на проигравшей стороне.

Артабаз поклонился, насколько позволяли силы, и его увели.

Поздно ночью Александр остался один. Перед ним лежала карта Персидской державы. На ней были обозначены Вавилон, Сузы, Персеполь и другие города, которые ещё предстояло занять или принять под новую власть.

Он победил Дария в крупнейшем сражении своей жизни. Персидская армия была разбита, а путь к сердцу державы оказался открыт. Но вместо ожидаемого торжества Александр испытывал странное опустошение. Ему казалось, что вместе с противником на равнине осталась и какая-то часть его собственной юности — той, в которой каждая победа представлялась окончательным доказательством силы.

Он вспомнил слова старого персидского чиновника, сказанные ему ещё на дороге к Вавилону: победитель считает себя хозяином будущего, но ему ещё предстоит доказать, что он способен стать частью настоящего.

Теперь эта мысль приобрела новый смысл.

Перед ним лежала огромная держава, которую он мог попытаться подчинить силой, но не мог заставить её народы забыть собственную историю. Он мог войти в царские дворцы,

занять сокровищницы и получить титулы, но не мог одним приказом сделать чужие земли своим домом.

Гефестион вошёл в шатёр.

— Ты ещё не спишь?

— Нет.

— Завтра армия будет ждать твоих распоряжений.

— Завтра мы отправимся к Вавилону.

Гефестион посмотрел на карту.

— Теперь Дарий не сможет собрать прежнюю армию.

— Возможно. Но он ещё жив, а значит, борьба не окончена.

— Ты думаешь, он снова попытается сражаться?

— Не знаю. Но если бы я оказался на его месте, мне было бы трудно отказаться от последней попытки вернуть утраченное.

Гефестион сел рядом.

— Сегодня ты победил величайшую армию Персии.

Александр посмотрел на друга.

— Сегодня погибли тысячи людей, Гефестион. Не говори так, словно победа сама по себе делает этот день счастливым.

За пределами шатра ещё слышались голоса воинов и стоны раненых. На огромной равнине постепенно стихал шум битвы, но её последствия только начинали раскрываться перед теми, кому предстояло жить дальше. Александр закрыл карту и некоторое время сидел молча, понимая, что падение персидской армии стало не концом его пути, а началом гораздо более трудного испытания: теперь ему предстояло решить, сумеет ли он стать правителем мира, который завоевал, не превратившись в пленника собственной победы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ВОРОТА ВАВИЛОНА

После победы при Гавгамелах прошло несколько недель. Македонская армия двигалась на юг, к Вавилону, и с каждым переходом перед Александром всё отчётливее вставал вопрос, который прежде казался ему второстепенным: что делать с огромной державой, когда её столица уже не может сопротивляться, но сама жизнь её народа продолжается так, словно никакая битва не способна остановить течение времени?

Воины ожидали нового сражения. Они привыкли к тому, что каждый большой город приходится брать силой, что за крепостными стенами скрываются стрелки, что дорога к победе оплачивается кровью. Но разведчики приносили иные сведения. Вавилон не готовился к отчаянной обороне. Его правитель, сатрап Мазей, вступил в переговоры и, казалось, решил открыть ворота перед победителем.

— Он знает, что проиграл, — заметил Парменион, когда военачальники собрались у карты. — После Гавгамел ему трудно рассчитывать на помощь Дария. Но я бы не спешил считать его нашим другом.

— Я и не собираюсь, — ответил Александр. — Человек может открыть ворота потому, что надеется сохранить город, а не потому, что полюбил нового царя.

Гефестион, стоявший рядом, внимательно посмотрел на карту.

— Если Мазей действительно сдаст город без боя, наши воины войдут туда почти без потерь.

— Почти без потерь, — повторил Александр. — Но не будем забывать, что город — это не только стены и ворота. Там живут люди, которые не участвовали в нашем походе и не выбирали, кому быть их правителем.

Парменион пожал плечами, однако спорить не стал. Он слишком хорошо знал Александра, чтобы принимать его слова за простую уступчивость. Царь мог быть стремительным и

беспощадным, когда видел перед собой военную необходимость, но в последние месяцы всё чаще думал о том, что произойдёт после победы.

Вавилон показался вдали на фоне равнины. Его стены поднимались над землёй мощной линией, а над городом угадывались башни храмов. Между домами и укреплениями блестели каналы, питавшие поля и сады. Здесь древность не была воспоминанием о давно ушедших временах: она жила в кирпичах, в клинописных табличках, в привычках ремесленников, в молитвах жрецов и в рассказах стариков, которые помнили имена царей, умерших задолго до рождения Александра.

У дороги стоял небольшой караван. Верблюды медленно пережёвывали корм, торговцы складывали тюки, а мальчик лет десяти, заметив македонских всадников, спрятался за отцовскую повозку. Его отец не сделал ни одного движения, чтобы остановить приближавшихся воинов, но и не поклонился им.

Александр заметил это.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика, остановив коня.

Тот выглянул из-за плеча отца.

— Набу.

— Ты боишься нас, Набу?

Мальчик посмотрел на отца, словно спрашивая разрешения ответить.

— Отец говорит, что солдаты всегда берут то, что им нужно.

Александр перевёл взгляд на мужчину.

— А ты сам что думаешь?

— Я думаю, государь, что солдаты берут то, что им позволяют взять, — осторожно ответил тот. — Иногда позволяет слабость, иногда страх, а иногда приказ царя.

Воины, стоявшие рядом, переглянулись. Ответ был дерзким, хотя мужчина произнёс его спокойно.

— Как тебя зовут?

— Бел-этер, господин. Я торговец тканями.

— Ты давно живёшь здесь?

— Мой отец жил здесь. Его отец тоже. Мы не знаем другого города.

Александр посмотрел на стены Вавилона, затем снова на торговца.

— Я не пришёл уничтожать твой город. Если его жители не поднимут оружие, мои воины не должны причинять им вреда.

— Приказ царя может остановить солдата, — ответил Бел-этер. — Но сможет ли он вернуть то, что солдат уже отнял?

Александр не нашёлся с ответом сразу. Он привык к вопросам воинов, советников и философов, но редко слышал, чтобы простой человек говорил с ним так прямо.

— Нет, — наконец произнёс он. — Не сможет. Поэтому я постараюсь, чтобы не пришлось ничего возвращать.

Мальчик уже не прятался за повозкой. Он рассматривал Александра с любопытством, словно пытался понять, действительно ли перед ним тот человек, о котором столько рассказывали.

Когда отряд двинулся дальше, Гефестион поравнялся с царём.

— Ты обещаешь людям то, что ещё не можешь полностью обеспечить.

— Если я буду обещать только то, что уже произошло, мне незачем будет быть царём.

— А если твои воины не послушаются?

— Тогда отвечать придётся мне.

Впереди показалась делегация вавилонян. Во главе её находился Мазей, сатрап, который после Гавгамел перешёл на сторону Александра. Он ехал верхом, сопровождаемый знатными горожанами и представителями храмовой общины. Его одежда была богато украшена, но лицо

оставалось напряжённым. Он понимал, что сегодня решается не только судьба города, но и его собственная.

Мазей спешился первым.

— Царь Александр, — произнёс он, склонив голову. — Вавилон открывает перед тобой свои ворота. Мы просим сохранить жизнь его жителям, защитить храмы и не нарушать древних обычаев.

— Ты говоришь от имени всего города?

— Я говорю от имени тех, кто уполномочил меня встретить тебя. Но я не могу утверждать, что каждый житель радуется твоему приближению.

Александр внимательно посмотрел на сатрапа.

— Хорошо, что ты понимаешь разницу между городом и его правителями. Я не требую от жителей радости. Мне достаточно, чтобы они не боялись за свою жизнь и могли продолжать работать.

Он повернулся к военачальникам.

— Воины войдут в город организованно. Никакого грабежа. Не трогать дома, лавки и храмы. За нарушение приказа последует наказание, независимо от звания и прежних заслуг.

Парменион наклонил голову, принимая распоряжение.

Ворота Вавилона открылись.

Македоняне вошли в город под взглядами тысяч людей. Одни приветствовали победителей, другие стояли молча, третьи наблюдали из окон и с крыш. На улицах пахло свежим хлебом, пряностями, горячим маслом и пылью. Торговцы не спешили возвращаться к своим прилавкам, дети держались возле матерей, а пожилые люди смотрели на чужеземных воинов с тем особенным выражением, которое бывает у тех, кто уже пережил слишком много смен власти.

Александр ехал впереди, стараясь не смотреть только на величественные здания. Его внимание привлекали лица. Он видел старуху, которая прижимала к груди корзину с хлебом, ремесленника, поспешно закрывавшего дверь мастерской, и молодую женщину с ребёнком на руках. Все они ждали, что принесёт им новый царь.

У одного из храмовых дворов его встретил пожилой писец. На поясе мужчины висела небольшая сумка с глиняными табличками, а пальцы были испачканы глиной.

— Государь, — сказал он через переводчика, — я служу при храме Мардука. Меня зовут Набу-аххе. Я храню записи о пожертвованиях, земле, зерне и людях, которые служили этому святилищу.

— И что ты хочешь от меня?

— Чтобы храм остался храмом, а не стал казармой. Чтобы наши обряды не запрещали и чтобы писцы могли продолжать работу.

— Вы будете молиться своим богам, — ответил Александр. — Я не пришёл менять ваши молитвы на македонские.

Писец немного помедлил.

— Многие завоеватели говорили, что пришли сохранить порядок. Но после них оставались разрушенные святилища и новые налоги.

— Значит, тебе есть с чем сравнивать.

— К сожалению, государь.

Александр спешился и прошёл во внутренний двор. Там стояли служители храма. Один из них держал небольшую лампу, другой раскладывал на столе предметы для обряда. Старший жрец объяснил через переводчика, что Вавилонский храм Мардука пережил времена возвышения и упадка, что его судьба была связана с судьбой всего города.

Александр выслушал его и приказал выделить средства на необходимые восстановительные работы. Он понимал, что этим укрепляет собственную власть, но не считал одно другим

исключающим. Иногда уважение к чужой вере было не только знаком доброй воли, но и единственным способом не превратить огромную страну в бесконечное поле восстаний.

Вечером Александр остановился в царском дворце. Из его покоев открывался вид на часть города. Вдали виднелись ступени огромного храмового сооружения, а за крышами домов тянулись зелёные полосы садов. Ему рассказывали о необыкновенных садах Вавилона, о деревьях, которые будто бы росли высоко над землёй, но он пока не знал, какие из этих рассказов были правдой, а какие — украшением древней памяти.

Гефестион вошёл без приглашения. За долгие годы их дружбы он давно перестал нуждаться в особых церемониях.

— Ты доволен сегодняшним днём? — спросил он.

— Я доволен тем, что город не пришлось брать штурмом.

— И тем, что Мазей согласился служить тебе?

— Пока я не знаю, чему он служит больше: мне, Вавилону или собственной безопасности.

— А это так важно?

Александр подошёл к окну.

— Если человек служит только тому, кто сегодня сильнее, завтра он может перейти к тому, кто окажется сильнее меня. Если же он действительно хочет сохранить свою страну и её жизнь, с ним можно работать.

— Ты намерен оставить его сатрапом?

— Пока да. Он знает эту землю, её людей, её законы и обычаи. Я не собираюсь заменять каждого местного правителя македонянином только потому, что мы победили в сражении.

Гефестион некоторое время молчал, затем спросил:

— Ты веришь, что они примут тебя?

— Не знаю. Сегодня они открыли ворота. Но ворота — это ещё не доверие.

— А как его завоевать?

Александр повернулся к другу.

— Возможно, впервые в жизни я начинаю понимать, что доверие нельзя завоевать так, как завоёвывают крепость. Его можно только заслужить, день за днём, поступками, которые люди увидят и запомнят.

В этот момент вошёл гонец. Он принёс сообщение о движении Дария к восточным областям. Персидский царь не был пленён и не отказался от борьбы. Его сторонники ещё располагали силами, а впереди лежали новые земли, где Александр пока не имел ни надёжных союзников, ни прочной власти.

— Значит, война продолжается, — сказал Гефестион.

— Да. Но теперь нам предстоит не только побеждать армию Дария. Нам предстоит научиться управлять тем, что осталось от его державы.

Ночью город постепенно затих. Вавилон продолжал жить своей древней жизнью: где-то закрывали лавки, где-то матери укладывали детей, в храмовых дворах служители готовили утренние обряды, а писцы при свете ламп завершали записи на глиняных табличках. В одном из домов Бел-этер рассказывал сыну, что видел нового царя совсем близко и что тот ответил ему без гнева. Мальчик спросил, станет ли теперь всё иначе. Отец не знал, что сказать, и только поправил одеяло на его плечах. А далеко оттуда Александр ещё долго стоял у окна, глядя на огни города, который достался ему без решающего штурма, но отнюдь не стал от этого его собственностью: он впервые особенно ясно почувствовал, что стены можно получить в один день, тогда как право называться правителем этой земли придётся подтверждать каждый день, пока в её домах продолжают жить люди.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
ЗОЛОТО ВАВИЛОНА

Вавилон постепенно привыкал к присутствию македонской армии. Первые дни после вступления Александра в город прошли в напряжённом ожидании: жители присматривались к новым властителям, торговцы осторожно открывали лавки, храмовые служители проверяли, не нарушены ли привычные порядки, а чиновники старались понять, какие распоряжения последуют от царя. Но жизнь, привыкшая переживать смену династий и падение держав, понемногу возвращалась в привычное русло.

Александр всё чаще покидал дворец и отправлялся осматривать город. Его интересовали не только укрепления и сокровищницы, но и то, как устроена повседневная жизнь огромной столицы. Он расспрашивал о каналах, по которым вода поступала к полям, о торговых путях, о ремесленных кварталах, о зерновых хранилищах. Его сопровождали Гефестион, несколько военачальников, переводчики и местные чиновники.

Однажды они остановились возле мастерской, где несколько мужчин обжигали кирпичи. Старший мастер, узнав царя, вытер руки о передник и вышел навстречу.

— Ты давно работаешь здесь? — спросил Александр.

— С юности, государь. Мой отец тоже занимался кирпичом, а до него — дед.

— Значит, твоя семья строила Вавилон задолго до моего прихода.

— Некоторые стены, которые ты видел, сложены из кирпича, изготовленного моими предками. Но я не могу сказать, что строил город. Я только продолжал их работу.

Александр взял с края площадки небольшой кирпич. На нём сохранились следы пальцев мастера.

— А что останется от твоей работы?

— Если кирпич окажется хорошим, он переживёт меня. Если плохим — рассыплется раньше, чем я успею состариться.

— И ты всегда знаешь, каким он получится?

Мастер усмехнулся.

— Если бы знал, государь, мне не пришлось бы каждый день проверять печь.

Гефестион улыбнулся, но Александр продолжал рассматривать кирпич.

— Значит, даже тот, кто создаёт прочную вещь, не всегда может знать, сколько она прослужит.

— Так устроена работа, государь. Мы делаем всё, что можем, а дальше многое зависит от времени, воды и тех, кто придёт после нас.

Александр вернул кирпич на место и распорядился, чтобы мастерской своевременно доставляли необходимые материалы. Он не хотел, чтобы работы в городе останавливались из-за произвола чиновников или требований военных.

По дороге обратно они увидели небольшое скопление людей возле торговой площади. Несколько солдат спорили с владельцем лавки. Один из них держал свёрток ткани, а торговец пытался объяснить, что товар ещё не оплачен.

— Что происходит? — спросил Александр.

Солдат вытянулся.

— Государь, мы хотели купить ткань, но этот человек требует слишком много.

— Ты заплатил ему?

— Нет. Я собирался договориться.

Александр повернулся к торговцу.

— Ты назвал цену?

— Да, государь. Он не согласился.

— Тогда почему товар у него в руках?

Воин опустил глаза.

— Я думал, что могу взять его сейчас, а расчёт произвести позднее.

— Ты думал, что победа при Гавгамелах дала тебе право распоряжаться чужим имуществом?

Солдат молчал.

— Верни ткань. И заплати за неё, если действительно хочешь купить. Если у тебя нет денег, значит, ты не покупатель.

Солдат нехотя положил свёрток на прилавок. Александр приказал записать его имя и передать дело командиру подразделения.

— Государь, — осторожно произнёс торговец, — я не хочу, чтобы его наказали слишком сурово.

— Почему?

— Он молодой. Может быть, впервые оказался в большом городе и решил, что здесь всё принадлежит победителям.

Александр посмотрел на воина.

— А ты понял, что это не так?

— Понял, государь.

— Запомни сегодняшний день. Если ты не научишься отличать добычу от чужого труда, то однажды кто-нибудь поступит так же с тем, что принадлежит тебе.

Когда они отошли от площади, Гефестион заметил:

— Ты всё чаще занимаешься мелочами.

— Для человека, у которого отняли последнюю ткань, это не мелочь.

— Но у тебя огромная армия, впереди ещё походы, а ты разбираешь спор из-за одного свёртка.

— Именно потому, что у меня огромная армия, я должен помнить о таких вещах. Один солдат может отнять ткань у торговца, другой — зерно у земледельца, третий — дом у семьи. А потом мы удивляемся, почему нас ненавидят в городах, которые сами же обещали защищать.

Гефестион не ответил. Он понимал, что Александр не просто хотел сохранить порядок. Ему было важно доказать самому себе, что власть может быть не только правом требовать, но и обязанностью ограничивать тех, кто находится под твоим командованием.

Однако за внешним спокойствием города скрывалась другая сторона победы. Вавилонская казна была огромна. Золото, серебро, драгоценные изделия, запасы и ценности, собиравшиеся поколениями правителей, теперь переходили в руки Александра. Слухи о богатствах столицы быстро разошлись среди македонских воинов. Люди, прошедшие через пустыни и сражения, надеялись наконец получить награду за долгие годы похода.

В один из вечеров Парменион пришёл к Александру с докладом о распределении добычи.

— Воины ждут вознаграждения, — сказал он. — Они заслужили его. Некоторые служат тебе с самого начала похода. Они оставили дома, семьи, имущество и уже не раз смотрели смерти в лицо.

— Я не собираюсь лишать их награды.

— Тогда необходимо решить, сколько получит каждый. Кроме того, часть средств следует направить на содержание армии, ремонт вооружения и снабжение.

Александр прошёлся по комнате.

— Сколько из этого золота принадлежит мне лично?

Парменион посмотрел на него с некоторым удивлением.

— По праву победителя казна находится в твоём распоряжении.

— Я спросил не об этом.

— Тогда я не знаю, как ответить.

Александр остановился возле стола, на котором лежали списки имущества.

— Эти богатства собирали цари Вавилона, их чиновники, торговцы и жители страны. Часть была получена торговлей, часть — налогами, часть — военными походами. Теперь всё

это оказалось здесь, потому что мы победили. Но если я назову всё своим, что останется от самого смысла победы?

— Ты завоевал эту державу, Александр. Ты имеешь право распоряжаться её казной.

— Право распоряжаться — не значит право бездумно растратить.

Парменион сложил руки за спиной.

— Ты хочешь сохранить всё золото?

— Нет. Я хочу, чтобы оно послужило делу. Армия должна получить заслуженное вознаграждение. Города должны содержать дороги и каналы. Храмы и общественные здания нуждаются в ремонте. Нам предстоит продолжать поход, и мы не можем оставлять за собой разорённые земли.

— Значит, ты уже решил.

— Я решил, что казна должна работать, а не просто лежать под охраной.

Парменион поклонился и вышел.

Позднее к Александру пришёл Набу-аххе, храмовый писец, с которым царь познакомился в первые дни пребывания в городе. Он принёс несколько табличек с записями о храмовых владениях и пожертвованиях.

— Я слышал, государь, что ты собираешься изменить порядок управления казной.

— Я собираюсь разобраться в том, как она устроена.

— Тогда тебе следует знать: богатство Вавилона не находится только в сокровищницах. Оно в каналах, которые питают поля, в мастерских, где работают тысячи людей, в торговле, которая связывает город с дальними странами.

— Ты хочешь сказать, что золото не главное богатство города?

— Я хочу сказать, что золото можно пересчитать, а жизнь города нельзя выразить одной цифрой.

Александр внимательно посмотрел на писца.

— Ты говоришь так, будто я собираюсь опустошить Вавилон.

— Я не знаю твоих намерений, государь. Я знаю только то, что видел прежде. Цари приходят и уходят, а люди продолжают сеять зерно, строить дома и растить детей. Если новый царь сохранит эту жизнь, его имя будут произносить иначе, чем имя завоевателя, который оставил после себя только пустые хранилища.

Александр долго не отвечал. В словах старого писца не было ни лести, ни страха, но было то, чего он всё чаще искал в людях: способность говорить о вещах, не связанных с его славой.

— Оставь мне эти записи, — сказал он. — Я хочу, чтобы мои чиновники изучили их прежде, чем принимать решения.

Когда писец ушёл, Александр остался один. На столе лежали таблички, списки золота и серебра, донесения о положении армии и сообщения о Дарие. Каждая бумага требовала внимания, каждый приказ мог изменить чью-то жизнь. Ему казалось, что власть постепенно приобретает совсем иной вид, чем тот, который представлялся ему в юности. Тогда она была похожа на коня, которого нужно удержать и направить. Теперь она всё больше напоминала огромный механизм, в котором движение одной детали отзывалось в сотнях других.

Поздно вечером Гефестион застал его у окна.

— Ты опять не спишь.

— Я думаю.

— О чём на этот раз?

— О том, сколько всего человек может приобрести и как мало он способен удержать.

Гефестион посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты говоришь так, будто уже собрался оставить всё это.

— Нет. Я пока ещё слишком многого хочу. Мне предстоит пройти через земли, о которых рассказывали путешественники, увидеть восточные города, понять, где заканчивается извест-

ный нам мир. Но сегодня я впервые особенно остро почувствовал, что богатство страны не становится частью человека только потому, что он получил над ним власть.

— Ты боишься, что золото изменит тебя?

— Я боюсь не самого золота. Я боюсь однажды перестать видеть за ним людей, которые его добывали, перевозили, хранили и передавали из поколения в поколение.

Гефестион подошёл к столу и взял одну из табличек.

— А что ты собираешься оставить после себя?

Александр посмотрел на него.

— Пока не знаю. Может быть, города, которые продолжат жить. Может быть, дороги, по которым пойдут другие люди. Может быть, знания, которые соединят тех, кто прежде не знал друг о друге. Но если после меня останутся только золотые сокровищницы и рассказы о победах, я не уверен, что этого будет достаточно.

За окнами Вавилона мерцали огни. В огромных домах ужинали семьи, в мастерских ещё работали ремесленники, у храмовых ворот дежурили служители, а на улицах встречались люди, говорившие на разных языках. Город не принадлежал одному времени и одному царю. Он был создан многими поколениями, и каждый из них оставил в нём что-то своё.

Александр ещё не знал, сколько земель ему предстоит пройти и какие испытания ждут впереди, но мысль, возникшая в этот вечер, уже не отпускала его: золото может перейти из рук в руки, власть может достаться одному человеку, а затем другому, однако истинное богатство народа заключается не в том, сколько сокровищ хранится за дворцовыми стенами, а в том, сумеет ли он передать следующему поколению свои знания, труд, память и саму возможность жить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ ПЕРСИИ

Вавилон стал для Александра не только новой столицей, но и местом, где ему пришлось впервые по-настоящему почувствовать тяжесть управления огромной державой. В Македонии он знал почти каждого из своих военачальников, помнил лица людей, с которыми рос и сражался, понимал привычки своего народа. Здесь же перед ним находилась страна, населённая людьми, чьи языки, обычаи и представления о власти складывались на протяжении многих столетий. Он мог приказать, чтобы его признали царём, но не мог одним приказом сделать так, чтобы миллионы людей почувствовали себя его подданными.

Впрочем, времени для долгих размышлений у него не было. Из восточных областей приходили тревожные известия. Дарий III, потерпевший поражение при Иссе и Гавгамелах, не собирался добровольно отказываться от борьбы. Он отступал в глубь своих владений, собирая вокруг себя тех, кто ещё сохранял верность персидскому престолу.

Однажды утром Александр получил донесение от разведчиков. Он прочитал его, затем передал Гефестиону.

— Дарий направляется к востоку, — сказал он. — Его путь лежит через Сузы, а затем дальше, к Персидским воротам.

— Он рассчитывает собрать новую армию?

— Вероятно. У него ещё есть люди, которые готовы сражаться. И, возможно, он надеется, что расстояние заставит нас остановиться.

Парменион, присутствовавший при разговоре, покачал головой.

— Армия устала. Мы прошли огромный путь, взяли Вавилон, получили богатства и теперь можем закрепиться здесь. Зачем спешить за Дарием? Пусть он сам решит, насколько долго способен удерживать восточные области.

Александр подошёл к карте.

— Если мы остановимся, он получит время. А вместе с временем — возможность снова собрать войска, укрепить города и убедить своих сторонников, что Персидская держава ещё не погибла.

— Но наши люди не железные, — возразил Парменион. — Они сражаются уже много месяцев. Не каждый способен продолжать поход бесконечно.

Александр повернулся к нему.

— Я знаю. Поэтому мы дадим им отдых, пополним запасы и приведём в порядок вооружение. Но мы не можем позволить Дарию восстановить силы только потому, что нам хочется остаться среди богатств Вавилона.

— Ты говоришь так, словно победа уже не имеет для тебя значения.

— Она имеет значение, Парменион. Но победа при Гавгамелах ещё не закончила войну.

Военачальник внимательно посмотрел на царя.

— А когда она закончится?

Александр не ответил сразу.

— Когда люди перестанут умирать ради того, чтобы один из нас мог называть себя царём Персии.

Парменион опустил глаза. Он понимал, что Александр не собирается отступать от своей цели.

В последующие дни в городе шла подготовка к дальнейшему походу. Проверяли запасы зерна, распределяли коней, ремонтировали колесницы и оружие. Македонские военачальники обсуждали, какие подразделения следует оставить в Вавилоне, а какие отправить на восток. Мазей сохранял должность сатрапа, и его люди помогали организовать снабжение армии.

Однажды Александр увидел, как у дворцового двора несколько воинов грузят на повозки мешки с зерном. Среди них находился Леон, молодой македонянин, которого царь знал ещё по прежним сражениям. Юноша заметил Александра и выпрямился.

— Ты снова отправляешься в поход? — спросил царь.

— Да, государь.

— Ты уже получил письмо от матери?

Леон смутился.

— Нет. Но я надеюсь, что весть о победе при Гавгамелах дошла до неё.

— Надеяться хорошо. Но напиши ей сам, когда будет возможность.

— Я не очень умею писать, государь.

— Тогда попроси писца. Расскажи ей, что жив, что здоров и что помнишь о доме.

Леон улыбнулся.

— Она всегда говорит, что я должен вернуться не победителем, а живым.

Александр на мгновение задержал взгляд на юноше.

— Умная у тебя мать.

— Она говорит, что победителей хоронят так же, как остальных.

Царь ничего не ответил. Эти слова напомнили ему о тысячах людей, которые уже не увидят своих семей. Он подумал о том, как легко на карте обозначить стрелкой направление похода и как трудно представить за этой стрелкой судьбы тех, кто будет идти по дороге.

В тот же день он пригласил Гефестиона пройтись по одному из городских садов. Вавилонская жара постепенно спадала, и воздух наполнялся ароматом влажной земли. Слуги оставались на расстоянии, не вмешиваясь в разговор.

— Ты помнишь, что говорил нам Аристотель о государстве? — спросил Александр.

— Он говорил многое. Особенно о том, что государство не должно быть просто собранием людей, живущих рядом.

— Он говорил, что люди объединяются ради общей жизни, а не только ради безопасности. Я тогда слушал его, но думал больше о царях и героях, чем о тех, кто выращивает хлеб и строит дома.

Гефестион посмотрел на него.

— А теперь?

— Теперь я вижу, что царство существует не благодаря одному человеку. Царь может победить врага, но он не способен один удержать страну. Её удерживают люди, которые каждый день выполняют свою работу.

— Ты собираешься править Персией как македонянин или как персидский царь?

Александр остановился возле дерева.

— Я не хочу, чтобы люди были вынуждены выбирать между двумя мирами. Македония дала мне жизнь, Персия стала частью моей судьбы. Если я сумею соединить их, не уничтожив ни одну из них, возможно, после меня останется нечто большее, чем память о войне.

— А если они не захотят соединяться?

— Тогда мне придётся понять почему. Нельзя заставить человека считать чужую волю своей только потому, что ты сильнее его.

Гефестион некоторое время молчал, а затем сказал:

— Ты изменился.

Александр посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Разве человек должен оставаться таким же, каким был в двадцать лет?

— Не должен. Но иногда перемены приходят слишком дорогой ценой.

Они продолжили прогулку. Впереди ещё лежали Сузы, Персеполь и горные проходы, через которые предстояло провести армию. Дарий оставался жив, и его имя по-прежнему имело значение для многих жителей державы.

Через несколько дней Александр собрал военачальников и объявил о выступлении. Часть войска должна была отправиться к Сузам, другой отряд обеспечивал охрану коммуникаций и порядок в Вавилоне. Перед уходом царь распорядился, чтобы Мазей продолжал управлять областью, а местные чиновники сохранили свои должности при условии честного исполнения обязанностей.

Когда армия покидала город, у ворот стоял Бел-этер со своим сыном Набу. Торговец узнал Александра и поклонился. Мальчик, не скрывая любопытства, поднял руку.

Александр остановил коня.

— Ты теперь не боишься нас, Набу?

Мальчик задумался.

— Немного боюсь. Но отец говорит, что ты не позволил солдату забрать нашу ткань.

— Тогда передай отцу, что я надеюсь, он продаст её по хорошей цене.

Бел-этер улыбнулся.

— Если дорога будет безопасной, государь.

— Сделаем всё возможное, чтобы она была безопасной.

Александр двинулся дальше. За его спиной оставался город, который не пришлось разрушать ради победы. Впереди лежала Персия — земля, где его ждали новые богатства, новые опасности и люди, для которых он всё ещё оставался чужеземцем.

Но теперь его мысли всё чаще возвращались не к тому, сколько ещё земель предстоит покорить, а к тому, что произойдёт с ними после его ухода. Он начинал понимать, что судьба царя определяется не только тем, как далеко он сумел продвинуть границы своего государства, но и тем, сумел ли он создать порядок, способный пережить его самого. И всё же дорога к Дарию оставалась открытой, потому что пока два человека продолжали считать себя законными властителями одной державы, мир между ними был ещё невозможен.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ГОРОДА, КОТОРЫЕ ХРАНИЛИ ПАМЯТЬ

Дорога к Сузам проходила через земли, где богатство Персидской державы ощущалось не столько в царских сокровищницах, сколько в самой жизни страны. Караваны двигались между городами, крестьяне обрабатывали поля, ремесленники трудились в мастерских, а вдоль дорог встречались небольшие поселения, жители которых с тревогой следили за приближением чужеземного войска.

Александр старался не допускать бессмысленного разорения. Он понимал, что армия не может существовать без продовольствия, но требовал, чтобы запасы приобретались за установленную плату, а не отбирались у населения. Не всегда его распоряжения исполнялись безупречно, и порой до царя доходили жалобы, которые приходилось разбирать прямо во время похода.

Однажды на привале к нему привели пожилого перса. Мужчина был одет просто, на плече висела небольшая сумка, а лицо его выражало усталость человека, который долго шёл пешком.

— Кто он? — спросил Александр.

— Житель ближайшего селения, государь, — ответил сопровождавший его офицер. — Жалуется, что наши солдаты забрали у него двух лошадей.

— По какому праву?

Офицер помедлил.

— Они утверждают, что лошади понадобились для перевозки припасов.

Александр обратился к старику через переводчика:

— Лошади действительно принадлежали тебе?

— Моему сыну, государь. Он умер прошлой зимой. Теперь на них держится всё наше хозяйство. Без них мы не сможем вспахать землю.

— Ты знаешь, кто их забрал?

— Я знаю только, что они были солдатами твоей армии. Мне сказали, что теперь всё принадлежит победителю.

Александр резко повернулся к офицеру.

— Кто произнёс эти слова?

— Я выясню, государь.

— Выяснишь сейчас. И приведи сюда тех, кто забрал животных.

Пока офицер отправлялся выполнять приказ, Александр предложил старику сесть. Тот остался стоять.

— Как тебя зовут?

— Фаррух.

— Сколько у тебя детей?

— Двое. Дочь и младший сын. Старший погиб на службе у Дария.

Александр некоторое время молчал.

— Значит, ты потерял сына в войне, а теперь можешь потерять и хозяйство из-за другой армии.

— Я не знаю, чья армия лучше, государь. Я знаю только, что моя дочь должна есть, а земля без лошадей останется необработанной.

Когда привели солдат, один из них попытался оправдаться тем, что действовал по распоряжению своего начальника. Но после проверки выяснилось, что никакого приказа о реквизиции не существовало.

Александр распорядился вернуть лошадей и выплатить старику компенсацию за причинённый ущерб. Командира подразделения вызвали для разбирательства.

— Я не обещал этому человеку, что его жизнь станет лёгкой, — сказал царь офицеру. — Но я обещал, что мои воины не станут отнимать у него последнее. Если мы сами нарушаем свои приказы, тогда зачем вообще их отдавать?

После ухода старика Гефестион заметил:

— Ты сегодня снова потерял время из-за одного человека.

— А сколько времени потребуется, чтобы исправить последствия, если сотни таких людей останутся без средств к существованию?

— Ты не сможешь проверить каждый поступок каждого воина.

— Знаю. Но это не означает, что я должен перестать проверять хотя бы те поступки, о которых мне становится известно.

Через несколько дней армия подошла к Сузам.

Город был одним из важнейших центров державы Ахеменидов. Здесь находилась царская резиденция, хранились богатства персидских правителей, собирались чиновники и посланники из разных областей огромной страны. Александр знал, что после Вавилона Сузы имеют особое значение: овладеть ими означало получить ещё один ключ к управлению державой.

Однако на этот раз его ожидало не сопротивление, а предложение о сдаче города.

Местный правитель заранее вступил в переговоры. Встреча состоялась за пределами укреплений. Посланники сообщили, что город готов открыть ворота и передать царские владения без боя, если Александр гарантирует безопасность жителей и сохранность храмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.